I 383

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Н. ПИГУЛЕВСКАЯ

СИРИЙСКИЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ НАРОДОВ СССР

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТА
ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
Академии Наук
СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Н. ПИГУЛЕВСКАЯ

СИРИЙСКИЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ НАРОДОВ СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА · 1941 · ЛЕНИНГРАД

Ответственный редактор: Директор Института Востоковедения
акад. В. В. Струве

Академику
Павлу Константиновичу
Коковцову,
учителю и другу.
посвящаю свой труд

ВВЕДЕНИЕ

V и VI вв. для истории народов СССР являются одним из наименее разработанных периодов истории. Тем более значительный интерес представляют новые источники, которые помогут осветить страницы истории этого действительно малоизвестного времени.

За исключением Кавказа и Закавказья для V и VI вв. письменных источников от народов, населявших территории СССР, не сохранилось. Об этих народах можно узнавать только по известиям их соседей, населявших древние культурные государства — Китай, Иран, Византию.

Изучение сирийских источников позволило дать новый материал для истории среднеазиатских и прикаспийских областей, находившихся в соприкосновении с Ираном, часть населения которого составляли сирийцы, и потому имевших сведения из первых рук, на месте. Другая группа сведений связана с Кавказом, с которым у них были старые и прочные торговые и культурные связи. Наконец, ряд нитей связывает сирийцев с Византией, где им часто принадлежало выдающееся положение и при дворе, как, напр., в период торжества монофизитства, связанного с необходимостью для центрального правительства иметь поддержку в восточных провинциях. Отсюда в сирийских источниках ценные сведения о страшных врагах империи — аварах и славянах. Таким образом, перед исследователем сирийских источников проходят народы, населявшие территории СССР от берегов Аму-дарьи до Балканского полуострова. То, о чем впоследствии могли рассказывать арабы, до VIII в. следует искать частично у сирийцев с той разницей, что Кавказ и побережье Черного моря в меньшей степени находились в поле зрения первых.

Сирийские источники для древнего, мало исследованного периода в истории народов нашей родины, упоминаются не случайно. Сирийцы, утерявшие еще в III в. свою государственную самостоятельность, как народность оказались разорванными между двумя государствами. Восточно-Римской империей и Ираном. В этом положении они просуществовали до арабского завоевания, захватившего области Азии с коренным сирийским населением, находившимся под властью обеих могучих держав. Сирийцы в течение первых семи столетий новой эры и ранее были главным торговым народом Ближнего Востока и Средиземного моря. Широкие торговые связи уводили их далеко от родной страны: они бывали в Италии и в Галлии, в Египте, в Иране, у берегов Инда и при дворе эфиопских царей. У них были более широкие представления о мире, чем у тех из их современников, которым не приходилось передвигаться за пределы своего государства. Связь сирийцев с Арменией уходит своими корнями в глубокую древность. Арзанена, или Арзан, была областью со смешанным армянским и сирийским населением. Торговые сношения создали благоприятную сферу для сирийского влияния в Закавказье. В качестве торгового, дипломатического

и культурного языка Передней Азии выступал сирийский. На этом же языке в Армению пришли книги, составлявшие канон образованности первых веков новой эры. Влияние сирийского языка было вытеснено только мощным воздействием греческого языка Византийской империи, а затем и самостоятельным развитием армянского.

Нельзя не отметить и другого факта, что арамейская письменность, алфавит, расположение строк, направление письма — оказали глубокое влияние на письменность народов, населявших области Средней Азии. Это справедливо как для времени, предшествовавшего образованию халифата, так и несколько позже. Ряд иранских народов (согды — в частности) усвоил не только арамейский алфавит, которым вообще пользовались иранцы сасанидского государства, но их письмо имеет исключительное сходство с древним письмом сирийцев эстрангело. В XII, XIII вв. некоторые тюркские народности Средней Азии пользовались сиро-несторианским письмом.

За этими фактами следует видеть явление действенного, живого общения между среднеазиатским миром и арамейскими народностями, в частности сирийцами, вопрос о которых не только не разрешен, но и не поставлен во всем своем значении.

Культурное развитие сирийцев, говоривших на одном из арамейских диалектов, к IV в. сделало из их языка гибкий, литературно-развитой язык, передававший все оттенки мысли. Синтаксис их речи в значительной степени отошел от чисто семитической традиции, приобрел черты, отличающие синтаксическое строение индо-европейских языков, греческого — главным образом. В сохранившейся сирийской литературе не малый удельный вес занимают труды исторического характера, имеющие исключительное значение для истории Ближнего Востока в V, VI, VII вв. н. э.

Не только Иран и Византия оказались в поле зрения сирийских историков, живших на территории этих государств, но и Закавказье, Средняя Азия, с которыми сирийцы имели близкие сношения в течение ряда веков. Для них оказались доступными сведения и об отдаленных народах и государствах, с севера и востока граничивших с Ираном в Средней Азии, по берегам Аральского и Каспийского морей. Неудивительно поэтому, что у сирийских писателей имеются сведения о прошлом народов СССР. Области Азии были известны сирийцам лучше, чем, напр., греческим писателям, что вполне понятно.

Если принять во внимание крайне ограниченное число исторических памятников на среднеперсидском языке империи сасанидов и тот факт, что армянские источники подверглись многократным переработкам и были интерполированы, то сирийские источники приобретают особенно важное значение. Они, на ряду с данными политической истории, дают также историку некоторый материал для характеристики общественных отношений.

История Средней Азии и прикаспийских областей до арабского завоевания слабо разработана. До настоящего времени исследователи не располагают исчерпывающими археологическими данными, которые могут иметь большое значение для истории этих областей. Необходимо указать на заслуги профессора А. Ю. Якубовского и А. Н. Бернштама, неутомимые и последовательные раскопки которых дают столь существенные результаты. Оба названных исследователя, а также Григорьев и С. П. Толстов, имеют большие заслуги перед наукой в вопросах изучения истории Средней Азии. Ни один из них не останавливался, однако, на изучении кушано-эфталитских государственных объединений. Покой-

ный академик В. В. Бартольд касался этого периода лишь бегло, в общих чертах. Больше всего этим занимался Иосиф Маркварт, ученый с изумительной эрудицией и отсутствием какой бы то ни было системы и последовательности в изложении. Даже собрать высказанные им отрывочные замечания, зачастую им же самим опровергнутые в последующих работах, представляет нелегкий труд. Высказанные им взгляды и предположения не только не создают какой-нибудь полной картины, последовательно развитой истории, а хаотически разбросаны по его писаниям. К тому же из множества приводимых им источников ни один не подвергнут основательной критике или исчерпывающему анализу, а почерпнутые из них сведения не сведены к чему-нибудь единому.

Выводы, к которым пришли исследователи XIX столетия — Друен и Куннингам,—не могут в настоящее время считаться окончательными. Быть может, самыми замечательными из всех являются страницы, посвященные этому вопросу у Эдуарда Шаванна.[1] По самому замыслу его изложение не претендовало на полноту. Но к его труду приходится постоянно прибегать, потому что это действительно превосходно выполненная книга. Вопроса о кушанах и эфталитах касается Мак Говерн в своей сводной книге.[2] Автор действительных выводов или окончательного представления об истории этих народов и государств дать не смог. Наконец, нельзя не указать на статью Везендонка,[3] в которой он делает попытку резюмировать известные ему данные. Тем не менее и ему пришлось дать уклончивый ответ на вопрос о времени и смене кидаритов-хионитов эфталитами.

В связи с тем, что источники по этим вопросам не сведены и не имеют исчерпывающей критики, их было необходимо пересмотреть вновь. Многие из этих источников упоминаются предшествующими исследователями, но именно только упоминаются, глубокого анализа, их критики нет. К тому же ряд греческих и сирийских источников, как хроника Иешу Стилита, части хроники Захарии Ритора, некоторые греческие фрагменты и вовсе не были приняты во внимание. Иные китайские источники могли быть привлечены в большей степени, так как их переводы к настоящему времени уточнены.

Издание новых документов, исторические источники, которые не могли быть привлечены этими исследователями, в том числе сирийские источники, потребовали пересмотра этих вопросов. Поэтому ближайшие главы настоящего исследования сосредоточены на кушано-эфталитских государствах и их взаимоотношениях с Ираном и Византией, наиболее мощными державами Передней Азии. Кушаны, белые гунны — эфталиты и кидариты — появляются и в областях Закавказья. К греко-латинским и сирийским источникам можно присоединить армянские, сравнительно хорошо известные тому же Марквартy.

Вторая часть настоящей работы связана с историей Закавказья, так как без некоторых глав истории Иоанна Ефесского не может быть разрешен вопрос о сложных взаимоотношениях между группой армянской феодальной знати и Ираном, с одной стороны, и Византией — с другой. Иоанн Ефесский в качестве одного из виднейших представителей монофизитской партии сам встречался в Константинополе с армянскими нахарарами и епископами и был в курсе их политики. Сообщаемые им сведения имеют

---

[1] Chavannes. Documents sur les Tou-kiue occidentaux (1903).

[2] W. M. Mc Govern. The early Empires of Central Asia. Chamel. Hill, 1939.

[3] Wesendonk. Kušan. Chioniten und Hepthaliten. Klio, B. 26, Leipzig, 1933, p. 336—346.

исключительное значение благодаря тому, что они исходят от современника и даже участника этих событий.

Третья часть исследования ставит перед собой вопрос об аварах и славянах. Отдавая себе полный отчет и в его важности и в том, что он неоднократно трактовался и оброс сложной и многочисленной литературой, раздел, посвященный этому вопросу, сосредоточен главным образом на анализе сирийских источников, чтобы славяноведы могли располагать соответственным образом этим необходимым и новым материалом.

Таким образом, настоящее исследование объединено под общим названием «Сирийских источников», но материал его расположен по историческим проблемам, образуя три главных раздела исследования:

Среднеазиатские и прикаспийские области в V—VI вв.

Кавказ между Ираном и Византией.

Авары и склавены.

Основной задачей всех этих трех частей является выявление данных сирийских источников в их связи со сведениями других исторических памятников, чтобы они дополнили и дали действительно новое для разрешения поставленных проблем.

Для полноты оказались необходимыми некоторые специальные главы. Они посвящены характеристике основных сирийских источников, используемых в данном исследовании. Источниковедческий раздел является насущно необходимым, так как без него представление об изучаемых сочинениях не будет достаточным. В приложении находятся русские переводы сирийских источников, сделанные впервые. Они дают возможность ознакомиться с ними широкому кругу историков, студенчества, педагогам средней школы. Возможно, что в таком виде будет интересно ввести их в круг источников, изучаемых на исторических факультетах университетов.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СИРИЙСКИХ ИСТОЧНИКОВ

Сирийские источники V, VI и VII вв. представляют выдающийся интерес для затронутых выше вопросов. Среди исторических сочинений должно быть отведено место и агиографическим памятникам, которые в свое время удовлетворяли потребности в легком чтении, являясь своего рода биографической и беллетристической литературой. Таково, напр., житие Петра Ивера, мученичество христиан из города Карка де бет Селох, житие Мар Гиваргиса.

Из исторических сочинений наиболее выдающимися являются хроника, известная под именем Иешу Стилита, обширная история Иоанна Ефесского и хроника, условно носящая имя Захарии Ритора или Митиленского. Хроника Иешу Стилита, законченная в первом десятилетии VI в., была предметом моего специального исследования.[1]

Иоанн Ефесский является колоритной фигурой своего времени. Он играл немалую роль в истории монофизитской партии, и самые особенности его биографии дают необходимые для изучения его трудов данные. Только имея ясное представление о нем самом, можно внести необходимые коррективы в высказываемые им взгляды и симпатии. Без соответствующей характеристики хроника Захарии Ритора не может быть использована. В виду этого первые главы исследования посвящены характеристике этих двух главных сирийских источников данного периода.

ЗАХАРИЯ РИТОР

К историческим источникам VI в., сохранившимся на сирийском языке, принадлежит хроника, известная под именем Захарии Митиленского. По замыслу сирийский компилятор предполагал написать всемирную хронику, для которой он использовал ряд источников. Преимущественно это греческие книги, переведенные или сокращенно изложенные на сирийском языке. Его достоинство заключается в том, что он не стал повторять ни библейских рассказов, ни тех, кого считает своими предшественниками — Евсевия Кесарийского, Сократа и Феодорита Кирского.

В первой книге он дал поэтому лишь краткий анализ хронологии книги Бытия (гл. 2), историю Иосифа и Асиат (Азенет, гл. 4—6), легенду о Сильвестре (гл. 7); последние два повествования он справедливо считал малоизвестными и поэтому сообщил их. Лишь кратко упоминая о том, о чем писали другие, он сам говорит:

«После экклезиастики Евсевия Кесарийского, также Сократ и Феодосий составили писания до 32 года царствования Феодосия Младшего отно-

[1] Н. В. Пигулевская. Месопотамия на рубеже V и VI вв. (Сирийская хроника Иешу Стилита как исторический источник). Ленинград, 1940.

сительно дел и событий, которые произошли повсеместно. Они потщились собрать (сведения) из книг, писем, памяток и живого слова, исследовать и записать их как возможно для памяти и пользы лучших (людей)».[1] Заканчивая перечисление глав первой книги, компилятор дает точные хронологические рамки своему труду: «Здесь закончим первую часть повествования, а затем перейдем к остальному из того, что мы нашли написанным в сочинениях и в отдельных главах, как уже написано выше от тридцать второго года Феодосия сына Аркадия до года 880 греков».[2] Последний год отвечает 569 г. н. э., которым и заканчивается составленная им история.

Вторая книга в основном заполнена легендой о семи спящих отроках в Ефесе (гл. 1), сообщениями о ереси Евтихия (гл. 2) и письмом Прокла к армянам (гл. 5); остальное составляют небольшие заметки и сообщения исторического характера (гл. 3, 4 и конец гл. 5).

С третьей книги сирийский автор переходит к своему основному источнику — хронике византийского писателя первой половины VI в. Захарии Митиленского. По имени последнего стала называться и сирийская компиляция, в состав которой был включен его труд.

Захария Ритор, или Схоластик, ставший впоследствии епископом города Митилены, известен как автор ряда сочинений. Он родился в Майюме, гавани города Газы. Учился он в Александрии, в то время когда там находился Петр Монг, т. е. между 482 и 489 гг. Он был еще там в период, когда происходило восстание Иллуса, Леонтия и мага Пампрепиуса против Зенона (488—489 гг.), но в следующем году переправился на Азиатский материк и стал изучать в знаменитой Бейрутской школе юриспруденцию. Отсюда его прозвание — ритор, схоластик. Он был близким человеком талантливого и страстного Севера, яростного сторонника клерикальной монофизитской партии. Еще при жизни Зинона Захарий в качестве юриста переехал в столицу. В 536 г. под актами Константинопольского собора имеется его подпись, как епископа Митиленского, на чин которого он сменил свою свободную профессию. Дата смерти его неизвестна, но в 553 г. Митилена была уже представлена Палладием, следовательно, Захарии уже не было в живых. Биографические сведения о нем извлечены из его собственных сочинений, часть которых сохранилась и на греческом языке. Διάλεξις представляет собою диалог, в котором принимает участие Аммоний. Захария сам слушал его в Александрии, как он об этом сообщает в жизнеописании Севера.[3]

Αντίῤῥησις Захарии направлен против манихеев. Как полемическое сочинение этот трактат был вызван к жизни специальным эдиктом Юстиниана 527 г., изданным против сторонников Мани.[4] Греческие подлинники, написанные Захарией Схоластиком — «Жизнь Исаии Аскета» и «Жизнь Севера Антиохийского», — не сохранились, но зато мы располагаем их сирийскими переводами.[5] Жизнеописание Петра Ивера Майюмского или Газского, которое ему ошибочно приписывали, написано другим лицом.[6] Захарией была также написана «История» или «Хроника». На греческом языке она

[1] Historia ecclesiastica Zachariae Rhetori vulgo adscripta, I, II, cap. 1, Corpus scriptorum christianorum orientalium (в дальнейшем сокращенно: CSCO), Scriptores syri, Series tertia, ed. E. W. Brooks, p. 103, 108, Parisiis, 1926. (Дальше цитируется: Zachariae Rhetori). — Ahrens - Krüger. Die Kirchengeschichte Zachariens, p. 20, 21.

[2] Zacharias Rhetor, I, 1, p. 6. – Ahrens-Krüger op. cit., p. 5.

[3] Vita Severi, 3, 26.

[4] Ahrens-Krüger, op. cit., p. XXVII.

[5] Chabot. La littérature syriaque. Paris, 1935, p. 152.

[6] Ibidem.

до нас не дошла, но Евагрий, который писал после 593 г., цитирует это сочинение, приводит из него несколько выдержек, а автора называет Ζαχαρίας ὁ Ῥήτωρ.[1] «История» Захарии только раз названа — эклезиастика; вероятно, она носила скромное название σύγγραμμα — писание, и под этим названием и была известна. Анонимный сирийский компилятор использовал этот труд. Он перевел его с греческого и использовал в своей хронике. Книга Захарии охватывала период от Халкедонского собора до смерти императора Зинона. В 490/1 г. сам Захарий был в Константинополе и свой труд обращает к некоему Евпраксию, известному и по житию Севера. Евпраксий был евнухом, служившим в дворцовых палатах. В одном из писем Севера, обращенных к нему, его величают кубикулярием κουβικουλάριος. В сирийском тексте Захарии он назван работающим на царской службе.[2] Писал Захария Ритор свою «Историю» в тот период, когда политика Анастасия не приняла еще нового направления. Сам он принадлежал к монофизитской клерикальной партии, но крайних точек зрения некоторых группировок отнюдь не разделял. Автор не стремился быть историком, он только рассказал по ряду вопросов то, что сам пережил и чему был свидетелем. Личный горизонт его ограничен Палестиной, Александрией, отчасти Константинополем, но ряд материалов он почерпнул из писем и устных рассказов. Его «писание» охватывает события от 436 до 491 г. н. э.

Сирийский компилятор дал перевод греческого текста Захарии Ритора в III—IV книгах своего сочинения. Относительно V и VI книг он сам указывает, что он в них использовал Захарию, сокращая его, делая эксцерпты, так как он нашел свой источник в излишней степени «многоречивым».[3] Возможно, что он поступил так и в изложении предшествующих частей. Следует отметить добросовестное упоминание им своих источников; так, с момента, когда он начинает пользоваться Захарией, он пишет: «Начало третьей книги согласно писанию (ܟܬܒܢܐ) Захарии — верующего мужа, который писал по-гречески к некоему Евпраксию по имени, чиновнику (ܫܠܝܚܐ), занятому царской службой».[4] В конце шестой книги он указывает на то, что источник его кончился.[5]

Помимо Захарии, который по удельному весу занимает самое большое место в компиляции, сирийский автор использовал ряд других источников; среди них имеются агиологические памятники, легенды, послания, устные сообщения.

Так, легенда об Асьят, или Азенет, была им списана с версии Моисея Аггельского. Последнему принадлежат также переводы на сирийский язык сочинений Кирилла Александрийского.[6] Писал он после смерти Филоксена Мабогского, умершего около 523 г. (522 год — последний год, к которому относятся сведения о его жизни).

В хронике приводится не только текст, но и переписка между Моисеем и неизвестным корреспондентом, обратившимся к нему с просьбой пере-

---

[1] Ahrens-Krüger, op. cit., p. XXVII—XXVIII.

[2] Ahrens неверно перевел слово ܫܠܝܚܐ как солдат; оно означает работника или в данном случае чиновника (стр. 1_5).

[3] Zacharias Rhetor, 6, 7; Syr., B. II, p. 16. — Ahrens-Krüger, op. cit., p. 99. — Brooks, Engl., p. 146.

[4] Zacharias Rhetor, 3, 1; Syr., B. I, p. 144. — Ahrens-Krüger, op. cit., p. 1. — Zachariae Rhetori, 3, 5; Syr., B. I, p. 143.

[5] Zacharias Rhetor, r, 1, Syr., B. II, p. 16. — Ahrens-Krüger, op. cit., 6, 7, p. 99.

[6] Райт. История сирийской литературы под ред. Коковцова. СПб., 1909, стр. 78.

вести этот текст. Ни в письме к Моисею, ни в заголовке, перечисляющем главы, нет указания на то, кто именно обратился к нему. Некоторые исследователи считают возможным относить обращение к Моисею за счет самого компилятора, что не представляется верным. При перечислении глав он пишет: «Четвертая глава, письмо с просьбой о переводе греческой книги Азиат, найденной в библиотеке дома Бероа, епископов из города Реш-Айна».[1] И дальше: «Глава четвертая. Просьба относительно рассказа об Азиат и Иосифе, письмо об этом к Моисею Аггельскому».[2] Поскольку автор письма не указан, нет основания считать, что оно исходит от составителя всей компиляции. Первый стремился проникать в разные библиотеки и книгохранилища, чтобы доставать книги.

«В библиотеке достопамятных епископов, нарекаемых из рода Бет-Бероа из города Реш-Айна, вместе с одним юношей, близким их роду, по имени Марабда, который был мне люб в господе и благодаря общению с детства был мне близок, я нашел одну маленькую книжку, очень древнюю, называемую „Асьят“, написанную по-гречески. Я прочел только ее историю, а теорию я не понял (ܗܠܟܘܬܐ ܕܝܢܐ), и потому, что этот язык мне труден и чужд, я послал ее тебе, чтобы ты перевел мне ее на сирийский». Едва ли автор перевода Захарии Митиленского мог жаловаться на то, что греческий язык ему «чужд» и «труден», так как он прекрасно разобрался в греческом тексте в ряде сложных случаев. Вероятно, автор послания был ему неизвестен и он не смог его назвать.

Возможно, что компилятор был знаком с библиотекой, о которой он упоминает, и что он сам нашел в ней и использовал и другие материалы.

Сирийский псевдо-Захария располагает точными сведениями и о другой библиотеке известного Мары Амидского. Мара занимал одновременно положение эгемона (ܗܓܡܘܢܐ) и управляющего церковными имуществами (ܡܫܡܫ ܥܠ ܡܕܝ). Он владел греческим языком и получил систематическое образование в одной из лучших сирийских школ (при монастыре апостола Фомы). Поставленный епископом, он удержался недолго, был изгнан в Петру, а из Петры в Александрию. В этом центре образованности, куда сирийцы приезжали учиться греческой философии и медицине, он оставался в течение некоторого времени. Там он «составил библиотеку» из многих «удивительных» книг. Они были перевезены в сокровищницу (ܒܝܬ ܓܢܙܐ) амидской церкви «после смерти этого мужа».[3] Дата смерти Мары 527 г. н. э.

Амидской библиотекой и архивом города автор хроники пользовался, об этом еще будет речь ниже. Что касается пролога Мары, который он приводит по-сирийски,[4] то Baumstark высказал соображение, что древний пролог на греческом языке только находился в библиотеке Мары и был переведен автором хроники на сирийский.[5] В заслугу автору следует поставить то, что он сохранил письмо Симеона Бетаршамского о химьяритах. Оно представляет выдающийся интерес с точки зрения сведений о небольших арабских государственных единицах до образования халифата.[6] Све-

---

[1] Zacharias Rhetor, I, 1; Syr. I, p. 1.

[2] Zacharias Rhetor, I, 3; Syr. I, p. 17.

[3] Zacharias Rhetor, 8, 5; Syr. II, p. 79. — Brooks, p. 209. — Ahrens-Krüger, op. cit., p.155.

[4] Zacharias Rhetor, 8, 7; Syr. II, p. 83—87 [в тексте см. также стр. 83, примеч. (3)].

[5] Baumstark. Geschichte der syrischen Literatur. Bonn, 1922, p. 188.

[6] Zacharias Rhetor, 8, 3; Syr. II, p. 63—74.

жий и живой локальный материал автор позаимствовал из Амидского архива. Он был, повидимому, уроженцем этого города и иные сведения собрал из устного предания. Списки епископов, помещенные им в различных местах,[1] не связаны с греческой историей Захарии Митиленского. Они представляют собою вставки самого сирийского компилятора, внесшего их из другого источника. Последний список упоминает Епифания Константинопольского, «который оканчивает в настоящее время девятый год».[2]

Это указание относится к 529 г. н. э. и встречается в последнем из числа списков. Очевидно, источник заканчивался на этой дате. Предположение, что он представляет собою часть Амидского архива, можно подтвердить тем, что последний, видимо, был использован современником сирийского псевдо-Захарии — Иоанном Ефесским.[3] Помимо этих сведений, из специального амидского источника почерпнут живой рассказ об осаде города при Каваде I (кн. 7, гл. 4, 5) и о постройке крепости Дары при Анастасии (кн. 7, гл. 6); всего вероятнее, что это все тот же архив города, в котором такого рода материалы могли сохраняться. Автор, писавший в пятидесятых и шестидесятых годах VI в., конечно, знал людей, которые были очевидцами голода и войн начала столетия, и многое почерпнул из устных рассказов.

Специальный летописный источник использован им для некоторых хронологических исчислений, напр. длительности царствования Феодосия. Он и ссылается на него, говоря: «как сообщает хроника» (ܟܬܒ̈ܐ ܕܙܒܢ̈ܐ ܟܬ̈ܒ).[4] Возможно предположение, что и эта хроника связана с тем же Амидским архивом.

Существенно выяснить вопрос о зависимости, существующей между псевдо-Захарией и Иоанном Ефесским. Первый закончил свое сочинение в 569 г., так как последний упоминаемый им год 880 селевкидской эры.[5] Второй возвращался по несколько раз к различным частям своей истории и несомненно мог использовать псевдо-Захарию. Обратная зависимость псевдо-Захарии от Иоанна Ефесского невозможна.[6] Можно указать на такой пример: помещая письмо Симеона Бетаршамского о химьяритах, Иоанн Ефесский присоединил к нему ряд дополнительных сведений, которые он почерпнул у Малалы (т. е. Иоанна Антиохийского). Если бы Захарий заимствовал свой материал у Иоанна Ефесского, он несомненно воспользовался бы этим материалом. Между тем он этого не сделал и, следовательно, справедливо лишь обратное положение, что Иоанн использовал труд псевдо-Захарии. К тем же выводам приводит сравнение епископских списков, о которых речь уже была выше. Текст этих списков, сохранившихся у Дионисия Телльмахрского, переписавшего Иоанна Ефесского, носит вторичный характер, так как в правописании имен преимущество всякий раз находится на стороне псевдо-Захарии.[7] Расхождение, имеющееся в сведениях Иоанна Ефесского и псевдо-Захарии относительно событий двадцатых годов VI в., объясняется тем, что они были в своей юности современниками этих событий, с одной стороны; с другой стороный, каждый из

---

[1] Ahrens-Krüger, op. cit., p. XXXII. — Zacharias Rhetor, 3, 12; Syr. I, 166.

[2] Zacharias Rhetor, 8, 6; Syr. II, p. 83.

[3] Ahrens-Krüger, op. cit., p. XL, XXXIV.

[4] Zacharias Rhetor, 2, 5; textus I, 143; 4, 1; textus I, 166, 167.

[5] Zacharias Rhetor, 1, 1; Syr. I, p. 6.

[6] Ahrens-Krüger, op. cit., p. XLI—XLIV. — Дьяконов. Иоанн Ефесский и его церковно-исторические труды, стр. 244—246.

[7] Дьяконов, ук. соч. — Ahrens-Krüger, op. cit., XXXVII—XXXIX, XLI—XLIV.

них мог располагать устным преданием. Рассказы носили черты своеобразия, которое сохранилось в изложении историков.

В отношении Иешу Стилита следует указать, что некоторые сведения Захарии могли быть почерпнуты из его хроники. Таково сообщение о землетрясении и голоде во времена Анастасия (кн. 7, гл. 2), о войнах Пероза (кн. 7, гл. 3); отдельные эпизоды из похода Кавада на византийские провинции. В основном для последних событий он, однако, использовал архив города Амиды (кн. 7, гл. 4—5). Псевдо-Захарий сирийский, после греческого Захарии, не имел какого-либо единого источника, которому бы он мог следовать или последовательно его излагать. С книги 7-й сирийская хроника носит черты своеобразного построения и привлечения автором различных источников. Для настоящего исследования существенно то, что он уделил место событиям исторического характера и собрал свежий локальный материал. Его сведения дают возможность путем детального анализа выяснить вопросы социального порядка; такова классовая терминология, которой он располагает. К числу достоинств автора следует отнести его стремление к краткости, которое у писателя-сирийца представляет редкое достоинство. Его чутье в выборе и сообщении материалов и документов также следует отметить как положительную черту. Он владеет литературным сирийским языком, который выгодно отличается от тяжелого, вычурного, эллинизированного языка Иоанна Ефесского. Конечно, и у псевдо-Захарии встречается много греческих слов в сирийской транскрипции, особенно в тех частях, где он переводил византийские источники, но он этим не злоупотребляет и не доставляет затруднений читателю.

Для его характеристики как писателя лучше всего привести его собственные слова: «Мы уверены, что читатели или слушатели не будут гневаться на то, что мы не называем царей славными и мужественными, военачальников (стратегов) сильными и потрясающими (ܚܝܠܐ), епископов святыми и блаженными, монахов целомудренными и достопочтенными, потому что мы озабочены тем, чтобы писать о событиях (ܩܘܫܛܐ). . .»[1] Излагая события, он следует авторитетным для него в этом отношении книгам. У него прежде всего нет желания быть льстивым, он стремится и действительно сохраняет независимость и свободу мнения. В его задачи отнюдь не входит «прославлять и возвеличивать начальствующих (ܪܫܝܢ) лестью». Более того, он не желает «поносить или унижать осуждением (ܒܩܘܫܛܐ ܕܕܝܢ) инаковерующих, как мы это положили себе, если только в книгах и в письмах, которые мы намереваемся переводить, мы не встретим чего-либо подобного».[2] Этому обещанию он остается верен, напр. в положительной характеристике Асклепия, епископа Эдессы, хотя и принадлежавшего к несторианской, враждебной ему группировке. Он говорит о нем, что он «любил крестьян (ܚܒ ܠܦܠܚܐ) и был к ним смирен».[3]

Спокойный эпический тон, стремление к объективности делают его труд ценным для историка. Содержательность, большое количество документов, сохраненных им, живые и правдивые рассказы делают эту сирийскую хронику выдающимся источником для ряда исторических моментов на Ближнем Востоке.

---

[1] Zacharias Rhetor, 1, 1; Syr. I, p. 6. — Ahrens-Krüger, op. cit., p. 5. — Brooks, p. 16.

[2] Ibidem.

[3] Zacharias Rhetor, 8, 4; Syr. II, p. 75. — Ahrens-Krüger, op. cit., p. 153.

ИОАНН ЕФЕССКИЙ

Среди сирийских источников VI в. исторические сочинения Иоанна Ефесского занимают видное положение. Большое значение имеет то обстоятельство, что биография и личные взгляды автора хорошо известны, и для историка вносить необходимый корректив в его сообщения не представляет особых затруднений. На русском языке превосходную монографию Иоанну Ефесскому посвятил проф. А. П. Дьяконов. [1]

Иоанн родился около 507 г. в области, тяготевшей к городу Амиду. В древности Амидская область носила название Бет-Аггелайе, по старинной крепости Аггел, расположенной на север от Амида. В административном делении Византии провинция Месопотамия с центром Амидом входила в состав префектуры Востока.[2] Через область пролегал ряд дорог, которые скрещивались в областном центре; они соединяли Иран с Византией и Арменией. Сказочные богатства, сосредоточенные в Амиде, делали его предметом завоевательных планов сасанидов, но неприступные стены из черного базальта, утвердившие за городом впоследствии название Диарбекира, оберегали его с успехом. Впрочем в 503 г. Кавад сумел овладеть им и вывезти из него огромное количество золота, серебра, драгоценностей, дорогих одежд и всякой добычи.

Детские годы Иоанна с четырехлетнего возраста прошли в монастыре, куда он был отдан родителями. Здесь он обучился грамоте и прошел несложный курс trivium'a сирийской школы. В 529 г. в монастыре Иоанна Ортайского он получил звание младшего клирика (ܩܠܝܪܝܩܐ). К тому времени он был хорошо грамотным, как он сообщает о себе и других семидесяти кандидатах, посланных к Иоанну Телльскому: «мы правильно писали и читали».[3] Вскоре после этого Иоанн начал путешествовать, переходить с места на место. Он побывал в Сирии, в Египте, в Александрии, пробыл некоторое время в Константинополе, где нашел возможность познакомиться с Юстинианом. Принадлежность Иоанна к монофизитской клерикальной партии определила всю его жизнь и деятельность; он разделил ее успехи и неудачи. Когда другая клерикальная партия сумела установить свое влияние при дворе и монофизитов стали преследовать, то в 537 г. Иоанн оказался в числе гонимых. Однако, едва отношение к монофизитам несколько смягчилось, как Иоанн нашел возможным несколько раз возвращаться в столицу. Он постоянно передвигался, посещая города и селения, в 541 г. он был в Александрии и в Палестине. Это был год жестокой чумной эпидемии, о которой говорят все современники.[4] Иоанн рассказал об ужасах страшной болезни, которая выкашивала целые провинции. Он путешествовал осенью, когда наступало время жатвы, а поля и виноградники стояли неубранными.[5] Сообщения его относятся и к тому времени, когда жуткая гостья подкрадывалась к самой столице. Под угрозой чумы Иоанн

---

[1] А. П. Дьяконов. Иоанн Ефесский и его церковно-исторические труды. С.-Петербург, 1908.

[2] Notitia dignitatum, ed. O. Seeck. Berolini, 1876, p. 77.

[3] Ioannes Ephesius. De beatis orientalibus. — Land. Anecdota syriaca, Lugduni Botavorum, 1868, t. II, p. 173, 174 (в дальнейшем цитируется: Land. Anecdota). John of Ephesus. Lives of the Eastern Saints. Syriac texts edited and translated by E. W. Brooks. Patrologia Orientalis, t. XVIII, p. 521.

[4] Theophanus. Chronographia, a. 6034, ed. de Boor, 222. — Procopius. De bello persico, II, p. 22, ed. Haury, 1905. — Evagrius. The ecclesiastical history, ed. Bidez Parmentier. London, 1898. I, 4, 19 (в дальнейшем цитируется: Evagrius).

[5] Land. Anecdota, II, 222, 304, 311, 325.

продвигался из Палестины в Месопотамию, а когда и сюда пришла чума, он двинулся в Малую Азию и обошел Киликию, Мисию, Сирию, Иконию, Вифинию, Асию, Галатию, Каппадокию. В этих областях, следовательно, Иоанн побывал до того, как пришел туда в качестве посланного императором миссионера.

Благодаря путешествиям Иоанн приобрел широкий кругозор, перевидал много городов и людей и приобрел ту осведомленность, которая поражает в его трудах.

В 542 г. Юстиниан назначил Иоанна в Малую Азию миссионером, для того чтобы искоренить там остатки язычества. Обращение в христианство предписывалось законодательством, как это изложено в кодексе Юстиниана.[1] В качестве чисто политической меры массовое и насильственное обращение в христианство было продиктовано всей системой политики Византии. Иоанн действовал в Асии, Карии, Лидии и Фригии, как он сам об этом сообщает,[2] датируя свою миссию началом 853 г. эры селевкидов, т. е. 541/2 гг. н. э. У Михаила Сирийца эта дата падает на 15-й год правления Юстиниана. Вероятно, у Иоанна были обе даты, из которых первую, по эре селевкидов, сохранил псевдо-Дионисий, вторую Михаил Сириец, так как «История» Иоанна была источником обоих.

Христианизация носила чисто механический характер. За короткий срок «70 000 душ» были обращены «от заблуждений язычества». В виде поощрения миссии «на расходы и крещальные одежды победоносный (Юстиниан) дал щедро и имел заботу о том, чтобы каждый из них (из обращенных) получил по тримисиону».[3] Тех, кого такие блага не прельщали, можно было припугнуть императорским приказом, о котором недвусмысленно говорит Малала.[4] Свидетельство последнего прекрасно сочетается с изданным Юстинианом законом, о котором упомянуто выше.

Совершенно очевидно, что Иоанн выполнял государственное задание как один из чиновников сложной бюрократической системы Византии. Клирики высших чинов были послушным орудием в руках императора. Насильственная христианизация должна была закрепить за Византией отдельные провинции и племена — это было одним из способов упрочения власти Константинополя. В сущности миссия сводилась к разрушению языческих храмов и постройке на тех же местах христианских. Изучению и проповеди уделялось мало места, но и при таком чисто механическом подходе обращение 70 000 человек могло быть итогом только нескольких лет деятельности. Номинально Иоанн оставался в провинции Асии до 571 г. (с 542 г.) и продолжал начатое им «дело». Фактически он подолгу оставался проживать в столице, принимая самое живое участие в борьбе клерикально-политических партий и в дворцовых интригах. Когда он бывал в провинции, то жил в городе Тралле, откуда действовал во всех областях, расположенных вокруг. В Асии, Карии, Фригии и Лидии им было построено 99 церквей и двенадцать монастырей.[5] Средства на это он получал из государственной казны (ἐκ δημοσίου). Кроме того, из столицы посылались сосуды, одежды и прочее.

---

[1] Codex Justinianus, I, 11, ed. Krüger, p. 64.

[2] N a u. Analyse de la seconde partie inédite de l'histoire ecclesiastique, de Jean d'Asie. Revue de l'Orient chrétien, II, Paris, 1897, p. 480 (в дальнейшем цитируется: N a u). Chronicon Pseudo-Dionysiarum vulgo dictum, ed. Chabot, II, 76. CSCO. Scriptores syri. Series III, t. II, Parisiis, 1933.

[3] M i c h e l le S y r i e n, ed. Chabot, IX, 33, p. 324—225b.

[4] I o a n n e s M a l a l a s. Chronicon. Bonn, 1841, p. 449.

[5] I o a n n e s E p h e s i u s. Historia, III, 2, cap. 44, ed. E. W. Brooks, p. 111 (в дальнейшем цитируется: I o a n n e s E p h e s i u s).

Борьба велась не только с язычеством; попутно миссия искореняла и все другие «ереси». Семь иудейских синагог были обращены в церкви.[1] Но особенно свои способности инквизитора Иоанн развернул в инциденте с монтанистами.

Во Фригии город Пепуза являлся средоточием монтанистов. Здесь находилась синагога ܟܢܫܬܐ — кенасса, в которой сберегались кости Монтана и его многочисленных жен, бывшие предметом поклонения его последователей. Еще до того, как Иоанн начал свою миссию в Малой Азии, при императоре Юстине I был отдан приказ уничтожить эти кости. Однако монтанисты подкупили епископа, кости были заменены другими, которые и были сожжены. Но Иоанн сумел добиться своего, он разыскал кости Монтана, сжег их и распорядился так же с их синагогой и книгами.[2] О последней потере приходится пожалеть историкам.

Деятельность Иоанна в качестве инквизитора продолжалась в течение всей его жизни. В девятнадцатом году царствования Юстиниана, т. е. в 545/6 г., в Константинополе был возбужден ряд процессов против язычников. В качестве противника классического образования, в 529 г. Юстиниан приказал закрыть Афинскую академию, где преподавали новоплатоники.[2] А через пятнадцать лет «в столице нашли людей известных и знатных, с прочими грамматиками, софистами, схоластиками и врачами». Всех этих людей схватили и одного за другим под пытками (ܒܝܕ ܥܢܝ) принудили признаться в том, что они язычники.[3] Хотя Иоанн и уверяет, что всех этих людей посылали в церковь обучаться христианской вере, но сам же он говорит о том, что их сажали в тюрьму, избивали, пытали, несмотря на то, что среди них были патрикии и знатные люди (ܓܒܪ̈ܐ ܪܒ̈ܪ̈ܒ̈ܢ̈ܐ). Один факт подчеркивает всю жестокость преследований. Именитый Фока был богат и, следовательно, мог бы откупиться или дать взятку, так как в Византии можно было купить все; однако Фока предпочел умереть от яда, который он принял ночью, чем быть схваченным инквизицией. Но Юстиниан надругался над ним и после смерти, приказав устроить ему похороны осла и закопать его «как мертвую скотину».[4] Замечательно, что Прокопий Кесарийский дает положительный отзыв об этом Фоке, как о единственном префекте претория, который не крал.[5]

Подоплекой этих процессов были глубокие противоречия, которые возникли как следствие властной автократической политики Юстиниана и чрезмерного усиления отдельных представителей светской и клерикальной знати.

Для того чтобы быть обвиненным в язычестве, было достаточно иметь склонность к классическому образованию и наукам, а пытки довершали остальное в судопроизводстве инквизиции. В 35 г. Юстиниана, соответствующему 562/3 г. н. э., в Константинополе имел место еще один процесс. Рассказ о нем сохранился только у Михаила Сирийца,[6] несомненно почерпнувшего его в «Истории» Иоанна. Речь идет о пяти жрецах, которых привезли из Афин, Антиохии и Баальбека-Гелиополиса, города во Фригии. С ними были доставлены отнятые у них «идолы» и книги. Последние в количестве свыше 2000 были сожжены. Что в этом процессе ведущая роль

---

[1] L a n d. Anecdota, II, 244. Patrologia Orientalis XVIII, 681.
[2] Cambridge medieval history, t. II. Cambridge, 1913, p. 44.
[3] N a u, p. 479. Chronicon Pseudo-Dionysiarum, II, 76.
[4] N a u, p. 479, 480. Chronicon Pseudo-Dionysiarum II, 76, 77.
[5] Procopii Anecdota. 21, 6, ed. Kraschenninnikov, Iuriev, 1899, p. 96.
[6] M i c h e l l e S y r i e n, ed. Chabot, IX, 33, p. 324—325b.

принадлежала Иоанну, не подлежит сомнению, так как хроника говорит, что именно он сжег эти книги и уничтожил статуи. У византийских историков рассказа о процессе 562 г. не сохранилось.

Иоанна Ефесского нельзя назвать невежественным человеком, но его отношение к античному знанию несомненно отрицательное. Ослепленный своим рвением, он все называл язычеством. Уничтоженные статуи и книги были произведениями эллинского искусства, которые он предал ауто-да-фе как фанатик, неспособный видеть в античном искусстве и науке ничего, кроме язычества. Об участии Иоанна в процессах 580 г. н. э. известно из сохранившейся третьей части его «Истории».[1] Он сообщает, что в язычестве обвиняли Григория, патриарха Антиохийского, и Евлогия, патриарха Александрийского. Они обвинялись в том, что ночью в Дафне принесли в жертву мальчика. В Антиохии главным жрецом (ܟܗܢܐ ܪܒܐ), будто, был некий Руфин. Он отправился гостить в Эдессу к Анатолию, который был там антиепархом и имел звание архонта. Высокое положение Анатолия говорит о том, что и гость его Руфин был знатным человеком. Когда дом, где находился Руфин, был окружен со всех сторон и он понял, что не может спастись бегством, он заколол себя. На Анатолия как на язычника показали под жестокими пытками старики мужчина и женщина, найденные у трупа Руфина.[2] Можно привести еще ряд фактов, подтверждающих участие Иоанна в процессах 579/80 г., о которых он так подробно сообщает, но в этом нет надобности. Благодаря вмешательству арабского царя Мундара бар Харита, поддержавшего клерикальную монофизитскую партию, именно в эти годы Иоанн получил возможность возвратиться из ссылки.

Считаясь епископом Асии, Иоанн управлял крупной епархией и в качестве такового имел в своем распоряжении большие средства и земли. Человек властный, он всячески стремился все захватить в свои руки и упрочить свое влияние. Он пользовался им в такой степени, что ему подчиняли других епископов. Деятельность клириков высших рангов была в сущности государственной деятельностью, в которой они выполняли политические задания империи. В этом случае Иоанн не только не составлял исключения, но был послушным орудием в руках византийских владык. Он превосходно умел вести интриги, кровавые развязки которых его не пугали. Чтобы проводить политику своей партии, ему было необходимо влияние при дворе. Его личные связи были обширны, он был хорошо известен и дружествен самым различным людям в столице, начиная с императрицы Феодоры и кончая бродячими клириками из Месопотамии. Характерно, что управляя епархией, находившейся в Малой Азии, он почти все время проводил в столице, где фактически руководил политикой монофизитов. В этой деятельности были тесно сплетены интересы высших клириков, особенно близкие Иоанну, и местные политические интересы высших классов пограничных областей «Востока», стремившиеся оказать давление на столицу. Одним из главных способов воздействия в политике Иоанна были подарки и деньги, которые надо было раздавать «дворцовым людям». Он охотно рассказывает о «благотворительности», которой занималась сирийская колония. В столице были устроены ксенодохии — больницы, они обслу-

---

[1] Ioannes Ephesius, III, 3; Cureton, p. 190, ed. Brooks, p. 154—167.— Schönfelder. Die Kirchengeschichte von Iohannes von Ephesus Monachis. 1862, cap. 27—34, p. 121 — 123.

[2] Ioannes Ephesius, III, 3, cap. 28; Cureton, p. 192. ed. Brooks, p. 156.— Payne Smith. The third part of the Ecclesiastical History of John bishop of Ephesus Oxonii, 1860. 211. — Schönfelder, op. cit.; p. 122.

живались братьями и сестрами милосердия, близкими монастырю.[1] Но, конечно, влияние Иоанна и «восточных», представляемых им в Константинополе, держалось не на этом. В своей «Истории» он сохранил рассказ о факте, граничащем с цинизмом, о посещении Григорием епископом Антиохийским столицы. Григорий «приготовил множество золота, серебра, много драгоценных одежд всякого рода и прочих вещей, необходимых для подарков и подношений знатным (ܪܒܝܐ) синклита (= сената)».[2] «Когда он достиг столицы, он насытил (sic!) дарами весь синклит знатных мужчин и женщин и также всех клириков, которые сердились на него».[3] Точно так же поступал и Иоанн Ефесский, который бесконтрольно распоряжался всеми средствами монофизитов. Он раздавал взятки, делал подарки, подношения и таким путем стремился упрочить положение своей партии. Это было тем более возможно, что и церковная казна (δημόσιον) была в его распоряжении, а после смерти папы Феодосия в 566 г., он «живя в столице, распоряжался всем имуществом всех обществ верующих и повсюду».[4] Он тут же сообщает, что стал в центре внимания ряда лиц, которые надеялись через него добиться высокого положения и получить звание епископов. По этой причине они старались его одарить и делали ему подношения.[5] На этом примере бюрократическая система отношений Византии и глубочайшая коррупция ее чиновников, светских и клерикальных, раскрывается с особенной отчетливостью.

Роль Иоанна при дворе, положение и исключительное влияние, которым он пользовался, имели большое значение для монофизитов. Он превосходно знал все тайные пружины политики и умел соответственно воздействовать. Но сепаратизм и нетерпимость монофизитов привели к их неизбежному падению. С 571 г. для них наступили черные дни, вместе с другими в ссылку пошел и Иоанн. С тех пор в течение пятнадцати лет жизнь его прошла в ссылках, тюрьмах, лишениях, и он на себе испытал все те страдания, которым он подвергал других. Потеря влияния монофизитами при дворе не была так связана с отвлеченными, философскими спорами, как это обычно указывается. Борьба между клерикальными партиями обусловливалась заинтересованностью в больших земельных угодьях и доходах с монастырей, которыми пользовались епископы. Новые клирики, пришедшие к власти, требовали передачи им конфискованного у их предшественников имущества. С другой стороны, и императоры Византии задолго до решительных мероприятий иконоборцев стремились сократить все возраставшее количество земельной собственности у клириков. Светской власти надо было бороться с угрожающим ростом церковных владений. Когда Иоанн был заключен в тюрьму, с него потребовали «дарственную» и другие бумаги, связанные с недвижимостью, принадлежавшей ему как епископу.[6] От него было все отнято, но нельзя сказать, чтобы он спокойно принимал невзгоды. Когда к нему в темницу пришли посланные от императора и патриарха, он встретил их хулами, проклятиями, бранью, которые сам отка-

---

[1] Land. Anecdota, II, 21, 237. — Ioannes Ephesius, III, 2, cap. 15; Cureton, p. 92, ed. Brooks, p. 76—77. — Schönfelder, op. cit., p. 59.

[2] Ioannes Ephesius, III, 5, cap. 17; Cureton, p. 326, ed. Brooks, p. 267. — Payne Smith, op. cit,, p. 225.

[3] Ioannes Ephesius, III, 5, cap. 17, ed. Brooks, p. 267.

[4] Ioannes Ephesius, III, 5, cap. 1; Cureton, p. 309, ed. Brooks, p. 253.— Schönfelder, op. cit., p. 197.

[5] Ioannes Ephesius, III, 5, cap. 1, ed. Brooks, p. 253.

[6] Ioannes Ephesius, III, 2, cap. 41; Cureton, p. 130, 131, ed. Brooks, p. 107.

зывался повторять письменно. Его нетерпимый, вспыльчивый, грубый нрав сказался здесь вполне.[1]

Какова была тюрьма в Византии, можно судить по живому описанию Иоанна. Он сам посылал на эти мучения других, а затем был сам же осужден их терпеть. Совершенно один, лишенный возможности видеть и говорить с близкими людьми, он к тому же заболел подагрой, ܟܝܢܩܐ, которая доставляла ему такие страдания, что он не мог пошевелить ни ногой, ни рукой.[2] В это время особенно мучительны для него были насекомые — мошки, комары, мухи; кроме того, блохи и клопы кусали его днем и ночью, так что все лицо его распухло. Его каморку посещали и улитки, а мыши устроили себе гнездо в его изголовье.[3] Тело его покрылось язвами, воспалилось, и он испытывал жестокие боли. В «Истории» он упоминает обо всем этом кратко, подробно он писал об этом и в многочисленных письмах, которые он адресовал разным лицам.[4] Письма его до нас не дошли. Доведенный до крайности, он обратился к собранию «восточных» клириков с посланием, заключавшим его раскаяние, так как только такой смысл могут иметь его слова: ܟܘܬܒ ܐܓܪ.[5]

Иоанн сам подсчитал годы, которые он провел в изгнании. Двенадцать месяцев и девять дней он провел в тяжком заключении. По специальному распоряжению его врага Иоанна Сирмийского, его перевезли из больницы на морской остров ,ܐܓܪ ܟܕ ܒܝܬ ܟܝܠܐ. Здесь «он был заключен с большой суровостью», ,ܒܥܝܢ ܟܕ ܒܝܬ ܟܠܐ ܠܗ, так как был отдан приказ, чтобы никто из его знакомых, известных ему людей, не оставался с ним, чтобы с ним «никто не говорил».[6] На острове Иоанн оставался двадцать восемь месяцев. По распоряжению императора Тиверия он был перевезен оттуда в город (ܟܘ ܕ Payne Smith считает, что это столица), где в течение трех лет жил под стражей ܟܝܦܠܐ. Его освободила только смерть Иоанна Сирмийского.

В общей сложности Иоанн провел в заключении около шести с половиною лет. В том числе дважды его заключали в епископском дворце.[7]

Таким образом, Иоанн в своей жизни занимал высокое положение при дворе, был вершителем судеб многих людей, но и сам испытал ее превратности — ссылку, тюрьму, болезни. Биография его интересна сама по себе, потому что она дает яркую картину современной ему жизни, протекавшей как в высших, так и в низших слоях социальной иерархии. Своим влиянием он пользовался, чтобы упрочить положение друзей и преследовать врагов. Но едва влияние при дворе перешло в руки другой клерикальной партии, как гонитель оказался в положении гонимого.

Иоанн умер в темнице в 586 г.; последняя дата, поставленная им в «Истории», — 896 г. селевкидов, т. е. 585 г. н. э.

В биографии Иоанна, как будто, нет места для систематической, углубленной работы, для чтения и писания. Однако литературное наследство, оставленное Иоанном, обширно, особенно если принять во внимание и те его работы, которые до нас не дошли. В трудах его видна хорошая осведомленность относительно событий, современником которых он был. Во

---

[1] Ioannes Ephesius, III, 2, cap. 4; Cureton, p. 69, ed. Brooks, p. 58.
[2] Ioannes Ephesius, III, 2, cap. 5; Cureton p. 71, ed. Brooks, p. 59.
[3] Ioannes Ephesius, ibidem; Cureton, p. 70—72, ed. Brooks, p. 59—60.
[4] Ioannes Ephesius, III, 2, cap. 7; Cureton, p. 78, ed. Brooks, p. 65.
[5] Ioannes Ephesius, III, 2, cap. 6; Cureton, p. 73, ed. Brooks, p. 61.
[6] Ioannes Ephesius, III, 2, cap. 7; Cureton, p. 78, ed. Brooks, p. 65.
[7] Ioannes Ephesius, III, 2, cap. 7; Cureton, p. 78, ed. Brooks, p. 65.

время своих многочисленных путешествий он много видал и слыхал и вполне ориентировался в жизни азиатских провинций Византии. Он хорошо знал и столицу, бывал при дворе — и не только на парадных приемах, но и с черного хода. Он и сам иногда бывал в центре тех или иных событий.

Греческим языком Иоанн владел совершенно свободно. Более того, свой родной сирийский язык, на котором он писал, он уснастил огромным количеством греческих слов и выражений. Эта особенность затрудняет чтение его текста и отнюдь не служит украшением стиля. Объясняется она тем, что Иоанн не только хорошо знал и говорил по-гречески, но в ряде случаев он думал греческими терминами, не трудясь их заменять, а в иных случаях и не располагая сирийскими эквивалентами. В историографии — как греческой, так и сирийской — он был начитан.

Из ряда сочинений, принадлежащих Иоанну, «История» представляет наибольший интерес. Как книга, носящая его имя, до нас дошла только третья часть этого сочинения. Она сохранилась в пергаментной рукописи Британского музея № 14640, оконченной писцом, по имени Сергуна, в месяце Адаре 999 г. по греческому счислению, т. е. в марте 688 г. н. э. Так как смерть Иоанна падает на 586 г., то только одно столетие отделяет копию от авторского экземпляра. Рукопись дефектна, не все ее листы целы; часть из них была доставлена лишь позже из того же сирийского монастыря Скитской пустыни, где был найден и самый кодекс в 1843 г.

Предшествующие — первая и вторая — части его книги не сохранились как самостоятельное произведение. Но для хроники Дионисия Телльмахрского VIII в. одним из основных источников были эти части «Истории» Иоанна Ефесского.[1] Благодаря тому, что отдельные фрагменты второй части сохранились и были опубликованы,[2] удалось установить, что она вошла и в состав большой, сохранившейся до нашего времени хроники Михаила Сирийца.[3] По словам последнего, «История» Иоанна начиналась со времен Константина, т. е. с IV в. н. э.[4] Но сам Иоанн говорит, что он начал свою «Историю» со времен Юлия Цезаря. Для первой части он широко пользовался Евсевием Кесарийским, который был переведен на сирийский не позже середины V в. Хранящаяся в Публичной библиотеке Ленинграда сирийская рукопись Евсевия датирована 464 г.[5] Иоанн мог быть только компилятором для этой отдаленной эпохи, и понятно, что эта часть его «Истории» не пользовалась популярностью и была легко забыта. Здесь следует отметить, что Евсевий начинает свое повествование с эпохи Августа, со времени Юлия Цезаря начиналось антиохийское летосчисление. В своем труде Иоанн опирался на анналы, которые велись в Антиохии и были использованы Иоанном Антиохийским, служившим Иоанну Ефесскому источником для его исторических трудов.[6] Первая часть «Истории» Иоанна не сохранилась. Из второй, заканчивавшейся на 573/4 г., сохранился ряд фрагментов у псевдо-Дионисия Телльмахрского и у того же Михаила Сирийца, так что содержание второй части может быть восстановлено с относительной вероятностью.

---

[1] Nau. Étude sur les parties inédites de la chronique ecclésiastique attribuée à Denys de Tellmahré. Revue de l'Orient Chrétien, 1897, t. II (в дальнейшем цитируется: Nau. Étude. . .). — Haase. Untersuchungen zur Chronik des Pseudo-Dionysios von Tellmahré. Oriens Chrestianus, 1916, B. 6, H. 1, p. 65—90; B. 6, H. 2, p. 242—270.

[2] Land. Anecdota, t. II.

[3] Chronique de Michel le Syrien, ed. Chabot.

[4] Michel le Syrien, p. 121a.

[5] Wright and McLean. The ecclesiastical history of Eusebius in Syriac. Cambridge, 1898.

[6] Дьяконов, ук. соч., стр. 247.

Упомянутая хроника с именем Дионисия Телльмахрского издана. Она отнюдь не принадлежит яковитскому патриарху, умершему 22 августа 845 г., которому ее приписывают.[1] Фрагменты, сохранившиеся от подлинного сочинения Дионисия, по содержанию не совпадают с хроникой псевдо-Дионисия в тех параллельных местах, когда сличение может быть сделано. Сочинение, которому присвоено имя Дионисия Телльмахрского, на деле написано анонимным клириком из Амида, называвшим Зукнинский монастырь «своим». Примитивный и малоспособный компилятор, первую часть хроники он почти дословно переписал у Евсевия Кесарийского, как и сам на это указал. Непосредственный анализ текста это подтверждает, и поэтому первая часть его компиляции представляет наименьший интерес.[2] Со времен Феодосия он взял в основу Сократа. Псевдо-Дионисий, очевидно, располагал только второй частью «Истории» Иоанна Ефесского, которую он и использовал в своей третьей части. Она заканчивается эпохой Юстина II, на 885 г. селевкидской эры = 573/4 г. н. э. Автор утверждает, что после этого года он писал самостоятельно, не имея предшественников. Отсюда следует, что он не знал третьей части труда Иоанна, которая заканчивалась на 585 г. Четвертая часть псевдо-Дионисия продолжена до 158 г. хиджры, т. е. до 774/5 г. н. э.

О второй части своего труда автор говорит, что от Константина до времен Феодосия Младшего он позаимствовал ее у Сократа, а в третьей части от Феодосия до времен царя Юстиниана у Иоанна Ефесского.[3] Под Юстинианом здесь подразумевается Юстин II, и события излагаются им до 885 г. эры селевкидов, как выше указано. Последняя, четвертая часть его хроники в переводе издана Шабо и представляет важный источник для изучения первых полутораста лет после хиджры.[4]

Во вторую часть хроники псевдо-Дионисий включил едва десятую часть «Истории» Сократа, но сделал ряд дополнений в виде нескольких легенд, отдельных фрагментов из Эдесской хроники и др. Для анализа третьей, заимствованной у Иоанна Ефесского книги этот факт имеет большое значение, так как указывает, что компилятор эксцерптировал свои источники. Nau [5] полагал, что Дионисий целиком переписал все у Иоанна Ефесского, но, как убедительно доказал Дьяконов,[6] эта точка зрения никак не может быть поддержана. Можно только говорить о том, в какой степени была использована «История» Иоанна псевдо-Дионисием, как это стремится сделать и Haase.[7] Псевдо-Дионисий неспособный компилятор, он допустил ряд неточностей; вернее говоря, он механически переписывал свои источники, не исправляя и не согласуя их между собою. Но именно благодаря этому создается возможность обнаруживать в нем все составные части его компиляции. Подобный анализ был бы едва ли возможен, если бы компилятор

---

[1] Haase, op. cit.. p. 65.

[2] Tullberg. Dionisii Tellmahrensis Chronica, liber I. Eusebii Canonum ex Dionisii Tellm. Chronica petita. Ad. Siegfried und Gelzer, 1884.

[3] ... Nau. Étude..., ... p. 42. Chronicon anonymum Pseudo-Dionysianum vulgo dictum edidit J. B. Chabot. CSCO Scriptores Syri. Series tertia, tomus II, p. 2. Parisiis. 1933, p. 145—146.

[4] Chabot. La quatrième partie de la chronique de Denys de Tellmahré. Paris, 1896.

[5] Nau. Études. . . , p. 53.

[6] Дьяконов, ук. соч., стр. 202—276, 210.

[7] Haase, op. cit., p. 79.

сглаживал и стремился их согласовать между собою. В отношении хронологии он допустил особенно много неточностей и ошибок. Верные даты псевдо-Дионисия следует отнести за счет Иоанна Ефесского, но их не так много, так как последний ставил их в своей «Истории» не систематически. Летописные источники, использованные псевдо-Дионисием, частью уже утеряны, но во всяком случае он пользовался Эдесской хроникой и несколькими летописными источниками, из которых один кончался 868 г. с датами, частью правильными, частью ошибочными (ошибки колеблются от одного до трех, четырех лет), а другой, который он переписывал до конца своей третьей части, имел постоянную хронологическую ошибку на восемь лет, иногда дополнительно возраставшую от прибавления новых ошибок от одного до трех лет. Летописные известия псевдо-Дионисий приписывал к пространным рассказам Иоанна, которые он дополнял этими краткими, снабженными хронологическими данными сообщениями.[1] Таким образом, Иоанн Ефесский лишь частично использован псевдо-Дионисием, который, кроме всех вышеуказанных источников, переписал еще и хронику Иешу Стилита. Последняя вкраплена у псевдо-Дионисия как одно целое с ее началом и концом. Между тем в дальнейшем у псевдо-Дионисия встречается ряд цитат из этой хроники, сопровождаемых словами: «как мы выше об этом говорили». Предполагать, что Иоанн Ефесский сначала переписал хронику Иешу Стилита, а затем поместил из нее ряд фрагментов в свою «Историю», нет оснований, зная его манеру писать. Но вполне вероятно, что Иоанн Ефесский знал хронику Иешу Стилита и использовал ее частями, фрагментарно в своей «Истории». Псевдо-Дионисий использовал Иоанна после того, как он целиком переписал Иешу Стилита, поэтому ряд отрывков из последнего попал к нему вторично, так как они заключались в «Истории» Иоанна. За счет компилятора следует отнести и те замечания, которые он делает при повторных известиях, говоря, что они уже приведены выше.[2] Косвенно это подтверждается тем, что Михаил Сириец, переписавший Иоанна Ефесского, не знает хроники Иешу Стилита в целом виде, а располагает только краткими выдержками, которые были помещены Иоанном в его «Истории». Предположение, что Иоанн вовсе не знал Иешу Стилита, является во всяком случае ошибочным,[3] так как основательный анализ указывает на обратное, на то, что хроника была использована в «Истории».[4]

Существенно выяснить связь между сирийской хроникой псевдо-Захарии Митиленского и «Историей» Иоанна. Первая представляет собою труд, составленный неизвестным амидским клириком не позже 570/71 г. н. э. В основу им был положен перевод с греческого сочинения подлинного Захарии, после утерянного, как то было указано выше. Греческий Захария охватывал период времени от 450 до 491 г., причем в 490/1 г. автор был сам в Константинополе. В 536 г. он был епископом Митилены, которая в 553 г. была представлена уже другим лицом. Писал он до того времени, когда политика Анастасия приняла новые формы, так как его направление было умеренно-монофизитское.[5] Свой труд он скромно назвал σύγγραμμα. В качестве одного из источников Евагрий цитирует его как Захарию Ритора. Сирийский псевдо-Захария Митиленский к своему переводу с греческого добавил различные материалы, из которых наиболее ценными являются почерпнутые из местного Амидского архива материалы. Относительно

[1] Дьяконов, ук. соч., стр. 226, 227.
[2] Haase, op. cit., p. 270.
[3] Haase, op. cit., p. 269.
[4] Дьяконов, ук. соч. стр. 231, 233.
[5] Ahrens-Krüger, op. cit., p. XXVIII, XXXI, XXXII.

взаимной зависимости между Захарией Митиленским и Иоанном Ефесским существуют две точки зрения. Соответственно одной оба автора независимы друг от друга, но оба черпали из общего источника, городского архива Амиды.[1] Действительно, с двадцатых годов VI в. известия у Иоанна и псевдо-Захарии не имеют тесной связи. Объясняется это прежде всего тем, что они были современниками этих событий и, следовательно, сообщали о них по личным впечатлениям. Клерикальные распри особенно занимали Иоанна, он был их участником, тогда как для Захарии представляли слабый интерес, хотя он и сообщает о них, но сам стоит в стороне от описываемых событий. Однако нельзя считать, как предполагают другие исследователи, что непосредственной зависимости между этими двумя современниками не существует. Прежде всего псевдо-Захария объявляет себя продолжателем предшествующих историков и не знает никого, кто бы собрал этот материал до него.[2] Затем в истории о химьяритских мучениках Иоанн Ефесский заимствовал у Малалы (т. е. у Иоанна Антиохийского) ряд материалов, связанных с этим вопросом, и затем переписал текст мученичества, который он, вероятно, позаимствовал у псевдо-Захарии. Едва ли вероятно обратное предположение, а именно, что Захария переписал его у Иоанна, опустив при этом все дополнительные известия, которые у него были.[3] Помимо того, в ряде случаев, где есть общие черты у Иоанна и Захарии, следует отметить более исправную орфографию имен собственных у последнего и более исправный текст, несомненно указывающие на его первенство. Так как Иоанн писал свою «Историю» в течение нескольких лет и не раз возвращался к написанному, то и хронологически вполне возможно, что он пользовался сирийским текстом псевдо-Захарии, законченным около 569 г.

Необходимо уделить внимание еще одному источнику Иоанна, так называемому Иоанну Антиохийскому, имеющему ближайшее отношение к Малале. Как в хронике псевдо-Дионисия Телльмархрского, так и у Михаила Сирийца имеются ссылки на Иоанна Антиохийского, текст которого у обоих сохранен сравнительно исправным. Нет сомнения, что Иоанн Антиохийский был источником Иоанна Ефесского, на чем исследователи сходятся.[4] Но из тщательного анализа явствует и другое, то, что Иоанн Антиохийский сам по себе до нас не дошел. Однако он сохранился в греческом тексте Иоанна Малалы, известном по единственной, хранящейся в Оксфорде рукописи. Мало исправный текст, как уникум представляет собою выдающуюся ценность. Тем более имеет значение текст второй книги «Истории» Иоанна Ефесского, который воспроизводит основной источник Малалы — Иоанна Антиохийского. В хронике псевдо-Дионисия книга Иоанна Ефесского, а следовательно, содержащийся в ней материал Иоанна Антиохийского, находится в виде крупных отрывков. У Михаила Сирийца она разбита на ряд фрагментов.

Малала представляет собою вульгаризованный текст Иоанна Антиохийского. Цитируя последнего, Евагрий называет его Иоанном Ритором. Так как греческое слово «ритор» точно соответствует сирийскому «малала», то можно высказать сомнение — пользовался ли Евагрий Малалой или его источником. Но текст Евагрия говорит, что он заимствован у Иоанна Антио-

---

[1] Ahrens-Krüger, op. cit., p. XL. — Haase, op. cit., p. 83.

[2] Zacharias Rhetor, I_1, 2_1. — Ed. Brooks. CSCO, Ser. 3, t. 5, p. 2—6, 103, 104.

[3] Дьяконов, ук. соч., стр. 245—246.

[4] Haase, op. cit., p. 256. — Дьяконов, ук. соч., стр. 247 и сл.

хийского. Поздний греческий текст несомненно сохранил имя автора того источника, который был его основным исходным материалом.

Иоанн Ефесский использовал еще ряд агиологических и легендарных источников. Он много видал и слыхал в своих длинных путешествиях, отсюда у него множество устных рассказов, легенд, поверий, которые он приводит в своей «истории».

Третья, сохранившаяся до нашего времени часть его труда имеет лишь незначительные лакуны, содержание которых по оглавлениям может быть восстановлено с относительной точностью. Она охватывает события от 571 до 585. г.

Эта часть составлялась автором около десяти лет. Он записывал как бы свои воспоминания — ܕܟܪܢ, чтобы оставить их потомкам.[1] Последовательность в изложении и хронология нарушаются им постоянно. Во многих главах он повторяет уже раз сказанное или возвращается к изложенным прежде событиям, чтобы сообщить новые дополнения. Он сам сознает этот свой недостаток, но напоминает своим будущим критикам, что писал в тяжкие годы гонений, нужды и притеснений. Он жалуется на то, что у него не бывало под руками предшествующей части работы, для того чтобы перечитать или сослаться на нее. В ожидании репрессий ему случалось ее прятать, чтобы написанное не было уничтожено. По необходимости ему приходилось отправлять написанное с другими хартиями и книгами в различные места, где рукописи оставались в течение двух или трех лет, так что автор был лишен возможности их перечитывать. Воспоминания вставали у него в памяти, он стремился их заносить, но ему случалось впадать в ошибку, так как потом оказывалось, что они были уже им записаны. А перечесть написанное он не имел возможности, так как тетрадей у него не было.[2] Обо всем этом он сам пространно рассказывает в «Истории», сознавая недостатки своего изложения, но устранить их он все же не смог или не сумел. Этому могли мешать и его старость и болезни, на которые он жалуется.

Отсутствие строгих хронологических рамок, хронологической канвы дало автору полную возможность нарушать последовательность изложения. Порядок и нумерация книг и глав в пределах книги были им установлены после того, как эта часть была им написана. К отдельным главам он возвращался по нескольку раз. Хронологические даты в отдельных главах указывают на то, что более ранние главы были написаны после более поздних. Несомненно, однако, что общий план книги и основные главы ее писались по обдуманному плану, что они писались в известном последовательном порядке. В этом убеждают и ссылки в тексте на предшествующие части книги. Нарушение хронологии в большинстве случаев следует отнести за счет внесенных впоследствии вставок, которые носят более поздние даты.

Первые две книги третьей части были им написаны в течение 577 и 578 гг. Но потом гонения, а позже множество административных, хозяйственных и других забот, связанных с политикой клерикальной партии, к которой он принадлежал, прервали его работу.[3] С 581 г. он вновь принялся за свой труд, закончил его около 585 г. и в следующем году умер.

Более всего Иоанна интересовала церковная история — klesiastike, но тесная связь ее и зависимость от политической жизни государства побудили его касаться ряда событий. В общем, однако, по сравнению с другими

---

[1] Ioannes Ephesius, III, 1, 1; Cureton, p. 3, ed. Brooks, p. 4.
[2] Ioannes Ephesius, III, 2, 50; Cureton, p. 140, ed. Brooks, p. 115—116.
[3] Дьяконов, ук. соч., стр. 318—323.

историками, его книги не насыщены фактическим материалом, его мало, его приходится вылущивать. Тем не менее известия, данные в его «Истории», заслуживают самого серьезного внимания. Группируя его разнообразный материал, можно наметить вопросы и темы, которых он касается, ограничивая их специальными интересами данного исследования.

Прожив ряд лет в Константинополе, Иоанн сообщает целый ряд фактов относительно столичной жизни, быта дворца, сената (который он называет синклитом), высших чиновников и клириков. Для характеристики социальных отношений, господствовавших в Византии, у Иоанна можно найти отдельные термины, случайно оброненные указания, которые имеют интерес. В связи с тем, что Иоанн в качестве клирика высшего чина имел отношение к монастырскому и церковному землевладению, хозяйству, деньгам и располагал ими по собственному усмотрению, он касается вопросов экономических.

Как все историки и хронисты-сирийцы доарабского периода, Иоанн уделяет большое внимание Ирану. Факты, о которых он сообщает как современник, имеют историческую ценность, но исследователю необходимо делать поправку на византийскую ориентацию и клерикальную тенденцию автора. Эти черты ослепляют его, они становятся препятствием, и он не видит, не хочет видеть многого, о чем мог бы сообщить с большими подробностями.

Об Армении и ее положении между Ираном и Византией Иоанн хорошо осведомлен, причем данные, которыми он располагает, идут из первых рук.

Вопрос об арабских племенах не мог уйти из поля зрения сирийских историографов, так как это были ближайшие соседи родной им области. Но у Иоанна был еще и специальный интерес к истории арабов и Мундара бар Харита — в особенности.[1] В лице своих шейхов и знати арабы — гассаниды были сторонниками клерикальной партии монофизитов, в судьбах которой принимал такое живое участие Иоанн.

Шестая, последняя книга этой части целиком посвящена внешней политике Византии между 573 и 585 гг. В ней рассеяно много известий об Иране, о тех же арабах, армянах, первоначальные и потому особенно интересные данные об аварах и славянах. В этой части «Истории» напрасно было бы искать письменных источников: автор сообщает о том, к чему сам имел близкое отношение или пользовался устными рассказами хорошо известных ему людей.

«Хотя мы и обещали, — пишет Иоанн, — писать только о том, что мы видели и о тяжких испытаниях, которым мы были близки и которым мы были причастны в течение всего времени, о котором мы пишем, но теперь нам показалось нужным привести в записи воспоминаний и то, что отнюдь не простыми и не незначительными людьми, в присутствии многих, было рассказано в нашем столичном городе ромеев о том, что случилось в персидских областях».[2] Он, следовательно, имеет в виду устные рассказы, которые кажутся ему заслуживающими доверия, потому что они исходят от людей высокого социального положения. В других частях «Истории» он повторно указывает, что пользовался устными рассказами[3] и упоминает, напр., иранского пленника из Антиохии, который сообщил ряд ценных сведений о политике шахан-шаха.[4]

---

[1] Ioannes Ephesius, III, cap. 40—43, 54—56; liber VI, cap. 16, 18, 41.
[2] Ioannes Ephesius, III, 2, 18, ed. Brooks, p. 79.
[3] Ioannes Ephesius, III, 6, 23, Cureton, p. 398, ed. Brooks, p. 321.
[4] Ioannes Ephesius, III, 6, 19; Cureton, p. 386, ed. Brooks p. 315.

Большой удельный вес нравоучительного элемента у Иоанна Ефесского и тенденциозность затрудняют работу исследователя, которому приходится извлекать факты из множества шелухи. С благодарностью вспоминается Иешу Стилит, отказавшийся «примешивать поучение» к своему изложению, и полные жизни, яркие описания сирийского Захарии Митиленского. На все события у Иоанна свои взгляды, взгляды той клерикальной партии монофизитов, к которой он принадлежал и с точки зрения которой рассматривал все исторические факты. Его пессимистическое мировоззрение и страстный темперамент во многом искажают его отношение и к событиям, и к современникам. Отношение к противникам у него резкое, судит он о них жестоко, с пристрастием, как это мог делать человек, умевший стать «миссионером» и инквизитором. Резкость его тона порой становится бранчивой и злой; он не стесняясь расписывает всех несогласных с его точкой зрения демоническими чертами. В этом отношении он не выдерживает сравнения со спокойными, полными достоинства характеристиками и общим эпическим колоритом повествования Иешу Стилита и псевдо-Захарии.

Иоанн настойчиво утверждает, что хотя он и принадлежит к монофизитской группировке, но он «соблюдал отмеченное истиной для обеих сторон», т. е. и для диофизитов,[1] излагая добросовестно и их взгляды. Однако это утверждение автора можно принять только с оговорками. Недостатки, о которых была речь выше, отнюдь не свидетельствуют о его полной объективности, которую ему пытаются приписать.[2] Он настойчиво говорит о своей добросовестности и, действительно, стремился быть справедливым и объективным, но потом он увлекался, страстный темперамент брал верх над всем, и тогда Иоанн начинал ругать своих противников, поносить их действия и целиком отдавался своему безудержному гневу. Он несомненно утаил некоторые известные ему факты, как это было уже отмечено.[3] Они были ему неприятны, как монофизиту, и он нашел возможным опустить их. Несмотря на все эти недостатки, необходимо отметить в ряде случаев точность и добросовестность автора. Так, всякий раз, когда речь идет о каком-либо факте, он указывает и источник, из которого он его почерпнул. Он различает и выделяет те события, при которых он не присутствовал. Если источник кажется ему сомнительным, он говорит о нем с осторожностью, подчеркивает, что так «говорят».[4] Иногда он щепетильно прибавляет, что не знает в точности так это или не так.[5] Он, однако, спокойно приводит заведомо ложные росказни, сплетавшиеся его единомышленниками в темных углах. Подобные сообщения требовались ему для того, чтобы выставить в невыгодном свете противников и дискредитировать чуждый ему лагерь в глазах читателей. Стремясь к точности, он отказывается дать цифры, даже приблизительные, напр. в затратах Маврикия на постройку Арабиссуса, что несомненно могло бы быть интересным.[6]

Немногие подлинные документы, которые привел Иоанн, имеют специфически клерикальный интерес. Он утверждает, что не приводит их вследствие того, что они слишком объемисты, но сам же он расплывается в соб-

---

[1] Ioannes Ephesius, III, I, 30; Cureton, p. 46, ed. Brooks, p. 40. — Payne Smith, op. cit., p. 49.

[2] Haase, op. cit.

[3] Дьяконов, ук. соч., стр. 336.

[4] Ioannes Ephesius, III, 3, 29; Cureton, p. 194, ed. Brooks, p. 158. — Schönfelder, op. cit., p. 124.

[5] Ioannes Ephesius, III, 6, 26; Cureton, p. 404, ed. Brooks, p. 329; III, 6,5; Cureton, p. 357. ed. Brooks, p. 291.

[6] Ioannes Ephesius, III, 5, 22; Cureton, p. 335, ed. Brooks, p. 274. — Payne Smith, op. cit., p. 362.

ственных речах. Тенденция господствует у него над всем, а многословие его направлено в сторону полемики.

Стиль Иоанна представляет много затруднений. Он уснастил свою сирийскую речь греческими выражениями, что далеко не всегда вызывалось необходимостью. У него нет литературного дарования, нет школы. Задолго до него сирийская литература дала превосходные образцы нарративных и эпистолярных, агиологических произведений, с которыми нельзя сравнить его утомительный, нудный способ изложения. Ему не может служить извинением то обстоятельство, что он переводил многое с греческого на сирийской, используя византийские источники. В переводах «Истории» Евсевия Кесарийского и «Писания» Захарии Митиленского ни изящество стиля, ни стройность сирийской речи не пострадали.

Иоанн был проводником взглядов и тенденций определенной клерикальной группы, которая принадлежала к высшему социальному слою, если не по рождению, то по своему положению. Если предшественники Иоанна в области сирийской историографии принадлежали к средним слоям населения, то он умел занять среди них выдающееся положение в качестве епископа Ефесского. В его руках были сосредоточены крупные земли, имущество, утварь, деньги. Быть близким к византийскому двору, играть известную роль и завоевать себе положение возможно было только при соответствующей затрате материальных средств, так как в столице все решалось подкупами и подарками. Добившись высокого положения, Иоанн не хотел его уже терять; отсюда следовала его заинтересованность в доходах епископских, получавшихся с земель и угодьев, отсюда борьба за имущество и средства, отнятые у опального в момент, когда политическое кормило из рук монофизитов перешло к диофизитам.

Епископ, как таковой, был не только крупным землевладельцем, располагавшим большими средствами, но он пользовался и политическим влиянием. В столице он представлял целую область с ее городами, распоряжался ее судьбой, выполняя роль государственного чиновника. Это положение определило поведение и всю жизнь Иоанна. Его политические взгляды окрашены его клерикальным направлением; однако византийские императоры — противники монофизитства — подвергаются с его стороны более чем умеренной критике в робких, осторожных выражениях. Элемент раболепства, приниженности, трепета перед автократором и его ближайшими родственниками характерны для автора «Истории». Он усвоил эти черты во время своей жизни в столице, при дворе, в период, когда монофизиты были у власти. Только трагический поворот в его жизни дал ему почувствовать после блеска двора горечь изгнания, физические страдания и лишения; но все пережитое все же не смягчило его; наоборот, он становится резче, ожесточеннее, и только смерть прервала его страстные и озлобленные жалобы на жизнь.

При всех указанных выше недостатках его труд является, однако, ценным источником для истории Ирана и Византии в VI в.

СРЕДНЕАЗИАТСКИЕ И ПРИКАСПИЙСКИЕ ОБЛАСТИ В V—VI вв.

Вопрос о северной и северо-восточной границах Ирана является в сущности вопросом об одном из периодов истории народов СССР.

Сложность этого вопроса заключается в том, что даже самые границы Ирана времени аршакидов и сасанидов не могут быть вполне точно установлены. Отдельные его пограничные области находились в сравнительно слабой связи с центральным правительством, легко отпадали и оказывались под властью соседних государств. Постоянная борьба Ирана с кочевым или полукочевым населением на границах, с теми государственными объединениями, которые здесь складывались, является основным фактором его внешнеполитической истории, без которого вся история Ирана не может быть понята. Более того, в пределах самого Ирана, источники указывают на наличие полукочевого населения. Междоусобия, временное ослабление власти шахан-шаха всякий раз являлись поводом для того, чтобы эти группы населения выходили из повиновения центральному правительству.

Государственные образования на границах Ирана, о которых идет речь, в ряде случаев не имели завершенного политического устройства. Разноплеменные и разноязычные группы кочевников объединялись какой-нибудь одной главенствующей ордой. Если она уступала свои права под давлением новой орды, то входившие в состав ее государства племена частью уходили с побежденными, другая их часть оставалась, подчиняясь новым господам, примыкая к ним. Орда, принадлежавшая к господствующему слою, составлявшая правящий круг, зачастую говорила на другом языке, этнически была совершенно чужда подчиненным ей народам. Отсюда запутанность собственных имен народов, князей, языка, трудность приурочить описание внешности к племени.

На северо-восточной границе Ирана источники знают государство кушан и сменившее их государство эфталитов. В продвижении кушан в области Средней Азии сыграло роль движение орд гуннского племенного союза в I в., о котором сообщают китайские источники. Еще до начала нашей эры Срединной империи приходилось сталкиваться с кочевыми и полукочевыми народами. Постоянные тревоги, опасность нападений вынудили китайское правительство отстроить «Великую стену» со сторожевыми пунктами и крепостями, которая опоясывала культурные земли империи и составляла ее защиту. Китайские анналы в I в. до н. э. знают народ тунг-ху, с племенными объединениями которых Китай приходил в соприкосновение.[1] Когда в 89 г. до н. э. хан народа хиунг-ну обратился к китайскому императору, то это был представитель одного из народов, занимавших издревне центральные пространства Азиатского материка. Следовательно, китайцы

[1] O. Franke. Beiträge aus chinesischen Quellen zur Kenntnis der Turkvölker und Skythen Zentralasiens. Berlin, 1904, p. 9, 10.

делали различие между двумя соседящими народами — тунг-ху и хиунг-ну.[1] Тем не менее в течение последующих веков и в войне и в мире произошло скрещение и смешение этих народов. Говорить о расе «гуннов», пробившихся в Европу в IV в., не приходится: это были «смесь народов», этнический конгломерат. Когда во II в. до н. э. гунны, хиунг-ну китайских анналов или Χοῦνοι, упомянутые греческим географом Птолемеем, потянулись через всю Среднюю Азию, то они пришли в соприкосновение с народом, называемым китайцами юечжи. Движение гуннов было вызвано не только победой китайского оружия, но и, как доказал А. Н. Бернштам, социальными сдвигами, изменениями в общественных отношениях в гуннском племенном союзе в I в.[2]

Сведения о хунну (гуннах) и юечжи (кушанах) имеются в донесении китайского посла Чжан-Кяна, совершившего свое путешествие в Среднюю Азию между 138—115 гг. до н. э.[3] По дороге в области, занятые юечжийцами, Чжан-Кянь был задержан хуннами и пробыл у шаньюя около десяти лет.[4] После того он двинулся далее на запад и прошел Давань, Большой Юечжи, Дахя и Кангуй. В Китай он возвратился через тринадцать лет после начала своего путешествия.[5] Уже из сообщений, непосредственно относимых к Чжан-Кяну, очевидно, что хунну напали на юечжийцев и убили их «владетеля».[6] Под давлением гуннов юечжийцы двинулись на земли, занятые народом, известным под именем саков (скифов).

Последние частью покинули свои места, частью остались под властью победителей, продолжавших свой натиск. Родственные дахам саки, собственно скифы, были полукочевым народом, который, переступив Яксарт (Сыр-дарью), двинулся на области Бактрии и по реке Оксу (Аму-дарье). Парфянский царь, Фраат II, в своей борьбе с селевкидом, Антиохом Сидетом, призвал на помощь воинственных саков. Антиох был убит, победа осталась за парфянами. Однако последние недостаточно вознаградили своих союзников, которые тотчас перешли в наступление. Завязалась новая война. Фраат пал в борьбе с саками, захватившими обширную область его государства, по их имени получившую название Сакастан, или Систан. Бактрийское царство, созданное при Антиохе III, было попыткой устроить государство, которое могло бы играть заградительную роль и удерживать саков от новых нападений. В дальнейшем общие усилия парфян и греков были направлены на то, чтобы отбросить кочевников и парализовать их наступления.[7] Историки эпохи эллинизма [8] утверждают, что в области Ходжента Яксарт отделял саков от согдийцев, далее же саки жили и на юг и на север от Яксарта. В южном направлении от этой же реки находились дахи, массагеты и сакарауки. Из долины Яксарта (Сыр-дарьи) дахи переселились к Каспию, несколько севернее Гиркании, где они продолжали вести полукочевой образ жизни. В середине III в. до н. э. из них была орга-

---

[1] O. Franke, op. cit., p. 11.

[2] А. Н. Бернштам. Из истории гуннов I в. до н. э. Советское востоковедение, т. I, 1940, стр. 59—60.

[3] R. Henning. Terrae incognitae. Eine Zusammenstellung und kritische Bewertung der wichtigsten vorkolumbischen Entdeckungsreisen an Hand der darüber vorliegenden Originalberichte, B. I, Leiden, 1936, p. 200—218 (в дальнейшем цитируется: Henning. Terrae incognitae).

[4] И. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, ч. III, СПб., 1851, стр. 1, 2.

[5] И. Бичурин, ук. соч., стр. 4.

[6] Там же, стр. 1.

[7] Wesendonk, op. cit., H. 2/3, p. 336.

[8] Strabo, XI, 514, 517 (на основании Эратосфена).

низована гиркано-парфянская сатрапия (парни, Parnoi). Сакарауки занимали область на юг от Яксарта и области Ходжента и на запад от Окса (Аму-дарьи). Птоломей знает сакарауков и в нижнем течении обеих названных рек.[1] Что касается массагетов, имя которых предположительно может означать «великая орда саков», то они господствовали от Каспийских степей до Карпатов. На востоке их пределом было устье Яксарта, а на севере Каспия их ограничивали жившие там аорси (Aorsi).[2]

Таковы общие сведения о саках, с которыми пришлось столкнуться юечжийцам, получившим второе наименование кушан, под которым они известны сирийским и армянским историкам. Нельзя не отметить существенного критического указания, сделанного Тарном, что Бактрия (Ta-hia) изменила свою физиономию между 326 и 128 гг. до н. э. В 326 г., во время похода Александра, не было речи о крепостях, укреплениях и городах, которые нашел китайский посол во время своего путешествия после 128 г.[3] Тарн высказал предположение, что это были греческие военные колонии, которые должны были задерживать и препятствовать движению массагетов. Впрочем в этих крепостях и городах Чжан-Кянь видит иранцев и иранизованное население, как в Бактрии (Ta-hia), так и в Фергане (Ta-yuan).[4] Стеной в 187 миль длины был обнесен и оазис Мерва.[5] Повидимому, огорожены и обнесены стенами были не только города, но и деревни, вынужденные оказывать сопротивление кочевникам до той минуты, когда на выручку приходили войска сатрапа. Это способствовало объединению людей, их совместной жизни и, может быть, допускало даже ношение оружия рабами. Однако следует осторожно отнестись к тенденции «селевкидских государей поднять положение рабов» (to raise the status of servs), несомненно преувеличенное Тарном.[6]

Из донесения Чжан-Кяна о Давани явствует, что это государство расположено на запад от гуннов за 10000 ли от китайской столицы.[7] Его жители ведут оседлый образ жизни, засевают рис и пшеницу, занимаются земледелием вообще. «В Давани находится до 70 больших и малых городов».[8] На запад от Даванского государства находится Большой Юечжи, более подробная характеристика которого дается в извлечениях из «Истории старшего дома Хань», где сообщено, что «Большой Юечжи собственно есть кочевое государство. Жители со своим скотом переходят с места на место; в обыкновениях сходствуют с хуннами».[9] Последние разбили юечжийцев, причем Лоашан-шаньюй сделал из черепа их владыки чашу для питья. После поражения часть побежденных двинулась на запад, прошла область Давань и столкнулась с Дахя.[10] Это сообщение совпадает с приведенными выше данными Чжан-Кяна, умершего в 114 г., на донесениях которого основаны, вероятно, и эти сообщения.

Между тем давление на саков со стороны юеджийцев продолжалось. Образованное ими государство кушан отличалось смешанным характером: в нем слились разноплеменные и разноязычные элементы, среди которых

---

[1] W. W. Tarn. The Greeks in Bactria and India. Cambridge, 1938, p. 80.
[2] W. W. Tarn, op. cit., p. 81. — Hermann. Massagetai. Pauly-Wissowa, Realencyclopädie, 1930, B. 142, Halbb. 28, col. 2127—2130.
[3] W. W. Tarn, op. cit., p. 118, 299.
[4] W. W. Tarn, op. cit., p. 121.
[5] W. W. Tarn, op. cit., p. 117.
[6] W. W. Tarn, op. cit., p. 121, 122.
[7] И. Бичурин, ук. соч., стр. 4.
[8] Там же.
[9] Там же, стр. 54.
[10] Там же, стр. 55.

можно различать тюркские и скифские. Наводнившие во II в. до н. э. Бактрию и Гандару орды принадлежали к различным народностям, как несомненно можно говорить и о различии языков, на которых они говорили. Отсюда длительные споры о языке тахарском и языке арзи, которые имеют специальный интерес и обширную литературу. В виду особенности этого вопроса и отсутствия окончательных и убедительных выводов по нему, приходится оставить его в стороне.[1] Настоящее имя кушан было куши, кючи, так как «ана» является лишь прибавкой родительного падежа множественного числа иранских языков, как в других собственных именах.[2] В состав государства кушан входили саки (скифы), тохары, тюрки. Наличие тюркского элемента сказывается, напр., в том, что пять князей Кушана носили тюркский титул ябгю.[3] Существование такого количества князей говорит о том, что государство это складывалось из отдельных более мелких объединений, племенного характера. Падение греко-бактрийского государства под ударами юечжийцев приходится между 141 и 128 гг. до н. э. 141 год — это дата, которую можно найти на монетах Элиокла; 128 год — это уже упоминавшиеся выше сообщения Чжан-Кяна.[4] Царь Элиокл покинул Бактрию около 135—136 г. до н. э. Продолжая свое поступательное движение, эти народы пришли в соприкосновение с парфянским царством, и не случайно греческие источники утверждают, что Арсак парфянский [5] был данником скифов (ὑπόφορος γίνεται Σκύθαις).[6] В войне с кушанами погибли последние парфянские цари восточных областей. Около 120 г. до н. э. увенчались успехом попытки юечжийцев захватить все пространство между Согдией и Гиндукушем. За Китаем остались только Кашгар и Ярканд. Постепенно исчезают и другие греческие владетели, так что государство Кушания объединяет области восточного Туркестана, Индии, Согдии и Бактрии. Управление государством юечжийцев (кушан) носило черты государственного устройства иранцев. Деление на сатрапии, или их подобие, досталось им, по всей вероятности, от саков. Пять князей с тюркским титулом ябгю были правителями областей, а над ними господствовал один царь. Великий царь Кушании царствовал сначала в Бактрии, затем его столица была перенесена в Пешавар.[7] На перепутье торговых дорог из Китая, Индии и Ирана, под скрещивающимися влияниями, государство Кушания заимствовало и освоивало культуру своих соседей. Самые монеты их царей носят отпечаток этих разных и, как будто, несовместимых влияний. Одно время окрепший Иран временно вышел победителем из борьбы с саками на юго-востоке и в борьбе с Кушанией на северо-востоке. Были захвачены Систан, Арахозия, Маргиана, которые около 75 г. до н. э. вновь переходят в руки их противников. К этому времени саки особенно укрепились, захватив часть территорий Индии; они образовали большое и

[1] Бартольд. К вопросу о языках согдийском и тохарском. Иран. Л., 1926.— Sieg. Ein einheimischer Name für Toxri. Sitzungsberichte der Preuss. Akad. d. Wissensch., 1918, 27, p. 560—565. — Haloun. Zur Ue-tsi-Frage. Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft, B. 91, p. 243—318. — Sieg. Und dennoch Tocharisch. Sitzungsberichte der Preuss. Akad. d. Wissensch., 1937, p. 130—139. — W. B. Henning. Argi and the «Tokharians». Bulletin of the School of Oriental Studies (University of London), vol. IX, pars 3, 1938, p. 545—571.

[2] Stäel-Holstein, Journ. of R. Asiatic Society, 1914, p. 79.

[3] Wesendonk, op. cit., p. 337.

[4] W. W. Tarn, op. cit., p. 274.

[5] Gutschmidt (Geschichte Irans, 36, 4) считает его Артабаном.

[6] Fragmente Ioannis Antiocheni, § 66. Fragmenta historicorum graecorum, t. 4, p. 561 = Excerpta de insidiis, Ed. de Boor, Berolini, 1905, t. 3, p. 69.

[7] Wesendonk, op. cit., p. 337. — Franke. Zur Kenntnis der Turkvölker, p. 76—78; 94—98.

мощное государство.[1] В эпоху Августа (I в. н. э.) Арахозия, тяготевшая к сакам, и области Кабула попали в сферу влияния Парфянского государства и находились в номинальной от него зависимости. В то же время сакарауки, которые входили в состав государства Кушании, оказывали давление на парфян из областей Бактрии. Об этом и об интриге, которую Рим поддерживал в Гиркании, подробно сообщает Тацит в «Анналах». Рим и Парфия, как несколькими столетиями позже Византия и сасанидский Иран, постоянно сталкивались в Армении и Иверии, которые служили ареной их соперничества. В первой половине I в. н. э. эта борьба перекинулась и во внутренние области Парфии и на ее границы, где Рим стремился поддерживать ее противников. В парфянском междоусобии между двумя братьями Готарзесом и Варданом, сыновьями Артабана, Готарзес воспользовался военными силами дахов и гиркан, с помощью которых он повел войну. Вардан был вынужден покинуть Селевкию и бежать в Бактрию.[2] В результате Готарзесу пришлось уступить: он остался в пределах Гиркании, а престол был возвращен Вардану, перед которым Селевкия капитулировала. Но Готарзес не сложил оружия и продолжал борьбу, удалившись для подкрепления своих сил в Гирканию.[3] Последняя стремилась снестись с враждебным для парфян Римом, чтобы получить в нем опору в восстании. При императоре Антонине Пии (138—161 гг. н. э.) инициатива в отношении Гиркании исходила от самого Рима. Тацит сообщает, что «и гиркане послали посольство римскому императору, залогом дружбы выставляя то, что они задержали Вологеша».[4] В сложной обстановке на восточной границе для Рима было необходимостью искать союзников и, связь с государствами, находившимися в тылу у парфян, была направлена на то, чтобы ослабить силу последних. Гиркания, если не составляла части государства Кушании, то находилась под его протекторатом. Мощное государство юечжийцев было, таким образом, известно и на берегах Тибра.

Кушания упоминается армянскими и сирийскими источниками в период ее последних столкновений с Ираном, объединенным под властью сасанидов. В каждом отдельном случае эти свидетельства требуют анализа, так как, на ряду с именем кушан, упоминаются то кидариты, то эфталиты, то имя белых гуннов вообще. Не всегда удается выяснить, с кем же именно сталкивались иранцы, к каким географическим областям и к какому периоду следует приурочить те или иные этнические единства. В источниках, несомненно, имеются анахронизмы. Это особенно справедливо относительно такого источника, как труд арабского историка начала X в. Табари. Использовав среднеперсидские источники, не дошедшие до нашего времени, Табари называет царя Кушании хаганом тюрков, иногда заменяя его именем хайталь, под которым в арабских источниках подразумеваются эфталиты. Когда именно произошло падение государства кушан и на смену ему явилось государство эфталитов, из источников не вполне ясно.

Смена государства кушан и появление на их месте государства хионитов и эфталитов связаны теснейшим образом с вопросом о термине «белые гунны». Над разнообразными и многоязычными источниками о гуннах все еще не проделана та аналитическая работа, которая позволила бы с уверенностью говорить, о какой именно ветви гуннов идет в данном случае речь.

---

[1] Wesendonk, op. cit., p. 338 u. 339.

[2] Interim Gotarzes Dahorum Hyrcanorumque opibus actus bellum renovat coactusque Vardanes ommittere Seleuciam Bactrianos apud campos castra contulit (Tacitus. Annales, XI, 8. Ed. Goelzer. Paris, t. II, 1924, p. 286) (в дальнейшем цитируется: Tacitus).

[3] Tacitus, XI, p. 8, 9; ibidem, II, p. 286.

[4] Tacitus, XIV, p. 25.

Для гуннов, хунну китайских источников, в полной мере справедливо отмеченное выше явление, пестрый этнический состав тех орд, которые двигались под этим общим названием. Эфталиты, в отличие от других гуннов, назывались белыми, по свидетельству греческого историка VI в. Прокопия Кесарийского.[1] Он подчеркивает их физическое, внешнее отличие от гуннов, которых он называет «безобразными». Он отмечает также различие в их образе жизни, считая гуннов кочевым народом, а эфталитов — имеющими навыки к оседлой жизни.[2] Термин «белые гунны» стал применяться к каким-то группам, связанным с ними, но этнически от них отличных, и раньше, как на это указывают другие источники. Так, для ряда источников широко распространенным является имя хионитов.

Различие между гуннами и хионитами подчеркивает Аммиан Марцеллин. Родившийся в Антиохии, по национальности грек, по профессии воин, как он говорит об этом сам, он писал свои «Rerum gestarum» на латинском языке. Участник неудачного похода на Иран, он находился в городе Амиде во время его осады и сдачи персам. В 363 г., после смерти Юлиана, он проделал отступление вместе с его потерявшей руководство армией. По замыслу, его «История» должна была служить продолжением «Анналов» Тацита и дойти в изложении до современных ему событий. Труд его охватывал период от 96 до 378 г., но сохранились только книги 14—31, относящиеся к 353—378 гг. Свою «Историю» Аммиан закончил в девяностых годах IV в.

Аммиан Марцеллин сообщает сведения как о гуннах, так и о хионитах, причем и по существу и по имени сведения эти относятся к различным народам. Он говорит, что гунны (Huni, Hunorum gens), «племя гуннов», о которых древние писатели осведомлены очень мало, «обитает за Мэотийским болотом в сторону Ледовитого океана и превосходит по своей дикости всякую меру».[3] Далее следует описание их внешности. «Члены тела у них мускулистые и крепкие, шеи толстые, чудовищный и страшный вид». Кроме того, они до старости живут «без бороды, безобразные, похожие на скопцов». Пища их отличается исключительной примитивностью: она состоит из «кореньев диких трав» и «полусырого мяса всякого скота». Одеваются они в льняные туники, или одежду, сшитую из шкурок лесных мышей. На голове они носят кривую шапку, а на ногах обувь из козьих шкур, выделанную без колодки и потому не пригнанную к ноге. Они «приросли к коням» и, как типично кочевой народ, не покидают их. Воюют они только конным строем, под предводительством своих старейшин, не имея единого царя. Из оружия они владеют луком, причем стрелы их снабжены костяными наконечниками, мечом и с исключительной ловкостью накидывают аркан на шею своих врагов. Они кочуют с кибитками, и никто из них не занимается хлебопашеством. Они не имеют религии и законов и никаких этических понятий.[4] Характеристика, данная Аммианом Марцеллином гуннам, рисует их народом кочевым, на низших ступенях развития варварства. Описания его исключительным образом сходны с описанием, данным больше чем через полстолетия Приском Панийским гуннам Аттилы. Несомненно речь идет о том же народе гуннов, которые были объединены под началом Аттилы и в лагере которых побывал Приск.

---

[1] Procopii Caesarensis de bello persico, I, 3, ed. Haury (в дальшем цитируется: Procopius).

[2] Procopius, I, 3.

[3] Ammiani Marcellini Rerum gestarum, 31, 2, 1, ed. Garthausen, Lipsiae, 1873, II, 232 (в дальнейшем цитируется: Ammianus). — Аммиан Марцеллин. Русский перевод Ю. Кулаковского, вып. 3, стр. 236, 237 (далее цитируется: Аммиан).

[4] Ammianus, 31, 2, 2—11; Аммиан, вып. 3, стр. 237—239.

Орды гуннов, покорившие алланов и готов, шли северным берегом Каспийского моря, а их потомки представляли собою господствующую группу в государстве Атиллы (433—453 гг.). Этим путем они попали на страницы истории писателя IV в., для которого они оказались у Меотийского озера (Азовского моря). Историк V в. встретился с ними в центральной Европе. Но, помимо сведений о гуннах, Аммиан Марцеллин располагает данными о хионитах. В его представлении они живут по соседству с персами и соприкасаются с Ираном на отдаленной его границе, далекой от Месопотамии, где тогда находились войска, посланные Восточно-Римской империей. Шахан-шах Шапор находился как раз в этих областях, когда его военачальник Тамшапор направил к нему послание относительно переговоров с империей.[1] Одновременно Аммианом упоминаются хиониты и евзены. «. . .dumque ad Chionitas et Eusenas haec scripta mittuntur, in quorum confiniis agebat hiemem Sapor, tempus interstitit longum».[2]

Прежде чем дать анализ приведенному тексту Марцеллина, следует указать на то, что Маркварт привлекал эту цитату, «исправляя» текст.[3] Он читал названных рядом с хионитами евзенов, как Cuseni, в которых он видел имя кушан. Это исправление имени в приведенной выше цитате (16, 9, 4) он переносит и на другое место, где то же имя евзенов заменяет именем Cuseni (cuius Cusenis). Как и многие другие гипотезы Марквардта, такое исправление может представиться интересным и соблазнительным, но согласиться с ним трудно потому, что ни в одном другом месте у Аммиана Марцеллина кушаны не упоминаются и исправление является, следовательно, совершенно произвольным.

Тем не менее, связь хионитов с хунну, с одной стороны, и с государством юечжи (кушан), с другой стороны, несомненна.

Из сообщений латинского историка положение рисуется следующим. На северо-восточной окраине государства Шапор зимовал, очевидно, опасаясь выступлений со стороны хионитов. Ромеи между тем стремились перетянуть на свою сторону и договориться с Тамшапором, военачальником, ведавшим западной границей Ирана, во время его отсутствия. Принять всю ответственность за переговоры на себя Тамшапор не решался и послал соответствующую информацию шахан-шаху, ожидая от него ответа. Аммиан Марцеллин записал это под 356/7 г. Под 357/8 г. он сообщает, что Шапор получил послание, уже направляясь домой после того, как он заключил союзный договор с хионитами и геланами (Chionitae et Gelani), особенно воинственными племенами. Они названы «отдаленнейшими народами» (gentium extimarum).[4]

Между тем движение войск Восточно-Римской империи возбудило беспокойство сасанидского царя, и он, собрав коалиционные войска, двинулся с ними к своей западной границе. Осаду Амида в 359 г. Аммиан Марцеллин пережил сам и описывает ее со всеми подробностями. Разноплеменные войска Шапора находились под его общим руководством, но каждая

---

[1] Ammianus, 16, 9, 4, p. 90. — Кулаковский. История Византии, т. I. Київ, 1910, стр. 129. — Имя Тамшапор обращает на себя внимание с той точки зрения, что источники, называя и других военачальников, занимавших положение главнокомандующего в государстве, носили имя того царя, при котором они служили, с приставкой «там», как Тамхосрой при Хосрое (Ioannes Ephesius), Тамездегерд при Ездегерде (Hoffmann). Не есть ли «там» заимствование из какого-нибудь другого языка, присоединенное к имени царя и означающего его «заместителя» или военачальника?

[2] Ammianus, 16, 9, 4, p. 90; Аммиан, вып. 1, стр. 129.

[3] Marquart. Eranšahr nach der Geographie des Ps. Moses Xorenacii. Berlin, 1901 (в дальнейшем цитируется: Marquart. Eranšahr. . .), p. 36.

[4] Ammianus, 17, 5, 1, p. 122; Аммиан, I, стр. 174.

этническая группа находилась под непосредственным командованием своего собственного царя. У западных ворот Амида расположились сегестаны, с севера албаны, а юг был предоставлен хионитам.[1] Во главе хионитов находился царь Грумбат, Grumbates, Chionitarum rex novus — «новый царь», человек средних лет, «покрытый морщинами», уже одержавший многочисленные победы. У Грумбата был сын, юноша, «ростом и красотой выдававшийся над сверстниками» — proceritate et docore corporis aequalibus antestantem.[2] Юноша этот был сражен из баллисты со стены Амида. Раздраженные хиониты тотчас бросились в бой, продолжавшийся до заката солнца. Сказанное западным писателем о внешности этого юноши, представителе племени хионитов, что он был хорош собою, красив, едва ли могло быть выражено в таких словах, если бы он имел сходство с гуннами, описание внешности которых, данное тем же Аммианом Марцеллином, приведено выше. Хиониты не сходны с гуннами, хотя в именах их есть общий корень и на связь их между собою источники указывают постоянно. В этом их несходстве следует, вероятно, видеть то, что группы «гуннов» называются «белыми гуннами». Везендонк высказал предположение, что белыми гуннами звались именно хиониты и что впоследствии название это было приложено к другой орде, вошедшей в историю и под именем эфталитов.[3]

Писатель VI в. Прокопий Кесарийский, секретарь талантливого полководца императора Юстиниана Велизария, сохранил рассказ о борьбе шахан-шаха Пероза с белыми гуннами, называемыми им эфталитами. Начитанный Прокопий несомненно литературно зависит от своих предшественников, которые оставили характеристику гуннов, как Аммиана Марцеллина и Приска. С другой стороны, полученные им сведения могли восходить к ныне утерянной истории греческого писателя Евстафия Епифанийского.[4] Форма, в которой Прокопий Кесарийский говорит о собственно гуннах и о белых гуннах — эфталитах, — заставляет предполагать, что он имел и о первых точные сведения. Противопоставляя гуннам эфталитов, он представляет себе первых по внешности безобразными, а их образ жизни «скотским», под чем следует понимать отсутствие правильного государственного устройства и управление единым царем, которое он отмечает у эфталитов. Это представление Прокопия могло сложиться и из сообщений Приска, но еще более из сообщений о них Аммиана Марцеллина, приведенного выше. Однако сведения, сообщаемые Прокопием о белых гуннах времени Пероза, относятся им к эфталитам, которых он называет гуннским племенем, но отличным от них.[5]

Таким образом, и хиониты и эфталиты связаны для источников с гуннами и в то же время резко от них отличаются. Несомненно, что общее имя гуннов было дано той группе племен, разноязычной и разного этнического происхождения, с которой в IV и V вв. пришлось столкнуться Ирану, Византии и Закавказью. При анализе источников первое, что необходимо отметить, это коренное расхождение в сообщениях о них, так как сведения эти относятся к разным группам, которые входили в состав этих орд. В одном случае речь идет о народе с типично угро-финской или монгольской внешностью, с обычаями кочевого или полукочевого образа жизни, о людях, которые казались варварами и грекам и китайцам. В другом случае встре-

[1] Ammianus, 19, 2, 3, p. 172; Аммиан, I, стр. 250.
[2] Ammianus, 19, 1, 7, p. 170; Аммиан, I, стр. 248.
[3] Wesendonk, op. cit., p. 341, 343.
[4] Подробно об этом см.: Н. Пигулевская. Месопотамия на рубеже V и VI вв. н. э. Труды Института востоковедения, т. XXXI, Изд. Акад. Наук, 1940.
[5] Procopius. De bello persico, I, 3, ed. Haury, t. I, p. 10.

чаются описания, относимые обычно к гуннам же, но их содержание не вызывает сомнения в том, что речь идет о народе с навыками к оседлой жизни, культурном, имеющем государственное устройство, живущем в городах. Трудность разобраться во всем этом усугубляется еще наличием различных имен, которые относили к отдельным племенам или ордам, как хиониты, кидариты, эфталиты, нефталиты, хайталь. Самое различие во внешности, особенности отдельных этнических групп привели к распространению имени белых гуннов. Гунны, известные еще до нашей эры китайским историкам, как хунну, унну, к середине IV в. достигли границ Европы, с победой вышли из столкновения с алланами, разбили готов и продолжали свое поступательное движение и в V в. Около 400 г. хион, хунну, унну, гунны простирали свою власть от Согдии и Бактрии до берегов Дуная.[1] Группы орд, достигшие границ Ирана, получили название хионитов, называемых также «белыми гуннами», они вышли победителями из борьбы с государством кушан (юечжийцев), а впоследствии уступили место родственным им эфталитам. Из описания Аммиана Марцеллина и Прокопия Кесарийского очевидно, что хиониты и эфталиты представлялись им отличными от гуннов. Общее наименование их «белыми гуннами» сближает между собою эти имена. Сирийский писатель начала VI в., Иешу Стилит, упоминает имя хионитов ܟܘܢܐ ܕܗܘܢ ܟܘܢܐ: «хиониты, которые суть гунны», — говорит он.[2] Замечательна самая транскрипция имени хионитов с каф, отвечающая греческому Χιών и латинскому Chionites с ch, передающим густое х. Имя гуннов пишется в сирийском с хе ܗ, как легкое придыхание, скорее относящееся к произношению унну, чем гунну. В сирийском встречается и написание ܟܘܢܚ унайе,[3] что еще больше подчеркивает общность с произношением унну. Для Иешу Стилита хиониты или унну представляли собою одно и то же. Но это не собственно гунны, а белые гунны. В дальнейшем речь идет о тех событиях, которые изложены и у Прокопия Кесарийского, который называет их белыми гуннами и эфталитами. Хиониты сирийского писателя VI в. у греческого историка того же века получают название эфталитов. Возникает вопрос, заменяют ли эти имена друг друга или в какой-то момент правящая группа, имевшая этническое название хионитов, должна была уступить место другому этническому единству — племени эфталитов. На материале, относящемся ко времени шахан-шаха Пероза (459—484 гг.), который вел беспрерывные войны на северо-восточной границе Ирана, этот вопрос может быть решен.

Еще к концу IV и началу V в., ко времени императора Аркадия (395—408 гг.), относятся указания источников о пребывании белых гуннов на Кавказе. Житие Петра Ивера, относящееся к V в., первоначально было написано по-гречески, но сохранилось только в сирийском переводе. В этом агиографическом памятнике сообщается, что Фарсман, родом ивер, имел звание военачальника, достиг власти и был хорошо известен при дворе «Аркадия, ромейского царя», но когда его интимная связь с императрицей Евдоксией, женой Аркадия, была раскрыта, он был вынужден бежать и «быстро достиг своей земли». Здесь он попытался занять престол, что ему удалось с посторонней помощью. «Когда он воцарился над иверами, он взял с собою белых гуннов, ܟܘܢܐ ܕܚܘܪ, бывших соседями иверов».[4] Свиде-

[1] W e s e n d o n k, op. cit., p. 341.

[2] W. W r i g h t. The chronicle of Joshua the Stylite. Cambridge, 1882, § 9, p. 9 (в дальнейшем цитируется: И е ш у С т и л и т).

[3] Z a c h a r i a s R h e t o r, 2, p. 208.

[4] R a a b e. Petrus der Iberer. Leipzig, 1895, p. 5; übers. p. 15.

тельство это имеет, конечно, выдающееся значение для установления географических пределов распространения именно белых гуннов. Дальше следует указание на то, что белые гунны «были причиной многих зол для тех, которые были в подданстве у ромеев».[1] Это несомненно указание на ужасающее опустошение, которое те произвели в Месопотамии и прилегающих областях, о чем имеются показания других источников. По свидетельству упомянутого жития Петра Ивера, орды белых гуннов имели пребывание на Кавказе, по соседству с иверами. Сирийский текст представляет собою перевод с греческого, в котором стояло наименование лейкогуннов.

От собственно гуннов эфталитов отличали не только греки, но и китайцы. Эфталиты известны им как ета, они не живут в городах, а кочуют, имея кибитки. Из их обычаев отмечено, что у братьев общая жена. Относительно языка — он считается отличным от «жужаньского, и гаогюйского, и тюркского».[2] Это отличие эфталитов от гуннов подчеркивалось еще исследователями прошлого столетия, которые в гуннских ордах видели разные племена, из которых то одна, то другая оказывалась на поверхности и представляла собою господствующий слой. Уже Вивиен де-Сен-Мартен писал в 1849 г.: «Нет, эфталиты не гунны», в чем с ним соглашался и Друен.[3] С гуннскими ордами двигались и те орды, которые получили название белых гуннов, среди которых выделялись и хиониты, как не тюркского типа племя, занявшее господствующее положение на северной границе Ирана. Судя по приведенному выше свидетельству, белые гунны были и на Кавказе, где они в качестве соседей иверов в V в. известны и другим историкам. Орды гуннов на северо-восточном Кавказе получают и имя сабиров, представлявших самостоятельную государственную единицу, повидимому, не связанную с эфталитами. Для племенных названий белых гуннов, кидаритов и эфталитов источники называют племенных вождей или царьков, от которых они ведут свое начало, Кидара в одном случае и Эфталана — в другом. Ниже об этом сказано подробнее; следует только отметить, что имя царя Кидара известно и китайским хронистам, как Цидоло,[4] под начальством которого находились ветви юечжийцев (кушанов или эфталитов), как предположительно высказался академик В. В. Бартольд.[5] Место их расселения он искал на восток от Каспийского моря, а не на западном его побережье, т. е. на Кавказе. Анализ других источников даст возможность установить положение этих государственных объединений с бóльшей ясностью.

Натиск гуннов, т. е. всего сложного комплекса кочевых орд, шедших под этим общим названием оставил тяжелое впечатление на современников. Это справедливо для Балканского полуострова и для областей Передней Азии. Государство Атиллы, сложившееся в V в., имело своего историка в лице Приска Панийского. Относительно наступления гуннов на Междуречье, разграбления ими и других, ближайших к нему областей сообщают не только греческие, но и восточные историки.

Мощный натиск гуннов еще в семидесятых годах IV в. опрокинул аланов, сообщения о которых имеются у Аммиана Марцеллина. Гунны дошли «ad

[1] Raabe, op. cit.

[2] И. Бичурин, ук. соч., ч. III, стр. 178.

[3] Vivien de-Saint-Martin. Les huns blancs ou Ephtalites des historiens byzantins. Paris, 1849, p. 71. — Drouin. Mémoire, sur les Huns Ephthalites, Extrait du Muséon. Louvain, 1895, p. 10—11.

[4] И. Бичурин, ук. соч., ч. III, стр. 172.

[5] В. В. Бартольд. Сведения об Аральском море и низовьях Аму-дарьи с древнейших времен до XVII в. Ташкент, 1902, стр. 27.

usque Halanos pervenit, veteres Massagetas, qui unde sint».[1] Однако совершенно справедливо замечание исследователя и переводчика Аммиана Марцеллина — Кулаковского, что сведения, сообщаемые им о географическом положении алан у Танаиса, заимствованы им из карт древних, предшествовавших ему географов, и полного доверия не заслуживают.[2] Аланы характеризуются им как кочевой народ, воинственный и простой, не знающий рабства. Выбор военачальника происходил у них свободно, что является указанием на их военно-демократический строй и еще примитивное государственное устройство.[3] Присоединившись вместе с готами к гуннским ордам, они произвели ужасающие опустошения на Балканском полуострове.[4] Они прошли Фракию, но целью их движения, относимого Аммианом ко времени между 375 и 378 гг., были Адрианополь и Константинополь.

Греческий писатель V в., язычник Зосима, сообщает сходные данные, но дает этим народам другие имена. Неизвестный ранее народ, говорит он, атаковал задунайских скифов. Это племя называется гуннами или еще «царскими скифами», о которых Геродот говорит, что они жили на Истре (Дунае). В Европу они проникли, перейдя Танаис (Дон) у Боспора Киммерийского, где нанесенный рекой ил позволил им перебраться с повозками и лошадьми. Они перебили придунайских скифов, которые бежали на территорию Византии,[5] где подвергли жестокому разгрому Фракию, Паннонию, Македонию и Фессалию. Император Валент (364—378 гг.) направил на скифов лучшую конницу, которую он привел с востока, — это были арабы. Окончательно изгнать их, однако, не удалось, и при Феодосии (379—395 гг.) скифы, готы и тайфалы повторили свой набег.[6] При Стилихоне гунны и аланы были его союзниками, очевидно, входя в состав его войск.[7] В качестве византийских отрядов гунны были призваны на помощь в Равенну.[8] Таковы сведения о проникновении гуннов в Европу. К концу IV в. относится набег их на области Передней Азии, о котором сообщают современники и историки более позднего времени.

Бар-Эбрей, живший между 1226—1286 гг., использовал сирийские источники предшествующего времени, в первую очередь Михаила Сирийца (1126—1199 гг.). Под 708 г. эры селевкидов соответствующим 397 г. н. э., он сообщает, что во времена ромейских царей Аркадия и Гонория, в месяце Тамузе (июль) этого года, гунны наводнили ромейские провинции Сирию и Каппадокию, опустошили их, так что они обезлюдели.[9] Это краткое сообщение опирается на предшествующих ему историков. Большого внимания заслуживает хроника Иешу Стилита, по времени относящаяся к началу VI в., но для автора которой шахан-шах Пероз (459—484 гг.) жил в «наши дни». Сообщая о борьбе последнего с «кионайе», т. е. с гуннами, хроника указывает на требования, предъявляемые им Константинополю, чтобы ему было выдано «золото», уплата которого производилась ромеями в виду того, что персы охраняли общую с ними границу от варваров. Свои требования Пероз подкреплял уверениями, что он беспокоится, «чтобы они (т. е. гунны) не перешли на вашу землю». В конце

---

[1] Ammianus, 31, 2, 12, p. 234; Аммиан, стр. 239.

[2] Ю. Кулаковский. Аланы по сведениям классических и византийских писателей. Киев 1899, стр. 18.

[3] Ammianus, 31, 2, 21; 31, 2, 25, p. 236, 237; Аммиан, 3, стр. 242, 243.

[4] Ammianus, 31, 16, 3, p. 275; Аммиан, 3, стр. 291.

[5] Zosimus. Historia nova. Bonnae, 1837, 4, 20, p. 194.

[6] Zosimus, op. cit., 4, 25, p. 201.

[7] Zosimus, op. cit., 5, 26, p. 284.

[8] Zosimus, op. cit., 5, 45, p. 311.

[9] Gregorii Barhebraei. Chronicon syriacum. Ed. Bedjan, Parisiis, 1890, p. 68.

IV в. такого рода факты имели место, и поэтому «правдоподобными делали его слова опустошения и увод в рабство, произведенные гуннами в ромейских землях в 707 г. (395/6 г. н. э.), в дни Гонория и Аркадия, сыновей Феодосия Великого, когда вся Сирия находилась в их руках, благодаря предательству епарха Руфина и слабости Аддая стратилата».[1] Следует отметить различия в указаниях Бар-Эбрея и Иешу Стилита. Источник, использованный Бар-Эбреем, дает месяц и другой год; кроме Сирии, называет Каппадокию. Текст Иешу Стилита сообщает такие подробности, как предательство епарха Руфина и беспомощность, «слабость» стратилата Аддая перед мощным натиском гуннов. Наиболее тяжелым фактом были «опустошения» и «увод в рабство», так как гунны не только разоряли города, собирали огромную добычу в богатейших областях Византии, но и уводили массами пленных, обращая их в рабов. Веком позже угроза подобной же расправы и разграбления этих провинций в устах персов была аргументом для того, чтобы вынудить ромеев выплачивать им требуемые суммы.

Подробности, заслуживающие внимания, сообщают греческий историк Сократ и известный латинский писатель Иероним. Последний совершал паломничество на восток в то время, когда происходили эти события, и сообщил о них в двух своих письмах. Он говорит, что весь восток «содрогнулся» от сообщений вестников, что «от далекого Меотиса, земли ледяного Танаиса и страшного народа массагетов, где в Кавказских ущельях Александр дверью запер дикие народы, вырвалась орда гуннов. . .» Наводя на всех ужас, они бросались в разные стороны, тем более что ромейские войска были отвлечены междоусобными войнами на западе. Иерусалим, Тир и Антиохия готовились в ожидании врага. По течению рек Халиса, Цидна, Оронта и Евфрата ряд городов подвергся осаде, в том числе и Антиохия. «Аравия, Финикия, Палестина и Египет были пленены страхом».[2] Иероним упоминает области на запад от Евфрата, который гуннские орды, прорвавшиеся на Кавказе, должны были перейти. Он сам находился, повидимому, в одной из этих областей. Гунны захватили огромное количество пленных, а благодаря своей «неутолимой жажде золота» они собрали множество добычи. Нападение гуннов охватило, следовательно, большое число городов и было угрозой для целого ряда областей.

Упоминаемый сирийской хроникой епарх Руфин, в царствование Аркадия как временщик, пытался даже занять престол. Он был убит солдатами 27 ноября 395 г.[3] Особенно подробно о Руфине сообщает Сократ, который отмечает его тенденцию занять первенствующее положение и обвиняет его в том, что именно он призвал «варварский народ гуннов» в ромейские области.[4] Гунны в то время «бродили» по Армении и некоторым восточным провинциям. Об этом говорит и Клавдиан в своем сочинении против Руфина, упоминая, что враги прошли через Каспийское «ущелье» в Армению и наводнили области на востоке империи.

«. . .Alii per Caspia claustra
Armeniasque nives inopino tramite ducti.
Invadunt Orientis opes. . .» [5]

---

[1] Иешу Стилит, § 9, p. 9, 10.

[2] Hieronymus. Epistolae 77_8, 66_{16}. См.: Socratis ecclesiastica historia. Ed. Hussey, t. III, Annotationes, p. 438, 439.

[3] Bury. History of the later Roman Empire, t. I, London, 1923, p. 113.

[4] Socratis cholastici ecclesiastica historia 6, 1, ed. Hussey, t. II, p. 656, Oxonii, 1853 (в дальнейшем цитируется: Socratis historia).

[5] Claudianus adversus Rufinum, 2, 25. — Socratis historia, t. III, Annotationes, p. 438.

Приведенные тексты не оставляют сомнения в том, что гунны прорвались в Междуречье и сиро-финикийское побережье через Кавказский хребет. Для Иеронима гуннская орда (Hunnorum examina) двигалась с Танаиса (Дона), где находилась в соседстве со страшными, «невероятными» массагетами. Прорвались они через ворота, которые, по его мнению, были устроены еще Александром Великим, чтобы отделить и «запереть» варваров и лишить их возможности прорываться в Закавказье. Каспийские ворота, названные Клавдианом, заставляют предполагать, что гунны прошли Дербентское ущелье. Но тот факт, что греческие и латинские авторы очень рано стали смешивать Дарьяльское и Дербентское ущелья, заставляет с большой осторожностью относиться к их указаниям. Историки VI в. Прокопий Кесарийский и Агафий называют гуннов, живших на Северном Кавказе, сабирами. Прокопий говорит, что среди прочих племен там живут аланы и абазги, которые приняли христианство и находятся в дружеских отношениях с ромеями. За этими племенами находятся зехи и гунны, называемые сабирами.[1] Для Агафия из гуннского племени сабиров наемников вербовали, как Византийская империя, так и Иран.[2] Они приходят в тесное соприкосновение с племенами дайломитов (дилимнитов, доломитов), населявших области Ирана на юго-запад от Каспийского моря, с которыми они вступают то в соглашения, то в борьбу. Некоторые исследователи связывают сабиров с хазарами.[3]

К вторжению «уннов» источники считают причастными различных лиц и разные обстоятельства. Судя по угрозам Пероза, приведенным в сирийской хронике, можно предполагать намеренные действия со стороны Ирана, гарнизоны которого пропустили варваров. Житие Петра Ивера возлагает ответственность на представителя иверской знати Фарзмана, который «взял с собой белых гуннов, бывших соседями иверов». Наконец, Клавдиан видит в этом злонамеренные действия временщика Руфина. Каких бы виновников этим событиям ни находили, общее положение кавказской границы было тяжелым. Вооруженные силы государства сасанидов были и вообще в напряжении. Иверии и Армении сдерживать напор новых и все более настойчивых орд становилось не под силу. Для гуннских племен богатые области Междуречья, Сирийского побережья, Малой Азии были особенно притягательны. Множество уведенных ими военнопленных в таком количестве, что эти области «обезлюдели», говорит о том, что в их обществе назревали новые отношения. Аланы и массагеты обрисованы источниками как народы, стоящие на первых ступенях варварства. Самые факты воинственных походов гуннов говорят о новой фазе развития отношений в этих союзах племен. Очевидно, назревшая потребность в рабочих руках заставляла уводить в плен огромные количества пленных, чтобы обращать их в рабов. Несомненно орды были привлечены и богатством городов, в которых они находили оружие, украшения, металлические изделия, одежду.

Общими усилиями войск Восточно-Римской империи, вероятно, при содействии Ирана и других союзников бушевавшие в азиатских провинциях орды к первым годам V в. частью были вытеснены, частью растеклись, и некоторое спокойствие было водворено.

Однако с угрозой на северо-восточной границе Византии и северной границе Ирана отнюдь не было покончено.

---

[1] Procopius. De bello persico, 2, 29, p. 292.

[2] Agathiae Myrinaei Historiarum libri quinque, 3, 17, p. 177; 4, 13, p. 234, ed. Nieburius, Bonnae, 1828.

[3] В. В. Бартольд. Место Прикаспийских областей в истории мусульманского мира. Баку, 1925, стр. 23.

Одним из важнейших источников по истории Ирана времени сасанидов является труд арабского историка Табари (умер в 923 г.). Табари использовал не только предшествовавших ему арабских писателей, труды которых не сохранились (как, напр., Ибн-Хишам), но и среднеперсидские источники; последние, может быть, и опосредствованным путем. В части, касающейся государства кушан, а затем эфталитов, Табари не дает, однако, последовательного изложения. Данные о них приходится извлекать из отдельных частей текста и не всегда можно быть уверенным в передаче событий, которые сам автор не представлял себе в полной последовательности.

При Ардашире I (224—241 гг. н. э.) к его двору были присланы послы царей Кушании, Турана и Мокрана.[1] Ардашир возвратился из длительного военного объезда отдаленных провинций, в числе которых были Гурган, Мерв, Балх, Хорезм. Он продвинулся затем до крайних пределов Хоросана, возвратился в Мерв, а оттуда в область Парса, где осел в городе Гор. Уже Нельдеке отметил, что Мерв мог принадлежать к владениям сасанидов, но только при Хосрое I граница достигла Окса (Аму-дарьи). Балх с Бактрианой не были подчинены сасанидскому Ирану, как и Хорезм.[2] Балх принадлежал к тем центрам, которые находились в руках кушанских владык, от которых и было прислано посольство Ардаширу. Факт этот можно считать историческим.

С V в. известия о столкновении государств, сложившихся в Средней Азии и за Кавказским хребтом с Ираном, становятся многочисленнее. Ко времени Вахрама Гора (421—438 гг.) относятся сообщения о северных, варварских народах, от воинственных действий которых страдал Иран. Речь идет о гуннских племенах, ошибочно названных у Табари тюрками.[3] Но если анахронизмом является терминология, то едва ли подлежит сомнению факт,[4] что «каган» выступил против Ирана с многочисленным войском (250 000 тюрок не могут считаться достоверным известием ни со стороны количества войска, ни со стороны имени народа). Вахрам первоначально не имел намерения оказать активное сопротивление, он даже отправился в Азербайджан, где расположился в Схизе (Шиз) или Ганзаке, лежащем в юго-восточном направлении от города Марага. В Схизе находился замечательный храм огня, одно из главных святилищ зороастризма. Туда отправился Вахрам, а своего брата Нарсе оставил в качестве правителя. Знать, распоряжавшаяся судьбами государства, послала к кагану посольство, прося его принять от них дань, на что тот ответил приказом войскам не грабить областей, так как считал вопрос об их подчинении решенным. Между тем через лазутчиков Вахрам получил необходимые сведения о врагах, двинул свои войска, напал на них ночью и собственноручно убил их царя. Вахрам продвигался через Табаристан к Гургану и Мерву, и на основании того, что сообщают Фирдуси и Динавари, можно предполагать, что битва произошла у Мерва.[5] Едва ли справедливо, что вражеские орды проникли в самый центр Ирана, до города Рай.[6] Вахрам перешел в наступление и дальше, решительными действиями он устрашил врагов, отнял

---

[1] Tabari. Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sasaniden. Ubers. v. T. Nöldeke, Leiden, 1879, p. 17. (в дальнейшем цитируется: Tabari — Nöldeke).

[2] Tabari — Nöldeke, p. 17.

[3] Tabari — Nöldeke, p. 99.

[4] Christensen. L'Iran sous les Sasanides. Copenhague, 1936, p. 275.

[5] Tabari — Nöldeke, p. 101, Anm. 2.

[6] Вопреки Нельдеке. — Marquart. Eranšahr. . . , p. 52; — Drouin. Mémoire sur les Huns-Ephthalites. Extrait du Muséon Louvain, 1895, p. 25.

у них добычу, полонил жен и детей. Вновь установленную границу побежденные обещали не переступать. Помимо того, по распоряжению шаханшаха была отстроена башня, очевидно, высокое крепостное сооружение, впоследствии дополнительно укрепленное Перозом. Никакие завоевания в Трансоксании (за рекой Аму-дарьей) нельзя признавать вероятными: граница государства сасанидов при Вахраме пролегала у Талакана. Сообщение, что Нарсе в качестве марзбана жил в Балхе, не соответствует исторической действительности, но, что Нарсе имел звание марзбана Хорасана и управлял им, несомненно справедливо.[1] Титул Marzban-i-kušan удержался, по всей вероятности, с того времени, когда соседями персов было царство кушан. Сменившие их хионитy и эфталиты долго сохраняли для персов имя своих страшных предшественников. Со своей стороны, Иран, сохраняя звание марзбана кушан, стремился доказать вновь пришедшим, что старые прерогативы этого царства перешли к Ирану, но что отнюдь их не наследовали эти пришельцы.

Из своих восточных владений Вахрам возвращался через Албанию (Северный Азербайджан). Это указывает на направление путей сообщений этого времени. Храму в Схизе, о котором речь была выше, он пожертвовал различные драгоценности, а жену кагана, ханшу (хатун), сделал служанкой храма.[2] Борьба этого времени относилась, следовательно, к восточной границе Ирана и велась у Маргианы и Бактрианы. Следствием укрепления Ирана были обмен посольствами, появление сасанидских монет в Трансоксании и соответственно их отчетливое влияние на тип монет, которые стали там выбивать.[3]

При сыне Вахрама, Ездегерде II (438—457 гг.), в сношения с гуннами вступили армяне и албанцы, чтобы опираясь на союз с ними, сбросить с себя господство Ирана. Но Ездегерду пришлось вести борьбу не только на кавказской границе. Первые годы своего царствования он провел в северных областях государства. До одиннадцатого года его царствования (с 438/9 г.) туда была перенесена и его резиденция. Армянский историк Елише Вардапет сообщает, что Ездегерд объявил о своем намерении бороться с государством кушан,[4] собрал войска и произвел внезапное нападение. Анахронизм в названии кушан стирается точным указанием историка, что напал шахан-шах на страну гуннов, которая называется также Кушанией.[5] Он вел войну в течение двух лет, сменил затем войска, отослав бывшие в сражениях полки обратно, и потребовал свежие подкрепления. Он продолжал, таким образом, вести войну в течение нескольких лет.[6] В этих северных областях находилась и его резиденция с четвертого по одиннадцатый год царствования, т. е. примерно с 442 по 449 г.

Об этой борьбе Ездегерда сообщает и сохранившаяся фрагментарно сирийская локальная хроника города Карка де бет Селох. Упомянутый город был центром иранской провинции Бет-Гармай.[7] Редакция этой хроники относится к VI в., но в основном она была составлена раньше. Хро-

---

[1] Tabari — Nöldeke, p. 102, Anm. 3; p. 103; Anm. 1. — Marquart, Eranšahr. . ., p. 52, 53.

[2] Tabari — Nöldeke, p. 104, Anm. 2.

[3] Drouin. Monnaies Touraniennes. Journal Asiatique, 1892, 4.

[4] Elisée Vartabed. Histoire de Vartan et de guerre des Arméniens. Collection des historiens anciens et modernes de l'Arménie par V. Langlois. Paris, 1867, II, 185 (в дальнейшем цитируется: Elisée Vartabed).

[5] Elisée Vartabed, op. cit., p. 186.

[6] Ibidem.

[7] Hoffmann. Auszüge aus syrischen Akten persischer Märtyrer. Abhandlungen für die Kunde des Morgenlandes, B. VI, p. 253.

ника, называя Ездегерда, прибавляет: «который был пятым царем в Парфии после Шабора», имея, следовательно, в виду Ездегерда II — сына Вахрама V Гора, который действительно был пятым царем после шаханшаха Шапора III. Далее сообщается, что Ездегерд отправился в провинцию Чол (ܟܘܠ) и покорил тамошнего царька. Беджан, издавший хронику Карка де бет Селох, читает это слово во множественном числе, Ездегерд разбил, следовательно, несколько царьков (ܟܘܠܟ) и построил там город, названный им Шахристан-Ездегерд.[1] На основании данных хроники это событие может быть отнесено ко времени после восьмого года царствования Ездегерда, так как восьмым годом датируются в той же хронике такие события, как убийство им дочери, которая по обычаю персов была и его женой, а также знатных или богатых его царства, ܒܢܝܗ ܕܒܝܬ ܡܠܟܘܬܐ. Очевидно, Ездегерд, как и другие сасанидские цари, укреплял свою власть в борьбе со знатью, сепаративные тенденции которой известны по другим данным. Восьмой год царствования — это 446/7 г. н. э. По свидетельству сирийской хроники, Ездегерд направился в область Чол после этого года. Сирийская транскрипция Чол отвечает Чор или Сул других языков. Чол — это область, прилегающая к Горго (Гурган или Гиркания), на восточном побережье Каспийского моря, севернее Гиркании и реки Атрека, занимающая его юго-восточный край. Соответствующие доводы были приведены Гофманом [2] в географическом комментарии к истории Карка де бет Селох и были подхвачены Марквартом.[3] Предположение, что Чор может быть приурочен к западному побережью Каспийского моря, к Кавказским областям, отпадает при внимательном анализе текста Табари. Сообщение арабского историка относится уже к царствованию Пероза и Хосроя. Пероз воздвиг в области «Сул и аланов» каменное крепостное сооружение. Хосрой еще укрепил его, причем воздвигаемые им укрепления он строил из камней, которые были выломаны в области Гурган.[4] Уже этот один факт делает невозможным отнесение Чора к Кавказу. Подтверждается это и дальнейшим текстом Табари. Сооружения эти были угрозой тюркскому кагану Синджибу, известному и по византийским источникам. Хотя власть его и простиралась на большие пространства Азиатского материка, но до западного побережья Каспия, Кавказа она не достигала. Этому не противоречит и название области «страна алан», с которыми здесь пришлось столкнуться гуннским ордам. Укрепления, построенные Ездегердом, и были той крепостью Шахристан-Ездегерд, о которой говорит сирийская хроника.[5] Этот город и был его резиденцией до одиннадцатого года царствования, т. е. до 449—450 гг., как свидетельствует армянский источник. Чол укреплялся и последующими сасанидскими царями, которые отстаивали свои владения у Балкана (современный Красноводск). Перечисленные у Табари сооружения на границе, построенные и обновленные Хосроем, указывают, что крепостная стена была из камня и что там были всякие другие укрепления.

В двенадцатом году царствования (450/1 г.) Ездегерд был отвлечен от этой северной границы и с многочисленными войсками достиг ergir italagan.[6] Перевод этого места, сделанный Ланглуа, никак нельзя принять.

[1] Acta martyrum et sanctorum. Ed. Bedjan, t. II, Parisiis, p. 518.
[2] Hoffmann, op. cit., p. 277—281.
[3] Marquart. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Leipzig, 1903, p. 489. (в дальнейшем цитируется: Marquart. Osteuropäische. . .).
[4] Tabari — Nöldeke, p. 158.
[5] Hoffmann, op. cit., p. 277—279.
[6] Маркварт относит этот факт к 449/50 гг.

Конечно, здесь речь идет не о «terre Italienne»; [1] это место следует читать с Друеном, как ergir italagan, где italaga соответствует применявшемуся к эфталитам имени itailito, и перевод этого места будет, следовательно, «la terre des Ephthalite».[2] Сборы в поход Ездегерда были угрозой «царю кушан», под которыми можно предполагать, как и в ряде других случаев, гуннов или эфталитов. Известно, что звание марзбана и царя Кушании сохранялось длительно, после того, как государство Кушания перестало существовать. Наступление Ездегерда было настолько энергичным, что царь кушан спасся бегством со всем своим войском и удалился в пустыню. Персам удалось отбить в этом походе много городов и крепостей и захватить богатую добычу.[3] Как название «земли эфталитов», так и наименование царя старым именем «царя Кушании» ведут к тем областям, где война велась предшественником Ездегерда Вахрамом, у Талакана и Балха, на подступах к Аму-дарье, следовательно, на восточной границе государства.[4] В первый из походов Ездегерда войска должны были собраться в Абаре. Шестнадцатый год царствования (454/5 г. н. э.) застал Ездегерда вновь в Абаре. Впоследствии эта провинция была известна как Абаршахр, с городом Нишапуром, упомянутым в тексте в связи с этой провинцией.[5] На этот раз царь Кушании был предупрежден об опасности одним гунном «из царского рода страны Кайлантур», поэтому иранской армии был дан своевременный отпор, а ряд иранских областей подвергся разгрому и опустошению.

Таким образом, в течение царствования Ездегерда, на восточной границе Ирана с государством, за которым удержалось наименование «Кушании», велись повторные войны. Приурочить их наиболее правильно к областям Талакана и Балха. Предметом тревоги была и прикаспийская граница Ирана. Каган Чола (Сула) во второй половине V в. имел резиденцию на полуострове Балкхане (у нынешнего Красноводска).[6] Каган этот был собственноручно убит Ездегердом, и после этого персы выстроили там крепость.

Что кавказская граница Ирана находилась в таком же угрожаемом от кочевников положении, как и среднеазиатская, очевидно из того, что и после нападения гуннов в 395/6 г. на области Передней Азии, куда они прорвались через кавказские ущелья, известны их повторные нападения. Так, около 448 г. Васих и Курсих, принадлежавшие к войску Атиллы «мужи из царских скифов и начальники многочисленного войска»,[7] напали на пределы Ирана именно отсюда. Приск передает факты с осторожностью; он говорит, что, по их словам, они переправились через какое-то озеро, которое они считали Меотидой (обычно Азовское море), предварительно пройдя степные пространства. Через пятнадцать дней, миновав горы, они перешли персидскую границу. Здесь они произвели опустошения, но персидское войско напало на них и отняло обратно бо́льшую часть добычи. Отступая, они вынуждены были итти другой дорогой, где пламя вырывается из скалы, и через несколько дней пути возвратились к себе. Отсюда

---

[1] Elisée Vartabed, ed. Langlois, II, p. 188.
[2] Drouin, op. cit., p. 31.
[3] Elisée Vartabed, op. cit.
[4] Christensen, op. cit., p. 282. — Marquart. Eranšahr, p. 56.
[5] Elisée Vartabed, p. 229, — Lazare de Pharbes, ed. Langlois, II, p. 306.
[6] Christensen, op. cit. — Marquart. A Catalogue of the provincial capitals of Eranšahr. Ed. by G. Messina. Analecta orientalia, 3, Roma, 1931, p. 38, 43.
[7] Priscus Panites. Excerpta de legationibus. Ed. K. de Boor, t. I, 141. Berolini, p. 190. Fragmenta historicorum graecorum, t. 4, p. 90 (в дальнейшем цитируется: Priscus Panites). — Г. Дестуннис. Сказания Приска Паннйского, СПб., 1860, стр. 62.

стало известным, что Скифия и Мидия (Иран) находятся недалеко друг от друга. Из текста нельзя заключить, какие этнические группы произвели нападение на персидскую территорию. Наиболее вероятно, что это были те смешанные группы «скифов» и «гуннов», которые и вообще составляли пестрое государство, созданное военным гением Атиллы. Первый раз орды Васиха и Курсиха прошли через ущелья, расположенные ближе к западу, к Меотиде, откуда они шли. Возможно, что это было Дарьяльским ущельем. Вторая, «другая» дорога, по которой они стали возвращаться, имеет характерный признак в виде огня, вырывавшегося из скалы. Несомненно речь шла о «вечных огнях», горевших у нефтеносных берегов Каспийского моря и, следовательно, путь, которым они прошли обратно, лежал через Дербентский перевал.[1]

Группы гуннских племен участвовали в борьбе кавказских государств против Ирана при том же Ездегерде II. Области на северо-восток от главного Кавказского хребта были в их руках. В середине V в. в Армении возникло длительное движение, направленное против Ирана, в которое были вовлечены соседние государства. Армяне пытались связаться с соседями для того, чтобы противопоставить силам персов целую коалицию. Албания (агваны) приняли участие в этой борьбе на стороне армян, после того как те одержали верх над персидскими отрядами. Общими усилиями иранцы были выбиты из ущелий «гуннских гор»; укрепления были захвачены; персидские гарнизоны были вынуждены их покинуть. Особой охраны требовало одно из ущелий, проход по которому открывал доступ в Закавказье. Наиболее вероятно, что речь шла о Дербентском ущелье. Этот проход был поручен Вагану, родственнику царской семьи агван.[2] Тому же Вагану армяне поручили войти в соглашение не только с гуннами, к которым он отправился в качестве посла, но и ко «многим другим варварам».[3] Гунны, составлявшие союз племен, объединяли различные этнические элементы, относительно самостоятельные, возглавлявшиеся царьками и князьями. С варварскими племенами был заключен союз, подтвержденный с обеих сторон клятвой.

Об этих событиях сообщает и Лазарь Фарбский, только в несколько иных словах, чем Елисей. Под предводительством Вартана в 451 г. армянские войска перешли Куру и в области агван встретили персидские войска.[4] После победы армянские войска направились к ущелью, разделяющему страну «агван и гуннов». Персидский гарнизон, сторживший укрепления у прохода, они выбивают, а охрану ворот поручают Вагану, принадлежавшему к царской семье Албании.[5] Участие последней в коалиции против Ирана, очевидно, было обусловлено тем, что ключ от ворот будет вручен ей, так как все пространство, примыкавшее к ущелью, находилось под властью албан. К гуннам Ваган был направлен с дипломатическим поручением присоединить их военные силы к армянским и албанским. Поручение Ваган выполнил с успехом. Таким образом, согласное указание армянских источников приводит к выводу, что прорвавшиеся в IV в. за Кавказский хребет гунны в середине V в. сохраняли еще за собою все позиции на северном Кавказе, располагаясь в непосредственной близости к ущельям, отделявшим их от Албании.

---

[1] Г. Дестуннис, ук. соч., стр. 65 (примеч.).
[2] Elisée Vartabed, op. cit., p. 208.
[3] Elisée Vartabed, op. cit., p. 208, 209.
[4] Lazare de Pharbe, ed. Langlois, t. II, p. 293.
[5] Lazare de Pharbe, p. 294.

ЭФТАЛИТЫ

Неоднократно отмечалось, как исключительно сложна задача историка в определении тех этнических имен, которые дают источники для различных народов прикаспийских и среднеазиатских областей V—VIII вв.

Если житие Петра Ивера говорит о «белых гуннах», соседях Иверии в конце IV и начале V вв., то для византийских историков это гунны, получившие наименование савиров (сабиров). Кроме того, в источниках перемешаны имена племен и народов: кушаны, хунну, хион, кионайе, катиск, кудишайе, эфталиты, абделы и т. д. Сообщая об одном и том же событии, древние историки называют различно народы, о которых идет речь. Строго говоря, до выявления новых источников можно лишь строить более или менее вероятные гипотезы для определения, какая именно этническая группа принимала участие в данном событии. В этом отношении много интересного материала собрал Маркварт, но и к его выводам приходится относиться критически. В этом вопросе большое значение имеют китайские источники, поэтому очень важное значение имеют те соображения, которые высказал по этому поводу выдающийся синолог Франке. К сожалению, этот период не представлял достаточного интереса для академика В. В. Бартольда, оставившего лишь немногие замечания об этом периоде в своих многочисленных исследованиях.

Если говорить о последовательности народов, сменявшихся на северо-восточной границе Ирана, то дольше всего держалось имя государства кушан, юйчжи китайских историков, как об этом уже сказано выше.[1] Среди разноплеменных гуннских орд хионитьі, известные Аммиану Марцеллину, были группой белых гуннов, этнически отличной от гуннов тюркско-монгольского типа. Скудные известия об эфталитах в китайских источниках относятся к V и VI вв.; из них следует, что ета, или етаилито родственны великим юйчжи, но не хунну (гуннам).[2] Иначе говоря, этнически эфталитов можно сблизить с кушанами, но не с гуннами. Это подтверждает и китайское свидетельство, приведенное выше, о своеобразии их языка. История Вей (cap. 102, f. 19), сближающая ета с юйчжи, написана между 550—577 гг.[3] Китайские данные об эфталитах характеризуют их как народ кочевого образа жизни на сравнительно низком уровне развития. У них могут быть отмечены пережитки группового брака. У братьев имелась общая жена. Писавший между 557—581 гг. Чеу упоминает о столице ета, сообщая о том, что власть их была сломлена тюрками. До этого времени они посылали дань и дары китайцам.[4] Впервые эфталиты были известны как Хоа, небольшой народ, подвластный жуань-жанам в эпоху династии Вей (386—494 гг.).[5] К середине V в. они заняли бассейн Окса (Аму-дарьи), где столкнулись с сасанидским Ираном. По Пей-ши, эфталиты спустились с Алтайских гор (cap. 97, f. 24 r) и расположились по Оксу и южнее его, простирая свою власть от границ Ирана до Хотана.[6] Горы, с которых спустились эфталиты, называются «золотыми горами»,

---

[1] W. W. Tarn. Seleucid-Parthian Studies. Proceedings of the British Academy, London, 1930, p. 107.

[2] Specht. Étude sur l'Asie Centrale. Journal Asiatique, 8 sér., t. II, 1883, p. 339—344.

[3] Specht, op. cit., p. 339.

[4] Specht, op. cit., p. 344 u. 345.

[5] Chavannes. Documents sur les tou-kiu (turcs) occidentaux, p. 222. Сборник трудов Орхонской экспедиции, т. VI, СПб., 1903.

[6] O. Franke. Geschichte des Chinesischen Reiches, B. II. Berlin, 1935, p. 231.

где их соседями были племена, говорившие на монгольских и тюркских наречиях.[1] Маркварт, на основании сведений истории Сиу-шу, составленной между 581—618 гг. (cap. 83, f. 16) и использованных Пейши (cap. 97, f. 3), смог установить новые данные о белых гуннах.[2] Ряд династий, принадлежавших к их родам, вышел из племени ун, которое носило также название хуна и кун.[3] Эти династии белых гуннов были еще известны и в VII в. Не лишено оснований и высказанное Марквартом предположение, что с середины IV в. белые гунны с архаичным именем хион стали наемниками в кушанских войсках, чтобы потом самим занять выдающееся положение.[4] Они были главной опорой дряхлеющей державы кушан. В племенном наименовании кун Везендонк, на основании последних исследований, видит имя тотема росомахи, с которым были связаны роды, а затем и племена белых гуннов.[5] Имя кун (у китайцев хоа), как племенное наименование, сменилось именем ета, и ета-и-ли-то, превратившееся у западных писателей в эфталитов, со всеми видоизменениями и производными этого имени. Ряд источников, греческих и китайских, видит в последнем имя царя Эфталана (Феофан Византийский), а история Лианг говорит, что Е-та-и-ли-то было имя царя хоа, пославшего в 516 г. посольство в Китай.[6] Это свидетельство имеется и в Танг-шу, где ета родовое имя царей, которое было присвоено государству.[7]

Необходимо указать на то, что с белыми гуннами Маркварт связывает и неоднократно поминаемых кадисеев — «катиск» армянских источников. Эти кадусии, или кадисеи, заняли персидскую провинцию Герат. Первоначально Маркварт сомневался в том, считать ли их хионитами или эфталитами,[8] но в последующих работах он считал их эфталитами.[9] Сирийский писатель Исаак Антиохийский, писавший около 400 г., говорит, что кудишайе жили около Низибии.[10] Нельдеке считал их родственниками курдов, с которыми, по его мнению, у них имелось много общих черт.[11] В сохранившихся фрагментах Иоанна Антиохийского имеется указание, что кадусии причислялись к гуннам, так как он пишет: Καδισηνούς λεγομένους Οὔννους.[12] Эти свидетельства дают основание полагать, что кадусии принадлежали к белым гуннам. На Северном Кавказе источники упоминают гуннов-сабиров. Некоторые исследователи были склонны считать их также белыми гуннами, что может быть подтверждено приведенным выше свидетельством жития Петра Ивера о белых гуннах, как о соседях иверов. Но в целом вопрос этот сложнее, и наличие очень существенных данных такого сирийского источ-

[1] Marquart und de-Groot. Das Reich Zabul und der Gott Zun vom 6—9 Jh. Festschrift Sachau, Berlin, 1915, p. 255.
[2] Marquart und de-Groot, op. cit., p. 249, 250.
[3] Marquart und de-Groot, op. cit., p. 253.
[4] Marquart und de-Groot, op. cit., p. 254. Необходимо иметь в виду, что Маркварт допустил ошибку, предполагая, что имя χούγχαν, упоминаемое Приском Панийским, представляет собою имя хонγ и термин «хан». В именительном падеже это имя приведено у греческого писателя как χουγχας, чего Маркварт не заметил (Priscus Panites. Fragmentum 33, an. Leoni 9, c 465 an. Fragmenta historicum graecorum, t. 4, p. 106).
[5] Wesendonk. Kušan. . ., p. 341. — Alföldi, Archäologische Anz.,1931.
[6] Chavannes, op. cit., p. 223.
[7] Ibidem.
[8] Marquart. Eranšahr. . ., p. 61.
[9] Marquart. Das Reich Zabul, p. 244.
[10] S. Isaaci Antiocheni doctoris syrorum opera omnia, ed. Bickel, Gissae, 1873, I, 208.
[11] Nöldeke. Zwei Völker Vorderasiens. Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen, Gesellschaft, B. 33, 1879, p. 161, 162.
[12] Fragmenta historicorium graecorum, ed. Müller, t. 4, p. 28.

ника, как Захария Ритор, требует более детального рассмотрения этого вопроса.[1]

Греческие источники называют противников Ирана на северо-восточной его границе гуннами-кидаритами. Имя кидаритов они возводят к царю Кидару и этих гуннов считают белыми гуннами. Более подробно об этом было уже сообщено выше.

Таким образом, на основании приведенного материала, можно притти к следующим выводам. Имя гуннов, данное племенам и ордам, тревожившим в конце IV и в V вв. Иран и Византию, ордам, задолго до этого известным Китаю как хунну, относилось к разноплеменным и разноязычным народам, объединенным в случайные и легко распадающиеся государства. Часть из них получила наименование белых гуннов, имя которое сохранялось за ними, хотя отдельные группы и государства стали известны под новыми названиями, как, напр. эфталиты, кидариты.

Сирийской хронике Иешу Стилита имена эфталитов и кидаритов неизвестны. Для нее враги Пероза — хиониты, которых она называет и гуннами и в дальнейшем сохраняет за ними это последнее имя. Шахан-шах сначала одерживает победы и присоединяет их земли к своей территории, но затем он терпит от них поражения и погибает сам на поле битвы.

Самое имя эфталитов встречается в различных вариантах, с густым и тонким придыханием в греческом произношении, в зависимости от чего закономерно русское правописание их имени как эфталиты, так и гефталиты. В хронографе Феофана имя эфталитов изменено в нафталитов.[2] Феофилакт Симокатта называет их абделами, что впрочем является лишь иной транскрипцией все того же имени ефталь, епталь, абдаль.

Выше мною уже было отмечено, что Аммиан Марцеллин дает описание внешности гуннов, которое имеет все характерные черты монгольско-тюркского типа. Он отличает от них хионитов, которых сам видел со стены Амида. Прокопий Кесарийский располагает подробными сведениями об эфталитах. Если он говорит, что они не похожи на прочих гуннов, которые являются кочевниками (νομάδες) и живут какой-то звериной жизнью (θηρίος βίον τινὰ ἥπερ ἐκεῖνοι ζῶσιν),[3] то сам Прокопий, не дав последнему более детального описания, вероятно, считал их достаточно хорошо известными по подробному сообщению Аммиана Марцеллина, в представлении которого племя гуннов превосходило «в своей дикости всякую меру» (omnem modum feritatis excedit).[4] Подробное описание внешности гуннов, их образа жизни, греческий читатель мог найти также и у Приска, но Прокопий просто прибавляет, что он имеет в виду гуннов, которые «нам известны». Относительно эфталитов Прокопий сообщает следующие данные. Пероз вел войну против народа эфталитов, называемых белыми гуннами. «Хотя эфталиты народ гуннский и (так) называются, они, однако, не смешиваются и не общаются с теми гуннами, которых мы знаем, так как не имеют с ними пограничной области и не живут вблизи них, но (находятся) по соседству с персами на севере, где находится город по имени Горго, у самой их и персидской окраины; там они часто сражаются друг с другом из-за границ, ибо они не номады, как прочие гуннские народы, но издавна обосновались на доброй (= плодородной) земле. Поэтому они не делали нападений

[1] Пигулевская. Сирийский источник о народах Кавказа. Вестник древней истории, 1939, кн. I.

[2] . . . Περόξης πάλιν ἐπιστρατεύσας πρὸς τοὺς Λευκοὺς Οὔννους, τοὺς λεγομένους Νεφθαλίτας. Theophanes. Chronographia. Ed. de Boor, p. 122.

[3] Procopius. De bello persico, I, 3, p. 10, 11.

[4] Ammianus, 21, 2, 1, p. 232.

на ромейскую землю, разве только с персидским войском. Они одни из гуннов белы телом и не безобразны видом, не имеют и образа жизни, подобного им, и не живут какой-то звериной жизнью, как те, но управляются одним царем и имеют законную государственность (πολιτείαν ἔννομον ἔχοντες), соблюдая между собою и с соседями справедливость ничуть не хуже ромеев или персов».[1]

Белые гунны, эфталиты в представлении Прокопия, населяют те области на север от Горго (Гургана), известные и Приску Панийскому, как населенные кидаритами.[2] Самые сведения о Горго Прокопий мог позаимствовать у Приска. Внешнее отличие эфталитов от гуннских племен, которое подчеркивает Прокопий, как и утвердившееся за ними имя белых гуннов у всех греческих писателей, не оставляет сомнения в том, что они принадлежали к другому этническому типу, чем собственно гунны. Это было справедливо и для их политических предшественников хионитов, внешность которых казалась красивой Аммиану Марцеллину, не пожалевшему красок, чтобы описать «безобразие» собственно гуннов. В сообщении Прокопия обращает на себя внимание и другая, отмеченная им особенность, что эфталиты жили иначе, чем остальные гунны и по своему образу жизни были не «так дики». О дикости гуннов писал Аммиан, ряд подробностей Прокопий мог почерпнуть и у Приска. Родоплеменной строй гуннов с его распрями и отсутствием единой власти вызывали отрицательное отношение Прокопия. Орды белых гуннов также не составляли единого государства и получали различные имена по имени своих родоплеменных вождей, царьков и царей, как кидариты от Кидара и эфталиты от Эфталана. Союз племен, вероятно, владел и областью Чора (Чол), о которых сирийский источник говорит, что Ездегерд II сражался с их царьками.

Хиониты, кидариты, эфталиты принадлежали к одному этническому типу, но составляли разные орды с различными племенными названиями. Смена господствующей орды сопровождалась изменением имени «государства».

Массы полукочевых племен частью подчинялись новой господствующей орде, или династии, частью уходили, как это было с кидаритами. После поражения, нанесенного им Перозом, часть из них двинулась за «высокие горы» Индии, другая часть осталась и вошла в состав государства эфталитов, объединенных властью царя, который чеканил монеты со своим изображением и именем. Воспитанному в высоком уважении к римскому праву, современнику кодификационных работ императора Юстиниана, Прокопию «неустройство» гуннов казалось удивительным, диким, «звериным». Наоборот, «эфталиты», по его мнению, имели «законную государственность», т. е. государственное устройство, в основе своей имевшее установление закона. Это, по его мнению, обеспечивало белым гуннам соблюдение справедливости и между собою и в отношении соседей. Такой взгляд на эфталитов согласуется и с тем, что о них писал Феофан Византиец, который считал, что в руках эфталитов находились торговые порты и города, отнятые у них тюрками во второй половине VI в. Менандр говорит об эфталитах, как о народе, жившем в городах, к чему их, по всей вероятности, привело и выполнение государственных функций фискального, военного и административного характера. За столетие государство эфталитов в значительной мере эволюционировало не без влияния древней местной культуры.

---

[1] Procopius, op. cit.
[2] Priscus Panites, p. 154.

Необходимо иметь в виду, что под покровом сменявшейся верхушки династий и орд белых гуннов в областях Средней Азии, примыкавших к Ирану, продолжало существовать и жить оседлое население. Согды, хорезмийцы продолжали жить прежней жизнью, заниматься сельским хозяйством, ремеслом и торговлей. Лишний раз перед исследователем становится вопрос о взаимоотношениях между древними культурными государствами и кочевниками: с одной стороны, достигшая высоких ступеней развития древняя культура Согда и Хорезма, с другой стороны, господствующая орда, только что вышедшая из кочевого или полукочевого образа жизни. В этом отношении характерны сведения, относящиеся уже к последней четверти VI в., когда согды пытаются наладить свою торговлю и заключить торговые договоры с Византией вопреки тюркам, господство которых над ними уже сменило господство эфталитов.

БОРЬБА ИРАНА С ЭФТАЛИТАМИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ V в.

Борьба Ирана с окрепшим и усилившимся государством эфталитов, сменивших дряхлеющих кидаритских царей, развертывается в половине V в. Положение Ирана во многих отношениях было затруднительно, восточная и северная границы подвергались непрерывным нападениям. Граница в бассейне Аму-дарьи доставляла много беспокойства, так как здесь имело место давление со стороны эфталитов. Кочующие орды находились также на восточном и западном побережьях Каспийского моря, где они переходили в наступление при малейшем ослаблении бдительности персов.

Перегруппировка сил и новые отношения среди гуннских племен, которые вызвали их передвижение, отразились и на их отношениях с Византией. Приск Панийский относит к седьмому году царствования императора Льва, следовательно к 463 г., посольство гуннских племен — сарагуров, ургов и оногуров — в Константинополь. Вызвано оно было тем, что названные гуннские племена были теснимы сабирами, на которых в свою очередь напали племена, известные под именем аваров. Таково сообщение Приска.[1] Оно находится в согласии с китайскими источниками, по которым в 448 г. жуань-жани были разбиты китайским императором Тайвути и с тех пор сохраняли мирные отношения с династией Вей. Их экспансия была с этого времени направлена на запад, в 460 г. они овладели Турфаном.[2] Византии они стали известны под именем аваров.

Борьба с государством кидаритов и сменивших их эфталитов, на северо-восточной границе Ирана, приняла особенно острую форму во второй половине V в., когда мощь этого государства стала особенно сильной.

После смерти Ездегерда в 457 г. между двумя его сыновьями возникла борьба за престол. Старший из них Хормизд был правителем Сакастана, имел титул царя и должен был занять престол шахан-шаха. Его младший брат Пероз претендовал на то же, и разгоревшееся междуусобие было решено оружием в восточных областях Ирана. Об этих событиях сообщает Табари. Его данные заслуживают большого внимания, так как детального анализа его замечательная хроника до настоящего времени не имеет, между тем сведения, которыми располагал ее автор, имеют большое значение. В части своего труда, которая касается истории сасанидов, Табари располагает несколькими источниками; он их, впрочем, не согласует, а изла-

[1] Priscus Panites. Fragmenta, 30. Fragmenta historicorum graecorum, ed. K. Müller, t. 4, p. 104, 105.-Excerpta historica Constantini Porphyrogeniti. Excerpta de legationibus, ed. De Boor. Berolini. 1903. Pars II, 586.

[2] Franke. Geschichte des Chinesischen Reiches. B. II. Berlin, 1936, p. 199, 202, 230.

гает независимо друг от друга. Такое изложение обеспечивает исследователю относительную возможность проследить его источники. Он располагает двумя версиями, из которых первая анонимная. Согласно этой версии, Пероз обращается за помощью к царю земли Хайталь, который дал ему войско, за что Пероз должен был ему уступить город Талакан.[1] Кристенсен находит вслед за Марквартом,[2] что такое положение не могло соответствовать исторической действительности, так как эфталиты ко времени смерти Ездегерда II еще не достигли иранских границ и что самое обращение и бегство Пероза навеяно фактами, известными относительно Кавада.[3] На основании сведений Ибн-Хишама Табари сообщает, что Пероз пришел к власти после междоусобицы, в которой он победил благодаря поддержке жителей Тохаристана и окружающих областей. Восстание было им поднято в области Хорасана, откуда он двинулся на Рей, где находился его брат Хормизд, которого он и захватил в плен.[4] Не подлежит сомнению, что Пероз добился власти при поддержке населения восточных провинций Ирана. По мнению Маркварта, северо-восточными соседями персов были гунны-кидариты, которых он часто называет и хионитами, а появление эфталитов относит к более позднему времени. Эфталиты, захватившие позже Тохаристан, не могли в это время еще играть такой роли. Но в восьмидесятых годах V в. они убили Пероза и захватили весь Хорасан, откуда их выгнали персидские войска под началом Сохры из Сираза (Шираза).[5]

Далее Табари говорит, что царствование Пероза было чрезвычайно несчастным, так как в течение нескольких лет в стране господствовал жестокий голод. На основании этого же источника, которого Табари не называет, но говорит лишь, что не на основании Хишама он сообщает о построенных Перозом городах в различных областях государства.

Город Рам-Пероз был отстроен Перозом в области Рай; это город, лежащий на юг от южного побережья Каспийского моря, недалеко от нынешнего Тегерана. Второй город, названный Рошан-Пероз, был им построен между Гурганом и воротами Чор (или Чол); это укрепление на юго-восточном побережье Каспийского моря. О борьбе персов в этих областях речь уже была выше. Наконец, третий город Шахрам-Пероз был им заложен в Азербайджане, т. е. на западном, кавказском побережье Каспийского моря, там, где персы оберегали известные Каспийские ворота.[6] В дальнейшем сведения Табари кратки, но они согласны с тем, что рассказывают греческие и сирийские источники, а именно, что после того как Пероз укрепил свою власть, его страна возродилась после тяжелых лет голода; он покорил и унизил своих врагов, отстроил три упомянутых города и только после этого двинулся к Хорасану, для войны против царя эфталитов (хайталь), называемого Ахшунвар (Хашнуваз احسنوار. حسنوار)[7]. Существенно, что и источники Табари знают момент, когда Пероз выходит победителем над своими врагами, а затем оказывается разбитым и умирает в борьбе с ними.

Тяжелое положение, в котором находился Иран в первые годы правления Пероза, засвидетельствовано и другими источниками. Междоусобная

---

[1] T. Nöldeke. Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sasaniden. Aus der arabischen Chronik des Tabari. Leiden, 1879, p. 115, 116.
[2] Marquart. Eranšahr. . ., p. 57.
[3] Christensen. L'Iran. . ., p. 284, note 5.
[4] Tabari — Nöldeke, p. 117, 118.
[5] Tabari — Nöldeke, p. 120, 121.
[6] Tabari — Nöldeke, p. 123.
[7] Tabari — Nöldeke, p. 123, примеч. 4.

война, опасения, испытываемые от недовольства населения в голодные годы, угрозы со стороны внешних врагов — все это требовало в первую очередь средств. Необходимость располагать деньгами побудила Пероза обратиться за «обычным золотом», т. е. за дотацией, к Византии. Сирийская хроника Иешу Стилита подробно сообщает о том, что́ побудило Пероза обратиться к ромеям и какие доводы он приводил, чтобы добиться своего. Персидская казна была истощена предшествующими войнами, содержание же войска требовало средств, и защита кавказских перевалов от кочевников была не только в интересах Ирана, но и в интересах Византии. Посольство Пероза напомнило Константинополю об опустошениях, произведенных гуннами в 395/6 г., и в упор поставило вопрос относительно охраны крепости Юроейпаах, находившейся у Каспийских ворот. Еще Маркварт расшифровал значение названия Ἰουροει παὰχ как «крепости Иверии». Персы предлагали ромеям или оберегать ее, посылая гарнизон (τοὺς φρουρήσαντος αὐτὸ στρατιώτας στέλλειν), или делать соответствующие денежные взносы (χρήματα . . . . . ποιεῖσθαι ἐπιμέλειν), чтобы не были обременены одни только персы, но чтобы эта забота падала и на Византию. Если персы ослабят защиту этих крепостей, то варварские народы ворвутся и опустошат не только Иран, но и византийские провинции, как это было при царях Аркадии и Гонории, когда «вся Сирия» была жертвой разорительного набега гуннов.[1]

Та же хроника считает, что Пероз вел войну с хионитами, «кионайе, которые суть унны», и получал на нее дотации из Византии. Он напоминал и требовал этих денег неоднократно.[2]

Греческий писатель V в. Приск Панийский отдельно говорит об этом требовании персов, не связывая его с охраной Каспийских ворот. «Они говорили, что (ромеи) должны помогать деньгами в войне против гуннов, называемых кидаритами». Победа над ними персов обусловливала и спокойствие византийских областей, так как лишала их возможности подвергнуться нападению.[3] В ответ Константинополь обещал прислать представителя для переговоров в Иран; что же касается охраны крепости Юроейпаах и «войны против уннов», то за все, что было предпринято для собственной защиты персов, «несправедливо требовать с них», с ромеев.[4] По тексту Приска, война с кидаритами и защита «крепости Иверии» — Юроейпаах — рассматриваются как два различных действия. Это подтверждается и другими источниками, из которых становится очевидным, что борьба с кидаритами протекала не на западном побережье Каспия, а на северо-восточной границе Ирана.

Епарх Константий, направленный из Византии в качестве посла к Перозу, в течение долгого времени жил в Эдессе, городе, стоявшем близко к византийской границе с Ираном.[5] Наконец, ему было предложено отправиться к Перозу, который находился в это время на персидской границе, примыкавшей к гуннам-кидаритам. Пероз находился не в городе (οὐκ ἐν ταῖς πόλεσιν), а в селении (τὸ χωρίον), называемом Горго, где персы стояли лагерем. Для Приска, следовательно, кидариты находились на восточном побережье Каспия, где Ирану приходилось вести войну еще при Ездегерде II, как на это было указано выше. Другой частью

---

[1] Иешу Стилит, § 9.
[2] Там же.
[3] Priscus Panites. Fragmenta, 15, ed. De Boor, II, 587.
[4] Ibidem.
[5] Ibidem.

границы, где у персов происходили столкновения во второй половине V в., были области у Талакана (к концу царствования Пероза там пролегала граница государства эфталитов).

На севере от Гургана, у Чола (Чора), где Ездегерд поставил Шахристан-Ездегерд, Пероз продолжал поддерживать крепость и крепостные валы. От Византии Пероз требовал помощи как для защиты кавказской границы, так и для войны с кидаритами, которые были угрозой не только иранским землям, но и азиатским провинциям Византии. Приблизительно к 468 г. относятся сведения, что персы осаждали город кидаритов Βαλαάμ — Валаам; это город, расположенный на восток от Красноводской бухты, в Балхане.[1] В китайских источниках он носит название По-ло. Это тот самый город, где расположились орды та-юй-чжи при царе Ки-то-ло, Кидаре.[2] С гуннами-кидаритами Приска следует сопоставить гуннов-хионитов, на которых указывает Иешу Стилит, как на противников Пероза, причем в первое время его царствования им отмечаются успехи персидского оружия. «С помощью золота, полученного от ромеев, покорил Пероз гуннов и много взял от них земли и присоединил к своему государству. . .» [3] Если считать, что это свидетельство относится ко времени, когда персы хвалились перед византийским посольством, что они ведут осаду Валаама, то это происходило в конце шестидесятых годов V в. Но лет за двенадцать до этого, около 456 г., Пероз уже вел войну против кидаритов, так как именно ее напряженность помешала персам принять участие в конфликте между лазами и Византией. Вступив в Колхиду, византийские войска сразились с лазами и возвратились обратно. Военачальники, собираясь повторить свой удар, колебались между той же дорогой и новой, через персидскую Армению, для чего направили предварительно посольство к шахан-шаху. Из Колхиды к нему также было отправлено посольство, как и в Византию. Но «занятый войной с гуннами, называемыми кидаритами, он (Пероз) отказал лазам, которые обратились к нему».[4]

Все эти данные относятся ко времени, когда успехи персов были ощутительны. Разбитые кидариты вынуждены были уступить. Судя по сведениям китайских источников, они должны были сделать уступки на северо-восточной границе Ирана. 102-я глава истории Вей, составленной в середине VI в., сообщает о царе Кидаре (Ки-то-ло) и его завоевании северной Индии, на юг от великих гор, где пять государств Гандара (Кан-то-ло) ему подчинились.[5] Возможно, что уход этой орды белых гуннов был не только следствием победы персидского оружия, но и давлением новой силы, государства эфталитов, восточная граница которого была у Хотана, западную они стремились продвинуть до Аму-дарьи.

В истории Ирана времени Пероза можно считать несомненно установленными два факта: 1) что персы победили и разбили своих северо-восточных соседей, присоединили часть их территории к своей и что те вынуждены были искать новых мест для поселения; 2) что в конце царствования Пероза персы потерпели поражение в тех же северо-восточных областях и в битве с этими врагами погиб сам шахан-шах Пероз. Первый этап борьбы персов при Перозе относится к борьбе с кидаритами, когда последние были разбиты и передвинулись в северную Индию. Второй этап борьбы отно-

[1] Marquart. Eranšahr, p 55.
[2] Specht. Étude sur l'Asie centrale, p. 328. Journal asiatique. 8-me série, t II, 1883. — Marquart. Eranšahr, p. 58.
[3] Иешу Стилит, § 10.
[4] Priscus Panites, I, 152.
[5] Specht, op. cit., p. 328.

сится к государству эфталитов, граница которого, после ухода кидаритов, достигла персидских пределов. Согдиана и некоторые области Хорезма входили в состав их державы, они распоряжались в гаванях и торговых центрах, связанных с китайской и индийской торговлей. Они были хозяевами «шелковой дороги», как впоследствии тюрки. По свидетельству Прокопия Кесарийского, и восточное побережье Каспийского моря было в руках эфталитов.

За столетие существования государства эфталитов, сами они, вернее — господствующие их слои, эволюционировали не без влияния древней и высокой культуры таких оседлых народов, как согды и хорезмийцы, которых они покорили.

Борьба сасанидского Ирана с этим новым и мощным врагом была необходимостью, так как дальнейшее продвижение эфталитских орд грозило спокойствию издавна принадлежавшим Ирану областям.

Для истории борьбы Переза с эфталитами наибольшую ценность представляют сведения сирийских и греческих историков. В специальном исследовании об источниках хроники Иешу Стилита мною было указано, что сведения об этих войнах у Иешу Стилита и Прокопия Кесарийского восходят к общему источнику, ныне утерянной истории Евстафия Епифанийского. Часть сведений Евстафия имеет общее с данными Приска Панийского, писателя середины V в., от сочинения которого сохранились лишь фрагменты. Евстафий Епифанийский пережил осаду Амиды Кавадом и умер около 503 г., когда она была взята персами. Если Евстафий был источником Прокопия, то последний располагал сведениями из очень осведомленного источника, который созвучен превосходно осведомленной сирийской хронике, впрочем имеющей и свои собственные данные, известные только из сирийской традиции.

Для дальнейшей борьбы Переза с кочевниками на прикаспийской границе, на западном и восточном побережьях, и с эфталитами на среднеазиатской границе требовались деньги. Иран пытается получить их вновь в Византии. Денежные субсидии выдавались Константинополем Ирану, чтобы грозная соседка вела за свой счет борьбу с кочевыми народами, бывшими их общим врагом. Византия видела в этих дотациях также способ умиротворить Иран в тех случаях, когда его завоевательные тенденции были направлены на ее собственные провинции. Сирийские источники постоянно говорят об «обычном золоте», может быть, точнее о золоте, выдаваемом персам «по обычаю», причем писатели византийской тенденции настаивали на том, что это была не «подать», как считали персы, а дар или дотация. Еще во время посольства Земарха к тюркам, по сообщению Иоанна Ефесского, персы уверили последних в том, что Византия является их данницей. Повторяется это неоднократно и другими, более ранними источникам, как Иешу Стилитом, Захарией Ритором и др. Знают об этом и византийские писатели, как это видно, напр., из приведенного выше текста Приска. Ко времени Переза относится, по всей вероятности, сообщение о попытке нападения сарагур, акатцир и других народностей на Иран. Побудительной причиной их наступления были длительные столкновения, вызванные трениями между ордами гуннских племен. По мнению Приска, движение было вызвано жившими у океана народами, теснившими аваров; авары оказали давление на сабиров, в свою очередь выгнавших с насиженных мест сарагуров, урогов и оногуров.[1] В трех последних народностях следует видеть собственно гуннские племена, о чем говорит сирийский источник VI в.,

[1] Priscus Panites, II, 856.

подробный анализ которого дан ниже.[1] Сарагуры, под давлением сабиров «гонимые, пришли к гуннам акатцирам, требуя от них земли». После длительных битв они их победили и отправили посольство в Византию. Отсюда вполне понятно, что сарагуры с акатцирами, присоединившимися к ним, предприняли поход на Иран. Отнести это нападение следует ко времени, предшествовавшему тому, когда области, граничившие в восточной части Кавказского перешейка с Ираном, были захвачены гуннами-сабирами. Сарагуры и акатциры двигались по побережью Каспийского моря и стали стучаться в Дербентские ворота, называемые Каспийскими воротами, но безуспешно, так как они нашли там засевшим персидский гарнизон.[2] Тогда они направились другой дорогой, которая привела их к иверам и дала возможность делать нападения на армянские селения (τὰ Ἀρμενίων χωρία). Следствием были повторные требования персов субсидии от Византии. Деньги и люди должны были быть присланы для охраны крепости Юроейпаах, так как персы принимают непосредственно на себя удары кочевников и тем самым охраняют и ромейские земли. Но Константинополь на этот раз не внял просьбам, утверждая, что содержать свои войска должно каждое государство само. Общая ситуация в этой части более детально освещена хроникой Иешу Стилита. Придерживаясь в своих взглядах византийской ориентации, этот историк, изложивший подробно ход персо-византийской войны, происходившей в начале VI в. при императоре Анастасии, пытался выяснить причины этой войны, как это было принято прагматической историографией того времени. Основными причинами он считает две: одну — прекращение денежных субсидий Ирану со стороны Византии, другую — требование Византии возвратить Низибию, на которое Кавад никак не соглашался. В 606 г. селевкидов (297/8 г. н. э.) была взята Низибия, и Византия владела ею в течение шестидесяти пяти лет. После смерти в «Персии» Юлиана в 674 г. селевкидов (363 г. н. э.), Иовиан, будто бы, уступил персам Низибию на сто двадцать лет, желая сохранить мир. Срок возвращения Низибии, якобы, заканчивался при императоре Зеноне, но персы не собирались возвращать города ромеям.[3]

Другой причиной войны сирийская хроника считает вопрос о дотациях. Между обеими державами, будто бы, существовало соглашение, по которому они должны были оказывать взаимную помощь, предоставляя в случае нужды или 300 человек воинов с оружием и конями, или 300 статиров за каждого вооруженного воина. Выбор между тем и другим предоставлялось делать стороне, нуждавшейся в помощи. Желая высоко держать престиж Византии, сирийский историк утверждает, что она не нуждалась в помощи, от персов же постоянно исходили просьбы «о золоте», которое они и получали, но «не под видом подати, как полагали многие», а в качестве такой субсидии и помощи.[4] Такого рода дотации из Византии получались и «в наши дни», т. е. в современный для автора период. Пероз также неоднократно получал «золото от ромеев», которые принимали его потому, что борьба с кочевниками персов велась ими и ради ромеев, «чтобы они не перешли в вашу землю».[5] Примером того, насколько эта угроза была реальной, служил факт, о котором речь уже была выше — нападение гуннов в 395/6 г. на азиатские провинции Византии, когда

[1] См. стр. 80 и след.
[2] Priscus Panites, II, 588.
[3] Иешу Стилит, § 7.
[4] Иешу Стилит, § 8.
[5] Иешу Стилит, § 9.

вся Сирия была отдана на поток и на разграбление.[1] По мнению сирийской хроники, именно эти дотации ромеев и обеспечили персам успех в их завоевательной политике.[2]

Вопрос о дотациях Византии Ирану хорошо известен и Прокопию. О том, как империя была заинтересована в войнах Пероза, говорит хотя бы тот факт, что в походе его сопровождал византийский посол Евсевий, игравший роль, сходную с ролью современного военного атташе.[3] Не подлежит сомнению наличие специального договора между двумя крупнейшими державами Передней Азии, обусловливавшего настойчивые требования со стороны персов дотаций или предоставления военных отрядов со стороны Византии.[4]

Возможно также, что присутствие византийского представителя при Перозе объяснялось тем, что в его предшествовавшем походе, о котором знает сирийский источник, он был выкуплен из эфталитского плена императором Зеноном.[5] То обстоятельство, что шахан-шах с помощью византийского «золота» присоединил к своему государству часть «гуннских земель и что, будучи схвачен врагами, был выкуплен из плена византийским императором», является новым доводом для того, чтобы считать понятным присутствие ромейского посла Евсевия в его втором походе.

Согласно сирийской традиции, изложенной в хронике Иешу Стилита,[6] Пероз дважды попадает в плен к эфталитам, причем выкуплен был Зеноном, который послал за него «золото», освободил и помирил с эфталитами. Об этом факте, свидетельствующем о заинтересованности Константинополя в военных действиях Ирана против кочевников, греческие источники умалчивают, быть может, и тенденциозно. Второе пленение Пероза вынудило его оставить в качестве заложника сына Кавада, который воспитывался при дворе эфталитского царя, — факт, сыгравший значительную роль в биографии будущего шахан-шаха. Он оставался там, пока вся сумма выкупа не была внесена Перозом, который вслед за тем вновь выступил против эфталитов.

По мнению Прокопия, Пероз попался эфталитам в плен благодаря хитрости последних, так как они завлекли его на длинную дорогу, кончавшуюся тупиком в горах. Часть эфталитов спряталась в засаде, другая, притворившись, что они спасаются от преследований персов, двигалась по этому пути, а за ними персы. Непосредственно военными действиями руководил шах, и никто не смел ему указать на опасность преследования эфталитского войска на их же земле. Только византийский посол Евсевий решился предостеречь его, рассказав притчу о льве, попавшем в яму.[7] Пероз остановился, но обратный путь был ему уже отрезан засадой, и царь эфталитов предложил ему капитуляцию. Конечно, дело было не в земном поклоне, который он, будто бы, потребовал у Пероза, а в признании за ним прав на некоторые области и дани, которую он желал получить. Версия, близкая Прокопию, изложена и Табари, но она имеет многочисленные легендарные добавления. Не лишено, однако, оснований сообщение, что Пероз дал письменное обязательство не переступать границы эфталитов.[8] Неко-

---

[1] Иешу Стилит, § 9.
[2] Иешу Стилит, § 10.
[3] Procopius. De bello persico, I, 3, ed. Haury, t. I, p. 11.
[4] Priscus Panites, II, 588. — Иешу Стилит, § 8.
[5] Иешу Стилит, § 10.
[6] Там же.
[7] Procopius, op. cit., I, 3, p. 13.
[8] Tabari — Nöldeke, p. 125, 129.

торые детали, однако, интересны. Так, нарушая пограничную разметку, столб или башню, стоявшую на границе, Пероз приказывал оттащить ее, двигая впряженными слонами.[1] Существенно и другое, что на основании сообщения Табари, можно утверждать, что Тохаристан был в руках эфталитов, а что война происходила в областях Хорасана, это подтверждает и предшественник Табари — Хишам.[2] Рассказ Табари сходен с рассказом Прокопия Кесарийского и заканчивается описанием поражения Пероза. Персидский царь сдается на милость победителя, его заставляют унизительно поклониться эфталитскому царю (Прокопий) и дать письменное обещание никогда более не переступать границы государства Хайталь (Табари).

Помимо требования строжайше соблюдать границу, эфталиты добились и уплаты контрибуции, «подати», которую персы платили в течение двух лет и снять которую удалось только Каваду.[3] Из сирийских источников можно извлечь дополнительные и исторически существенные подробности. Запрошенная эфталитами сумма была настолько велика, что выплатить ее всю единовременно Пероз не смог. «Все его войско, — говорит хроника, — было уничтожено, рассеяно, а сам он был захвачен живым. Он пообещал в своей гордости дать за спасение своей жизни 30 мулов, нагруженных зузе (ܙܘܙܐ)».[4] Формулировка источника не оставляет сомнения в том, что дань выплачивалась чеканной монетой, что только и может означать слово зузе. Преимущественно это обозначение серебряной монеты, но может означать и монету вообще. Эквивалентами сирийского зузе будет nummus, moneta, quadrans, κοδράντης, δραχμή и соответственно ܡܢܝ ܙܘܙܐ, δίδραχμα.[5] Однако и это количество денег не могло быть собрано без затруднений. «Он послал в землю, что была под его властью, и с трудом собрал 20 мешков, так как вся казна предшествовавших ему царей была истощена прежними войнами. За другие десять оставшихся мешков (ܟܝܣ onus, saccus), пока он не пришлет их, он оставил заложником и поручителем Кавада, своего сына, и заключил с ними договор во второй раз с ними не воевать. Когда Пероз возвратился в свое государство, он обложил подушной податью всю свою землю, послал десять мешков зузе и освободил своего сына».[6] Истощенная казна Ирана не могла дать Перозу всей необходимой суммы, поэтому он прибег к внезапному обложению своего государства податью. В том, что это была подушная подать, не может быть сомнения, так как она названа ܟܣܦ ܪܫܐ, буквально: «серебро головы», т. е. поголовная, или подушная, подать. Собранные деньги дали возможность выкупить оставленного в качестве заложника Кавада. После этого у Пероза руки оказались развязанными, он вновь собрал свое войско и союзников и выступил на войну. В этом последнем своем походе Пероз потерял все и погиб сам. К этому времени относится, по всей вероятности, и сообщение Приска, относительно попыток Пероза заключить мирный договор с врагами, так как персидские войска были утомлены войной. Пероз предлагает женить правителя (ἡγούμενος) на своей сестре. Посланная им взамен сестры обманным образом другая женщина раскрыла этот обман, следствием чего был жестокий гнев обманутого царя. Рассказ этот несомненно легендарен, но существенно, что

---

[1] Tabari — Nöldeke, p. 128—130.
[2] Tabari — Nöldeke, p. 119.
[3] Procopius, I, 4, p. 20.
[4] Иешу Стилит, § 10.
[5] Payne Smith, Thesaurus syriacus. I, col. 1097, 1098.
[6] Иешу Стилит, § 10, 11.

попытки к мирным переговорам делались.[1] В свою очередь глава эфталитов Кунха решил отомстить Перозу за обман с женой. Он стал просить шахан-шаха прислать ему персидских начальников войск, тех, что руководят войной (ἀλλὰ τῶν στρατηγησόντων αὐτῷ τὸν πόλεμον) для инструктажа, так как рядовых воинов у него более чем достаточно.[2] Но желая вести войну с соседними народами, он хотел иметь руководство персов. Когда отобранные Перозом персы прибыли к Кунхе, он их частью убил, частью изуродовал и послал сказать Перозу, что сделал это из мести, после чего возобновились военные действия.[3] Если рассказ этот в целом, как и предшествующий, не является достоверным во всех деталях, то во всяком случае обращает на себя внимание тот факт, что эфталиты обращались к персам за помощью культурного порядка, искали у них навыков, которых в военном деле им, быть может, и нехватало. Оба рассказа в целом свидетельствуют о связях между обоими государствами, о мирном общении, которое, впрочем, не исключало ни ожесточенной борьбы, ни военных походов, которые прерывали всякие мирные сношения.

Когда эфталиты были осведомлены относительно сбора персидских войск, часть правящей верхушки настоятельно стала требовать наступления, но царь эфталитов отказался вести войска на враждебную территорию. Он предпочел, чтобы персы перешли границу, и подготовил у себя хитроумный план их гибели. На большом поле были вырыты ямы, едва покрыты досками и землей, по узкому пространству из плотной земли, между которыми могли проехать десять конных в ряд. До наступления персов эфталиты оставались в покое, но лишь только было получено известие через лазутчиков, что персидские войска достигли пограничного города Горго (на юго-восточном побережье Каспийского моря), эфталиты расположили свои войска у намеченного поля. Один из отрядов показался персам, чтобы увлечь их к опасному подкопу. Подстроенная хитрость удалась, и все персидское войско с Перозом и его сыновьями погибло, остальные были взяты в плен.[4] Тело шахан-шаха найдено не было, оно пропало бесследно в схватке между обоими войсками.[5] Приходится с большой осторожностью отнестись к сообщению в хронике Захарии Ритора, где хронологическое указание на тринадцатый год Анастасия находится в явном противоречии с именем Пероза. Мне представляется, что тут соединены, слиты два рассказа в одно целое. Справедливо указание на смерть Пероза, но все прочее — наступление гуннов, переговоры и т. д. — относится, очевидно, к другим событиям, и не к эфталитам, а к гуннам, но об этом подробно сказано ниже. Прокопий помещает еще легендарный рассказ о жемчужине Пероза. Возможно, что он переписал его из Евстафия Епифанийского, использованного им.[6]

В Иране воцарился брат Пероза Балаш. «Это был муж смиренный и миролюбивый» , — говорит хроника. «Он не нашел ничего в сокровищнице персидской, а землю опустошенной из-за пленения гуннами. Ибо не безызвестно твоей мудрости, какой ущерб и расходы несут цари при войнах даже

---

[1] Priscus Panites, I, 154.
[2] Ibidem.
[3] Ibidem.
[4] Procopius, I, 4, p. 14—16.
[5] Иешу Стилит, § 11, p. 11. — Zacharias Rhetor, CSCO, t. VI, f. 2, p. 22.
[6] Н. В. Пигулевская. Месопотамия на рубеже V и VI вв. Ленинград, 1940, стр. 26—27.

победоносных, тем более несчастных».[1] И без того расстроенная казна иранских царей после поражений Пероза не пополнилась. Опоры в войсках Балаш не имел, «он был ничтожен в их глазах», так как у него не было «золота», чтобы содержать их. Попытка получить субсидию из Византии ему не удалась, вместо этого Константинополь напоминал о своих претензиях на Низибию и подати с нее, которые поступали к шахан-шаху.[2] Отправленное им в Константинополь посольство в числе своих членов имело сирийца Барсауму, человека выдающегося по уму и образованию. Несторианский епископ, он, однако, был женат, «как все персы». После его возвращения в Низибию ему было предложено следить за разграничением Ирана и Византии. Барсаума сыграл выдающуюся роль в движении представителей несторианства, когда сиро-персидские епископы отмежевались от византийских претензий, стремясь к независимости, и утвердили свои интересы в качестве крупных землевладельцев Ирана. Это было возможно благодаря тому, что Балаш искал опоры в несторианском населении своего государства, так как его положение было весьма шатким.

Жречество, «маги» выражали неудовольствие его политикой. Ему ставили в укор попытки построить бани в городах.[3] Неудовольствие выражала и знать, так как есть указания на заботы Балаша в отношении землевладельцев, что шло вразрез с интересами эксплоатирующих слоев общества. Едва ли возможно, чтобы «деревенские господа» наказывались шахом за разорение производителей на земле, но это указание Табари свидетельствует о том, что несомненно имели место некоторые заботы и внимание со стороны государственной власти к обнищавшему населению.[4] Принятые шахом меры вызвали реакцию со стороны жрецов и знати: в 488 г. Балаш был лишен престола и ослеплен.[5]

ИРАН И ЭФТАЛИТЫ В VI в.

Вместо Балаша царем поставили «Кавада, сына Пероза, его брата, имя которого мы упоминали выше, бывшего заложником у гуннов».[6] В царствование Кавада участие эфталитов, их влияние на внутренние дела в Иране были сильны. Вмешательство это было обусловлено социальным движением, известным под именем маздакитского. Хронология царствования Кавада все еще не может считаться установленной. Маздакитское движение преломилось в сознании современников различно, в результате чего имеется несколько версий о взаимоотношениях Кавада и знати, о его связях с маздакитским движением, о его заточении. Особенности сирийской традиции в этом вопросе мне приходилось уже затрагивать в другом исследовании.[7] Для данного вопроса существенно отметить, что еще до своего смещения Кавад требовал от ромеев «золото». Средства ему были необходимы в первые же годы по вступлении на престол. Дата его посольства в Византию не дана, но она восстанавливается безошибочно. Кавад отправил послов и с ними одного большого слона в дар ромейскому императору, чтобы получить от него денежную дотацию. Когда послы успели достигнуть

---

[1] Иешу Стилит, § 18.
[2] Иешу Стилит, § 18.
[3] Иешу Стилит, § 19.
[4] Tabari—Nöldeke, p. 133, 134.
[5] Иешу Стилит, § 19.
[6] Там же
[7] Н. Пигулевская, ук. соч., стр. 88 и след.

Антиохии, Зенон умер.[1] На следующий день, 10 декабря 491 г., вечером, на ипподроме в Константинополе, его вдова Ариадна объявила о своем браке с силенциарием Анастасием и его воцарении, в качестве ее мужа.[2] Таким образом, в 491 г. посольство Кавада, находилось уже в пути. «Когда персидский посол оповестил Кавада, своего господина, относительно перемен в ромейском государстве, он послал ему сказать, чтобы тот поспешил отправиться, и потребовал обычное золото или сказал царю: «„Принимай войну“».[3] Анастасий ответил отказом в дотации, причем персам вновь напомнили о Низибии и необходимости ее вернуть. Другим доводом отказа было то, что Византия и сама ведет непрерывные войны с варварскими народами. Отсюда можно заключить, что и в этот раз персы запрашивали «золото», ссылаясь на защиту общих с империей границ. Отрицательный ответ Византии был несомненно в зависимости от общего ослабления Ирана, силу которого расшатывали обостренная социальная борьба, стремление к обособлению Персидской Армении, нападения кочевых народов. Ответ Анастасия гласил: «Как Зенон, царствовавший до меня, не посылал, так и я не пошлю тебе (золота), пока не вернешь мне Низибию. Немалые войны и у меня с варварами, называемыми гепидами, и с теми, которые называются блеммиями, и со многими другими. И я не оставлю ромейские войска, чтобы кормить твои».[4] Варварские народы , упоминаемые хроникой, гепиды в Европе, блеммии в Северной Африке, требовали от Константинополя напряжения всех сил, тем более что мятеж исаврийцев, взрывы неудовольствия в столице создавали новые затруднения, а ослабленный Иран не требовал внимания.

Если посольство Кавада было отправлено в 491 г., то ответ Анастасия относится не ранее чем к 492 г., и в соответствии с сирийской традицией эти даты предшествуют бегству Кавада и его смещению с престола. Ненависть к Каваду жречества и части знати засвидетельствована источниками. На его положение влияли и неблагоприятно сложившиеся отношения с входившими в состав Ирана различными этническими и племенными единицами. Восстали армяне, «которые были под властью Кавада», они прогнали марзбана с войском и пытались стать под протекторат Византии. Кудишиты пытались обособиться в Низибии и поставить «царя из своих». Другое племя «тимурайе» восставало и, спускаясь с гор, грабило проезжих купцов. Персидские же арабы начали просто «разбойничать» по всей территории Ирана.[5] Ослабленное открытой социальной борьбой государство не могло оказывать сопротивления. Временно победило прогрессивное движение маздакитов, но оно вскоре было подавлено реакцией, возглавляемой жречеством и знатью. Кавад в этот период опирался на маздакитов, а между тем реакционные силы начинали действовать все активнее. Вторая попытка Кавада получить из Византии дотацию на содержание войск относится к концу 495 г. или к началу следующего. Отказ Анастасия поставил его в безвыходное положение, и в июле 496 г. на престол сасанидов был посажен его брат Замашп, креатура знати и жречества. В вопросе о смещении Кавада существует несколько версий, одна из которых говорит о заточении, а затем о чудесном избавлении его из тюрьмы. Рассказ этот представляет собою эпизод из «романа о Каваде» и не отвечает исторической действительности. Едва ли возможно предположить, что

[1] Иешу Стилит, § 19.
[2] Bury, op. cit., p. 429, 430.
[3] Иешу Стилит, § 19.
[4] Иешу Стилит, § 20.
[5] Иешу Стилит, § 22.

ненавидевшие Кавада «маги» и знать, схватив его, не изувечили и не умертвили его. Само фантастическое и романтическое освобождение из «замка» представляет собою легенду. Наиболее вероятно, что «знатные персидские (люди) думали тайно убить Кавада за нечистые обычаи и извращенные законы. Когда он это узнал, то он оставил свое государство и бежал к гуннам, к царю, у которого он вырос, когда был заложником».[1] Бегство и сохранило Каваду жизнь. Покидая престол, он не оставлял надежды вернуться. В государстве силами, на которые он мог опереться, были средние землевладельцы и часть знати. Иранские источники приписывали Сиявушу освобождение его из заточения. У «гуннского царя», к которому устремился Кавад, он искал военной помощи и нашел ее. Источники, использованные Табари, сохранили следы исторической действительности, отраженной и в сирийской традиции. Сообщая о вражде и борьбе Балаша (ошибочно вместо Замашпа) с Кавадом, Табари говорит, что последний был вынужден бежать «к хагану, тюркскому царю», чтобы просить у него помощи и вспомогательных войск. К этому факту арабский историк возвращается вторично, говоря о бегстве.[2] Эфталиты и в других источниках называются иногда гуннами, иногда тюрками и абделами. Нет сомнения, что речь идет о бегстве ко двору эфталитского государства, с которым Кавад был связан с того времени, когда «рос там», оставаясь в качестве заложника. Он породнился с эфталитами, женившись на царской дочери. Последняя происходила от брака эфталитского царя с сестрой Кавада, захваченной в плен во время войны ее отца Пероза с гуннами. Сестра Кавада и устроила его брак со своей дочерью. «Он приободрился породнившись с царем, и, плача перед ним ежедневно, просил его дать ему войско в помощь, чтобы он пошел истребить знать и утвердиться в своем государстве».[3] Заинтересованность эфталитов в сохранении благоприятных отношений с персами склонила их к тому, чтобы поддержать и восстановить Кавада на престоле. «И дал ему тесть немалое войско по его просьбе. Когда он достиг персидской земли, услыхал об этом его брат и бежал от него, а Кавад исполнил свое желание и казнил знатных».[4] Возвращение Кавада следует отнести к 498/9 г. Утверждение сирийской хроники, что он при возвращении расправился со знатью, требует поправки. Кавад казнил ту часть знати, которая была ему враждебна и оказала сопротивление. Так же несомненно, что другая часть оказывала ему поддержку, и он опирался на нее в момент своего возвращения. Иранские источники упоминают Зармира, сына Сокры, помогавшего Каваду восстановить свои права.[5] Часть высших слоев иранского общества, знати и жречества была смята маздакитским движением, другие поплатились, когда возвратившийся Кавад рассчитался со своими врагами.

Пребывание Кавада в детстве при дворе царя эфталитов, имя которого в сирийских источниках не сохранилось, но известно Табари, как Ахшунвар, а персидской традиции, как Шахнуваз,[6] не могло пройти бесследно и несомненно установило известную близость, быть может, дало ему знание языка, обычаев эфталитов. Отсюда понятно, что в острый момент он решил обратиться именно сюда. Впрочем уже в междоусобии его отца Пероза с братом Хормиздом принимали участие жители Тохаристана, перешедшего теперь из рук хионитов в руки эфталитов, так что Кавад пошел уже извест-

[1] Иешу Стилит, § 23.
[2] Tabari—Nöldeke, p. 133—135.
[3] Иешу Стилит, § 24.
[4] Там же.
[5] Bury, op. cit., t. II, p. 9. — Christensen. L'Iran. . ., p. 345.
[6] Tabari—Nöldeke, p. 123, nota 4.

ной торной дорогой. Дочь Пероза, захваченная в плен еще во время войн отца с эфталитами, стала женой Ахшунвара. Дочь свою от этого брака она отдала Каваду, когда он прибыл ко двору, что было в полном соответствии с обычаем персидских царей жениться на своих сестрах и других близких родственницах. В качестве зятя царя Кавад имел возможность видеть его ежедневно, «плакать» перед ним и просить у него войско, с помощью которого он мог бы вернуть себе престол. На основании Табари можно предполагать, что Кавад оставался у царя (он называет его каганом) около четырех лет и двинулся, получив войско. В концу V в. общая ситуация была такова, что вмешательство во внутренние дела сасанидов могло быть только выгодно эфталитам. Они приобретали дружбу расположенного к ним царя в соседней державе и участие в дележе добычи, которая доставалась на долю победителей. В дальнейшем источник так и говорит, что наличие гуннских, т. е. эфталитских, войск заставило присмириеть все непокорные элементы Ирана. Одни слухи о «немалом» войске Кавада побудили Замашпа отказаться от борьбы и бежать. Захватив обратно престол, Кавад попытался привести к повиновению те племенные объединения, которые действовали независимо, пользуясь слабостью центральной власти. Он нашел дипломатически убедительные слова, подкреплявшиеся наличием гуннских войск. «Тимурайе», а за ними «кудишайе» просто испугались рати гуннов и подчинились, ܡܢ ܕܡܠܟܘ ܟܘܕܝܫܝܐ ܟܠ ܗܘ ܕܡ ܕܗܘܢ.[1] Что касается Армении, то ей пришлось испытать силу оружия гуннов и персов и подчиниться Каваду «по боязни, против воли». Против обыкновения он армян не разграбил, а пообещал вознаградить, если «они станут ему помощниками в войне с ромеями».[2] Но и после того, как Кавад утвердился на престоле, войско эфталитов не было отпущено. Оказанная ему поддержка должна была быть вознаграждена. Недостаточно было их кормить и содержать, необходимо было создать им возможность обогатиться. Во всех переговорах Кавада, когда он составлял коалицию против Византии, он указывал на тот источник, из которого он будет черпать средства, чтобы вознаградить союзников за участие в войне. Добыча, захваченная в ромейской земле, — вот казна, которой он сможет распоряжаться. Из добычи будет уделено воинственным тимурайе, за ее счет обогатятся армянские и иранские войска, она даст возможность расплатиться с эфталитами. Военная добыча была реальным богатством, доставшимся высшим слоям общества, а отчасти и вознаграждением рядовых воинов. В походе Кавада 502 г. участвовали и эфталитские войска в качестве союзного войска. Выше мне приходилось уже указывать на то, что в походах, когда шахан-шах выступал с союзными войсками, эти последние отчасти сохраняли свое самостоятельное положение и собственное командование. Стоит вспомнить, напр., соответствующий рассказ Аммиана Марцеллина, как в 356/7 г. с Шапором двигались войска хионитов, албан. Во время осады Кавадом Теллы, Харрана, Эдессы гунны-эфталиты были с ним и принимали участие в нападениях. Когда арабские войска были отосланы шахом в Серуг, он сам с остальным войском направился к Харрану, откуда была произведена удачная вылазка византийского гарнизона. Военачальник Рифит, «который был в Харране, вышел тайно из города, напал на них (персов), убил из них 70 человек и захватил живым предводителя гуннов (ܟܘܕܝܫܝܐ ܪܫܐ). Так как

[1] Иешу Стилит, § 24.
[2] Там же.

это был муж известный и был весьма уважаем персидским царем, то он обещал харранитам, что если они отдадут его живым, он не станет воевать с ними. Эти же, опасаясь войны, отдали ему этого гунна, послав с ним, как бы в подарок, стадо в полтораста баранов и другие вещи».[1] Кавад, очевидно, находился еще в известной зависимости от эфталитов и опасался, что гибель их видного предводителя может отрицательно отозваться на его отношениях с этими союзниками. Другое упоминание эфталитов о составе персидского войска имеется при сообщении об осаде Эдессы. Здесь интересно отметить, что разноплеменные войска шаха пользовались различными видами оружия, имели различную тактику, каковая в зависимости от необходимости и использовалась военным руководством персов. Сами они метали стрелы ܣܗܡܐ ܕܡܢ ܡܢ ܟܝܪ, арабы направляли против врага копья ܪܡܚ ܕܡܢ ܥܠ ܓܡܠܐ ܥܪܒܝܐ, гунны же, т. е. эфталиты, склонили палицы, ܣܒܘ ܕܡܢ ܚܫܚ ܗܘܝܢ. Чтение палицы ܗܘܝܢ κορύναι было предложено Nöldeke, но Bensley предлагает читать ܟܐܢ, что, впрочем, мало меняет значение слова «палка».[2] Три вида оружия, упомянутые автором, соответствуют тем народам, которые входили в состав коалиционного персидского войска, как они дальше им и перечисляются — персы, гунны и арабы. Сообщая об отшельнике Иакове, Прокопий говорит, что эфталиты из войска Кавада производили набеги для грабежа и напали и на Иакова.[3] Они составляли передовой отряд византийского войска в количестве около восьмисот человек, которые были уничтожены отрядами Патрикия и Ипатия.[4]

К 506 г. персидская кампания против азиатских провинций Византии закончилась. Мирный договор был заключен. По Прокопию, перемирие было установлено на семь лет. К большим богатствам, захваченным Кавадом на территории врагов, особенно в городе Амиде, Константинополь присоединил еще контрибуцию — «золото», окончательно примирившее с ним шаха. Эфталиты принимали участие в походе персов и, несомненно, могли быть и были вознаграждены из сокровищ, захваченных Кавадом. Уже к 506, 507 гг. следует отметить напряженное положение на северной границе Ирана. Хроника Иешу Стилита помещает построение города Дары под 506 г.;[5] так как его строили около двух-трех лет, то возможно, что строительство было закончено в 508 г.[6] Укрепление Дары и обращение ее в пограничную с Ираном византийскую крепость находились в полном противоречии с условиями подписанного мирного договора. Нарушение этих условий было возможно именно потому, то Иран был отвлечен другими заботами. Анастасий усыплял бдительность шахан-шаха то дипломатическим путем, то посылая ему деньги (χρήματα). Персы же «были связаны тяжелой войной с гуннами»,[7] препятствовавшей им принять необходимые меры по охране своей западной границы. Война эта была длительной и, возможно, началась еще в 503 г., так как Прокопий сообщает о ней до похода Кавада в Арзанену, которую византийские войска, переправившись через

[1] Иешу Стилит, § 59.
[2] Иешу Стилит, § 62, ed. Wright, p. 62 nota 7. Chronicon anonymum, Pseudo-Dionysiarum vulgo dictum, ed. Chabot, I, p. 290, CSCO, Scriptores syri, series tertia, t. I, Parisiis, 1927.
[3] Procopius, op. cit., De bello persico I, 7, p. 31.
[4] Procopius, ibidem, I, 8, p. 39.
[5] Иешу Стилит, § 90.
[6] Zacharias Rhetor, I, 7, cap. 6, p. 37.
[7] Procopius, op. cit., I, 10, p. 48.

реку Нимфий, жестоко разорили. Гунны напали на персидские земли только после того, как все войско Кавада возвратилось домой, после «большой войны» против народа, жившего в северных от Ирана областях. Только тогда у него оказались руки развязанными для протеста против построения близ границы крепости со стороны Византии. С кем же вел войну Кавад? Анализ текста Прокопия, как мне кажется, дает для этого ответ. После того как он дал пространное объяснение относительно этнического и культурного различия между гуннами и белыми гуннами, эфталитами, он, сообщая о войне Пероза, несколько раз чередует их наименование: гунны, эфталиты. В рассказе о бегстве Кавада он возвращается к наименованию гунны-эфталиты,[1] а в дальнейшем называет их только эфталитами, говорит о царе эфталитов,[2] об отряде эфталитов, напавших на отшельника Иакова,[3] о передовом отряде из эфталитов в количестве восьмисот человек.[4] Двумя десятками строк ниже народ, с которым ведет войну Кавад, назван гуннами и про них говорится, что война с ними велась в северных областях. . . πολεμόν τε μακρὸν πρὸς τὸ ἔθνος τοῦτω ἐς τῆς χώρας τὰ πρὸς ἄρκτον διέφερεν.[5] Длительность этой войны заставила персов согласиться на перемирие с Византией, так как борьба с гуннами оказалась затяжной. . . τοῦ πρὸς Οὔννους πολέμου σφίσι μηκυνομένου.[6] Уже одно наименование врагов персов гуннами заставляет видеть в них отнюдь не эфталитов, которые сражались на их стороне с Византией, а собственно гуннов, и это целиком подтверждается дальнейшими сообщениями, вопреки утверждению, будто, Кавад разорвал свой союз с эфталитами и вступил с ними в борьбу, длившуюся с 503 до 513 г. Эта ошибка допущена благодаря недостаточному анализу источников и требует исправления.[7]

Между тем в хронике Захарии Ритора есть сообщение об этом нападении гуннов, в котором, однако, имеется анахронизм. Царь Пероз умер в 484 г., Анастасий воцарился в 491 г. Таким образом, вступительное предложение хроники, определяющее время наступления гуннов, не может считаться правильным. Сирийский текст гласит: «Когда Пероз, царь персидский, воцарился в своей земле, в тринадцатый год Анастасия вышли гунны через ворота, которые охранялись персами. . .»[8] В дальнейшем имя Пероза приводится автором хроники несколько раз, между тем факт нападения гуннов через кавказские ущелья на персидские и византийские области в царствование Анастасия не подлежит сомнению так как он засвидетельствован греческими историками — Малалой, называющего этих гуннов сабирами,[9] и Феофаном,[10] к сообщению которого еще придется вернуться.

Захария Ритор имеет в виду именно этот эпизод, как и византийские историки; он говорит, что гунны прошли через ворота, т. е. через кавказские ущелья. Только широко известное участие Пероза в борьбе с эфталитами могло ошибочно вызвать его имя на эти страницы хроники. Если исключить его имя, то инцидент разыгрывается в царствование Анастасия и притом в годы, когда еще не замерла персо-византийская война. Автор сирий-

[1] Procopius, op. cit., I,7, p. 30.
[2] Procopius. op. cit., I, 6, p. 28. . . . ἐς Οὔννους τοὺς Ἐφθαλίτας.
[3] Procopius, op. cit., I, 7, p. 31.
[4] Procopius, op. cit., I, 8, p. 39.
[5] Procopius, op. cit., I, 8, p. 40.
[6] Procopius, op. cit, I, 10, p. 45.
[7] W. Mc Govern (op. cit., p. 414) ошибочно считает их эфталитами.
[8] Zacharias Rhetor. VIII, 3, t. II, p. 21, CSCO, t. VI.
[9] Ioannes Malalas, Chronographia. Bonn, 1832, p. 406.
[10] Theophanes. Chronographia, p. 161, 162.

ской хроники считает, что греки пропустили на персидскую территорию гуннов. Во время этой войны или незадолго до нее это могло иметь место и должно рассматриваться, как враждебный акт со стороны Византии. Судя по тому, что персам при Каваде, после заключения мира, пришлось вести войну с гуннами, возможно и самый факт нападения отнести к пятнадцатому году Анастасия, к 504 г. примерно.[1] Заканчивается этот рассказ хроники сообщением о смерти Пероза в том варианте, который дается и в хронике Иешу Стилита, где неосторожность Пероза губит его и его войско, а самый труп шахан-шаха не найден. В сирийской хронике дана интересная характеристика гуннов, не вызывающая сомнения в том, что дело идет о собственно гуннах, не об эфталитах, что гунны эти находились в «северо-западной стороне» и прошли через «ворота». Весь контекст не оставляет сомнения в том, что речь идет о гуннах, населявших прикаспийские области со стороны Кавказских гор.

Данные, которыми располагают другие источники, уже приведенные выше, говорят о том, что гибель Пероза произошла на его северо-восточной границе, за Каспийским морем, там, где еще раньше приходилось воевать и Перозу и его предшественникам. В данном же случае имя Пероза в войне с гуннами названо ошибочно, и весь рассказ представляет собою смешение двух различных традиций, — сообщения о Перозе и сообщения о нападении гуннов при Анастасии,— и той и другой известных по другим источникам. Состояние текста Захарии Ритора таково, что выводы могут быть сделаны лишь предположительно. Хроника Захарии Ритора представляет нападение гуннов следующим образом. Они прошли ворота, охраняемые персами, через тамошние горные места и достигли персидских пределов. Когда шах осведомился о причинах их нашествия, они ответили: «Нам недостаточно того, что дает нам персидское государство, как дань людям-варварам, изгнанным подобно диким зверям богом в северо-западную сторону. Мы живем оружием, луком и мечом и подкрепляемся всякой мясной пищей». Характеристика гуннов, вложенная им в уста, весьма типична. Она может относиться только к народу кочевого или охотничьего образа жизни, так как основной пищей его являются продукты мясные, добываемые не в оседлом состоянии, не земледельческим путем. Они считают себя обиженными изгнанниками северной и западной областей. (Для автора, находившегося в Месопотамии, северо-западными областями был Северный Кавказ до хребта.) Называя себя «людьми-варварами», гунны употребляют выражения, которые к ним применяли и в Византии и в Иране, жители которых считали себя неизмеримо выше них. Отсюда у гуннов приведенное в этой речи сравнение себя с дикими зверями. В дальнейшем, однако, гунны настаивают на том, что пренебрежительное к ним отношение не может продолжаться, им недостаточно той предоставляемой им персидской державой «дани», они претендуют на большее. Для этих претензий нашлись и основания: ромейское посольство, побывавшее у гуннов, обещало вдвое увеличить эту дань при условии разрыва их союза с персами. Последние, однако, решили пойти на соглашение. Заключать новые условия со стороны гуннов пошли четыреста человек, столько же со стороны персов, причем первые руководствовались советами «лукавого апамейского купца Евстафия». Нет сомнения, что Евстафий имел чисто торговые интересы, связывавшие его с гуннами, и что, будучи сам из Апамеи, он был на стороне их связи с Византией. Не лишены интереса подробности заключения союза между гуннами и пер-

[1] Procopius. De bello persico, I, cap. 10. Ed. Haury, t. I, p. 47.

сами, которые вместе «поднялись на гору, установили соглашение, ели друг с другом и поклялись, поднимая руки к небу».[1] Благодаря советам Евстафия гунны не побоялись вероломства персов, нарушивших договор, и оказались победителями. С сообщениями сирийской хроники следует сопоставить сведения византийских писателей. Греческие хронографы Малала и Феофан сообщают следующее. Под 6008 г. греческого летосчисления Феофан пишет: «В этом году гунны, называемые сабирами, пройдя через Каспийские ворота, проникли в Армению, опустошили Каппадокию, Галатию, Понт и остановились недалеко от Евхаиты».[2] Двумя годами ранее он упоминает гуннов в составе войск восставшего Виталиана, с которым они разоряли области «Фракии, Скифии и Мизии».[3] Иоанн Малала говорит об этом же событии, что «воинственный народ — гунны-сабиры, пройдя Каспийские ворота, дошли до Каппадокии», причиняя ужасающие опустошения ромейским областям.[4] Таким образом, нападение гуннов в эпоху Анастасия на византийские области и на персов могут быть поставлены в связь. Под 515 г. комит Марцеллин говорит о нападении гуннов-сабиров на области Армении и Малой Азии.[5] Ромеи пытались сговориться с гуннами, привлечь их на свою сторону, так как нанесенный ими ущерб тяжело ощущался провинциями. Персы же, державшие в своих руках ключи от «ворот», справедливо считали, что гунны могут быть острасткой в отношении ромеев. В свою очередь Византия считала интриги с гуннами одним из средств воздействия на Иран, что очевидно из приведенного текста сирийской хроники: за нарушение дружественного соглашения с персами гуннам была обещана двойная дань. В результате гунны грозили нападением, а затем и действительно вступили в военные действия с персами, с одной стороны. С другой стороны, пройдя через «ворота», гунны бросились опустошать ромейские области, что было возможно лишь при попустительстве персов, оберегавших проходы от «варваров». Воинственный народ гунны-сабиры могли говорить о себе, что они питаются мясной пищей и живут тем, что дает им оружие. Таким образом, с относительной уверенностью можно говорить о том, что в эпоху Анастасия (до 518 г.) Каваду пришлось вести борьбу на северных границах своей империи и не только на восток от Каспия, но и на западном его берегу, на Кавказе. Борьба эта велась и дипломатическим путем и с привлечением военной силы. Прокопий Кесарийский утверждает, что именно Кавад овладел «Каспийскими воротами» после смерти Амвазука, «родом гунна». Последний предлагал передать охрану ворот ромеям, но Анастасий, будто бы, не надеясь на военную силу, отказался от этого, а Кавад прогнал детей Амвазука и захватил ворота. Факт этот можно отнести к 507 или 508 гг., так как Прокопий сообщает о нем до того, как была закончена постройка крепости Дары.[6] В согласии с этим свидетельством находятся данные сирийской хроники, сообщающие, что Кавад настойчиво спрашивал с ромеев сумму в пять кентенариев золота, которое он получал в качестве оплаты содержания ἀνάλωμα, персидских войск, оберегавших ворота от гуннов ܕܢܛܪܘܢ ܒܗ̈ ܕܒܪ̈ ܕܫܠܡ ܕܒܪ̈ ܕܚܠܝ ܕܒܪ̈ ܕܫܘ̈ܡ ܐܘ̈ܪ̈ܟ.[7] Так как требование его Константинополь медлил

[1] Zacharias Rhetor, VII, cap. III; t. II, 21, 22.
[2] Theophanes. Chronographia, p. 161.
[3] Theophanes, op. cit., p. 160.
[4] Ioannes Malalas. Chronographia, p. 406.
[5] Marcellini comiti Chronicon. Monumenta Germaniae historica, t. XI, ed. Mommsen, t. II, p. 99.
[6] Procopius, op. cit., I, 10, p. 46.
[7] Zacharias Rhetor, VIII, 5; II, p. 77.

удовлетворить, то Кавад от времени до времени посылал «своих арабов», т. е. арабские племена, находившиеся под властью Ирана, совершать набеги на ромейские территории. Это было реальной мерой, чтобы смирить строптивую Византию, которая в свою очередь тревожила персидскую область Арзан и опустошала прилегавшие к Низибии округа. Следствием этого были переговоры между обеими державами, не увенчавшиеся, однако, соглашением. К шестому году Юстиниана та же хроника относит нападение гуннов, пришедших из тех же прикавказских областей, так как о них говорится, что они перешли Евфрат и дошли до Антиохии.[1] В качестве полукочевого народа они слабо владели техникой осады городов, поэтому они вырезали на пути своем то население, которое находили вне городских стен, вне города ܒܪ ܐܢܛܝܟ. Отнести это событие следует к середине тридцатых годов VI в., так как автор хроники датирует его десятым годом индиктиона и годом смерти Кавада, следовательно, 531 или 532 г. Годы царствования Юстиниана, вероятно, сосчитаны со времени его совместного правления с Юстином, так как иначе со временем смерти Кавада эти указания не согласуются. Останавливаясь несколько далее на этом событии, хроника повторяет рассказ о нападении гуннов, прибавляя, что гунны эти были наняты в персидские войска и составляли его дружины. За ними посылал Кавад военачальника Михргирвая, чтобы нанять множество гуннов ܣܓܝܐܐ ܕܚܘܪ ܣܓܝܐ, чтобы они пришли и помогли персам. Сопротивления гуннам не было оказано, они прошли беспрепятственно на ромейские области, и только дукс Майферката, Бесса, напал на них, когда они возвращались обратно, на север. Он перебил около пятисот всадников и захватил их добычу, причем обогатился за ее счет, ܣܓܝ ܥܫܪ, стал богатым человеком. Из крепости Китариз выступил другой дукс, которому удалось захватить их вьючных животных и отбросить около четырехсот мужей.[2] Опустошения, нанесенные гуннами, подтверждаются хроникой еще раз, причем отмечаются пожары и разбой, производящиеся ими.[3] Гунны, о которых идет речь, несомненно населяли прикаспийские области, так как Прокопий Кесарийский говорит, что это были воинственные гунны-сабиры. Числом их было около трех тысяч, они состояли под общим начальством Мермероя, Μερμερόης, которого сирийский источник называет Михргирваем.[4] Поскольку и Прокопий считает их входящими в состав войска Кавада, не остается сомнений в том, что набег их на ромейские области за Евфратом следует отнести к году смерти Кавада (531 г.) или к ближайшему времени.

Таким образом, общим выводом из изложенного является тот факт, что как гунны, так и эфталиты находились в тесном соприкосновении с персами, что гунны-сабиры, известные греческим хронографам, были то союзниками, то врагами персов на их кавказской границе.

Когда 13 сентября 531 г. Хосрой вступил на престол своего отца, он энергично взялся за руль правления. При Хосрое внутренняя и внешняя политика государства осталась прежней, той которой придерживался Кавад в последние свои годы. Она была по существу политикой реакционного типа. В лице Юстиниана Хосрой имел достойного по уму и образованию противника, и борьба между Ираном и Византией была напряженнее, чем когда-либо.

---

[1] Zacharias, Rhetor, VIII, 5; II, p. 82.
[2] Zacharias, Rhetor, IX, 6, p. 98.
[3] Zacharias, Rhetor, IX, 14, p. 113.
[4] Procopius, op. cit., I, cap. 15, p. 74.

Эфталиты, в соседстве с Ираном, держали его в постоянном напряжении, но именно при Хосрое подготовлялась смена господствующих групп в этих областях. Хвастая перед Константинополем около 562 г., Хосрой говорил, что он разрушил власть эфталитов,[1] но покончили с ними тюрки. Новые этнические группы пришли на смену белым гуннам; тюрки были той новой опасностью для Ирана, которая первоначально помогала им в борьбе с эфталитами. Тюрки собственно и разбили окончательно державу эфталитов, чтобы укрепиться самим, и стали грозой для Ирана. Для того чтобы в целом представить себе этапы этой борьбы и побудительные причины, облегчавшие вмешательство тюрков в отношения Передней Азии, следует указать на взаимоотношения, возникшие между Византией и Ираном на почве экономических интересов.

Иран держал в своих руках торговые пути между Средней Азией и Дальним Востоком, с одной стороны, и Византией — с другой. Наиболее драгоценные товары Индии и Китая проходили через руки персидских купцов, которые отнюдь не соглашались делить свои барыши с западными торговцами. Не только пряности, краски, драгоценные камни, но и китайский шелк проходил длинный путь через оазисы, переходил из рук китайцев к согдийцам, персам, сирийцам, прежде чем попадал в Константинополь. Такая причина общего характера лежала и в основе отношений Византии с Аксумом и с Ираном, так как торговые интересы государства требовали расширения, и активность коммерческих сношений росла с общим ростом и упрочением государственной мощи Византии в эпоху Юстиниана. В блеске его времени было много показного и фиктивного, так как острая классовая борьба внутри государства не прекращалась, и большие расходы покрывались лишь за счет тяжелых повинностей и умножающихся податей и налогов. Тем не менее торговые связи имели большое значение, и их развитие обусловливало экономическое укрепление высших слоев общества. Естественными соперниками византийских купцов были купцы персидские. Освободить торговлю, в частности торговлю шелком, имевшим особенно большой сбыт, от давления Ирана, наживавшегося на пошлинах, было особенно желательно. Следствием этого стремления была попытка вести торговлю помимо Ирана, для чего завязывались сношения с государствами, расположенными на путях к Небесной империи. К середине VI в. экспансия тюрских племен настолько возросла, что эфталитское государство вынуждено было уступить свои позиции. Как и в других случаях, такое завоевание главным образом сводилось к смене господствующего слоя, той верхушки, которая руководила государственной жизнью.

ЗАВОЕВАНИЯ ТЮРОК

Сведения об изменениях, происходивших в Средней Азии и прикаспийских областях в середине VI в., могут быть почерпнуты из китайских источников у греческих и сирийских историографов. Сочинения Менандра Протектора, писавшего около 582 г., действовавшего при императоре Маврикии, дошли до нас лишь во фрагментах. В его записках с недостаточной полнотой из-за лакун, но со многими интересными подробностями, сохранились эпизоды из борьбы тюркского каганата за упрочение. Авары, народ гуннского племени, в середине VI в. прошли по северному побережью Каспий-

[1] Menander Protector. Fragmenta. Fragmenta historicorum graecorum, ed. Müller, t. IV, p. 210 = Excerpta historica Constantini Porphyrogeniti. Excerpta de legationibus, ed. De Boor. Berolini. 1903. Pars I, p. 177 (в дальнейшем цитируется: Menander).

ского моря, и уже в 558 г. полководцу Юстину аланы передали просьбу авар принять их посольство в Константинополе. Юстин передал их просьбу Юстиниану и послы Кандиха, царя аварского, были приняты с соответствующими дарами. Авары тотчас обратились против сабир, а затем утигур. Пройдя через территорию котригур, занимавших области по Бугу и Серети, они покорили и антов, а в 562 г. их орды разоряли центральную Европу до Эльбы. Но основным местом их пребывания, повидимому, оставались области, лежащие между Черным и Каспийским морями.[1] Между Византией и аварами происходили также переговоры о возможности их переселения во вторую Паннонию, Pannonia secunda παιονία, δευτέρα, на которой располагались герулы; но аварам, будто бы, переселяться из Скифии не хотелось, и переселение это не состоялось.[2] Однако от Феофана Византийца известно другое, а именно, что авары сами в Константинополе просили о разрешении им переселиться в Паннонию и жить мирно, но им в этом было отказано, так как ромеи имели соответствующее соглашение с тюрками и, связанные им, отказались вступить в соглашение с аварами.[3] Попытки авар продвинуться в западном направлении в форме набегов, стремление вступить в соглашение с Византией и переселиться вызваны были тем, что усиливавшиеся тюрки оказывали на них давление. В какой-то период времени авары еще могли оказывать сопротивление, они совершили набег на принадлежавшие тюркам области, а затем поспешно скрылись. По поводу этого тюркский предводитель Силзибул (ὁ Σιλζίβουλος ὁ τῶν Τούρκων ἡγεμών) угрожал им местью, говоря: «они не птицы, чтобы летая по воздуху, избежали мечей тюрок, и не рыбы, чтобы, нырнув в глубину моря, исчезли в волнах , а они бродят по земле. Когда я кончу войну с эфталитами, нападу на аваров, и они не избегнут моих сил».[4] После этого Силзибул выступил против эфталитов. О подробностях этой борьбы сведений нет, но известны результаты — победа тюрок. Судя по случайному сообщению того же Менандра, эфталиты пытались не только обороняться, но и наступать, так как эфталитского предводителя его советник, эфталит, Катульф стремился удержать от дальнейшего наступления и советовал оставаться в собственных пределах, говоря, что в своем дворе одна собака сильнее десяти чужих.[5] Борьба аваров продолжалась и в дальнейшем, в шестидесятых годах VI в., при императоре Юстине. С эфталитами тюрки, однако, сумели покончить; основная часть принадлежавшей им территории отошла к тюркам, и «согдаиты, перед тем подданные эфталитов», стали уже подданными тюрок. Тюрки покорили и эфталитов и вынудили их платить дань, говорит в другом случае тот же Менандр.[6] Кстати, можно отметить относительную автономность согдов, которые от себя послали посольство к персам, только спросив предварительно на это разрешение у тюрок. Что касается эфталитов, то тут очень характерен приведенный все тем же Менандром диалог между императором Юстином и тюркскими послами: «Всю ли силу эфталитов вы подчинили?» — спросил автократор. — «Всю», — сказали послы. — Император: «В городах или же в селениях живут эфталиты?» — Послы: «Они городское, господин, племя». — «Итак, ясно, —

---

[1] Menander, Fragmenta, t. IV, p. 202—206. — Bury, op. cit., t. II, p. 314—316. — Ioannes Ephesius, III, 6, cap. 24.

[2] Menander, Fragmenta, 9, p. 205, ed. De Boor, II, 443.

[3] Theophanes Byzantius, Fragmenta, 2. Fragmenta historicorum graecorum, ed. Müller, t. IV, p. 270.

Menander, Fragmenta, 10, p. 205, 206.

[5] Menander, Fragmenta, 10, p. 206.

[6] Menander, Fragmenta, 18, p. 226, ed. De Boor, II, 451.

сказал император, — что вы стали господами их городов». — «Да, конечно» — говорят.[1]

Для Византии, для Ирана, для Согдианы и даже для начинавших входить во вкус государственных интересов тюрок вопрос о связях, о взаимоотношениях государств был вопросом экономических и торговых отношений, среди которых одно из первых мест занимал шелк. Перепродажа и перевозка последнего имела настолько большое значение, что Феофан Византиец сообщил, какие народы последовательно занимали доминирующее положение в торговых городах и портах, бывших проводящими путями шелка. При императоре Юстине, «тюрки тогда занимали торговые города (τά ἐμπορία) и гавани серов (οἱ λιμένες τάτε Σηρῶν), прежде их имели персы. Эфталан же, царь эфталитов (τοῦ Ἐφθαλιτῶν βισιλέως), от которого и весь род (το γένος) имеет прозвание, победил Пероза и персов. Персы потеряли их (города и гавани), а господами их стали эфталиты. Вскоре после того тюрки победили их в бою и отняли их у них».[2] Таким образом, те города и селения, которые имели торговое значение, служили гаванями и имели фактории для китайских товаров, переходили из рук в руки и доставались новым хозяевам после упорной борьбы. Эфталиты уступили свое господство в Средней Азии и в прикаспийских областях тюркам. Если верить Менандру, то завершилась утеря их господства трагедией. Эфталит Катульф, упомянутый выше, был оскорблен царем эфталитов, изнасиловавшим его жену, поэтому он предал своих соплеменников тюркам. Сам он перебежал к персидскому шахан-шаху, где занял видное положение при его дворе.[3]

С этого времени имя эфталитов сходит со страниц греческих и сирийских хроник, их историческая роль у берегов Каспия и в Центральной Азии была кончена, но они продолжали жить в этих областях уже в качестве племени, платившего подать тюркам, как это делали и согды. Между 563 и 567 гг. произошло окончательное завоевание областей, населенных эфталитами, их этническое единство было нарушено, они растворились среди других племен и народов. Тюрки захватили Согдию и территории на север от Окса. Сасанидские государи в то же время завладели Бактрией, Афганистаном и областями, расположенными до Аму-дарьи (Окса).[4]

Табари сообщает, что царь эфталитов (Haital) был убит тюркским каганом Синджибу [5] — это Силзибул (Дизибул) Менандра.[6]

Об эфталитах можно найти сведения еще в данных китайского путешественника Хей-чао. Он побывал в северной Индии после 727 г. и дал краткие заметки о целом ряде азиатских государств, указав с относительной точностью и их географическое положение. Ценны его указания, что̀ производит данная страна или государство, о чем он узнавал, надо думать, по вывозимым продуктам. Он знает Тохаристан с центром Балх, который находится под властью арабов; знает Персию и даже Византию (великое Фу-лин), которую пытались захватить арабы и тюрки, но это не удалось ни тем, ни другим.[7] Под землей Ху он, очевидно, подразумевает Согдиану

---

[1] Ibidem.
[2] Theophanes Byzantius, Fragmenta, 3, p. 270.
[3] Menander, Fragmenta, 18, p. 225, ed. De Boor, II, p. 450.
[4] W. Mc Govern, p. 418.
[5] Tabari — Nöldeke, p. 159.
[6] Menander, Fragmenta, 10, p. 205. Его идентифицируют с Моканом (553—572 гг.), который разрушил государство эфталитов. — Bury, op. cit., II, p. 314.
[7] Fuchs. Hueu-ch'ao's Pilgerreise durch Nordwest-Indien und Zentral-Asien. Sitzungsber. der Preuss. Akad. der Wissensch., 1938, B. XXX, p. 450—451.

и ее пять провинций, которая находилась под властью арабов. То, что он сообщает о нравах народа ху, не оставляет сомнения в том, что речь идет об эфталитах, так как он говорит, что братья имеют одну женщину женой. Он упоминает и о персах, где был обычай жениться на матери и на родных сестрах.[1]

Хей-чао говорит относительно ряда областей, кроме Согдианы, — Каписи, Забулистине, Хотале, что в них живут ху и тюрки одновременно, причем в Каписи и в Забулистане господствующий слой, царь и войско — тюрки, а население — народ ху. В его записи об области Шекина он сообщает, что из Памир-Кулана делают нападения на ху, так как они состоятельны и грабят их немилосердно.[2] Впрочем они отбирают у ху шелк, но не умеют с ним обращаться. Шелк указывает на то, что ху могут быть согдами или эфталитами.[3] Таким образом, китайский путешественник еще находит их следы.

В позднейших источниках сведений о них уже не имеется.

Сведения византийских писателей заставляют предполагать, что торговые связи Средней Азии находились в этот период в руках у согдов, которые продолжали свою деятельность и при эфталитах и при тюрках, в подданстве у которых они были. Осложнения в отношении этих последних с персами поставили под удар их торговлю шелком, вследствие чего они поставили перед тюрками вопрос о возможности наладить мирные отношения с персами, послав к ним посольство. Согды добивались возможности ездить опять в Иран. Разрешение на посольство было им дано, и во главе него был поставлен Маниах, которого называют «предстоятелем», «начальником» согдов ὁ Μανιάχ, ὃς τῶν Σογδαϊτῶν προεστήκει.[4] Прибыв в Иран, согдийцы были приняты Хосроем, но он не дал им ответа, а тянул время, так как опасался предоставлять им свободный выезд. Беспокойство относилось, конечно, не к мирным согдийским купцам, а к тюркам.[5] Между тем согды настаивали на ответе. Тогда шах решил выполнить совет, данный ему эфталитом Катульфом. Катульф, пользовавшийся влиянием на государственные дела, будто бы, посоветовал шах у купить шелку согдов, а затем его сжечь. Во всяком случае очевидно, что согды желанного ответа не получили. Дизибул попытался вновь завязать дружеские переговоры с Ираном, но там не желали сношений с тюрками. Изменчивость, которую ставили в упрек этим «скифам», вероятно, была в том, что тюрки стремились к соглашениям и с Византией. В Иране прибегали к практиковавшемуся способу отравления послов ядом, примешанным к их пище, так что обратно возвратились лишь человека четыре. Персы утверждали, что они погибли от жары, так как обычно жили в стране, где бывает мороз и снег. Но Дизибул подозревал истину, поэтому, когда все тот же Маниах стал настаивать на том, чтобы была сделана попытка вступить в сношения с Византией, он на это согласился. Основным и вполне реальным доводом Маниаха было то, что Византия была главным потребителем шелка, который он и предлагал отправлять туда для продажи. В состав посольства вошел и Маниах, а Дизибул послал с ними письма и дары, в числе которых было много шелка. Путешествие послов было длительным: они прошли «много стран», гор, равнин, озер и рек, прежде чем достигли Константинополя. Судя по тому, что они перевалили Кавказский хребет, тем

[1] Fuchs, op. cit., p. 452, 448.
[2] Fuchs, op. cit., p. 455.
[3] Marquart. Eranšahr, p. 250. — Chavannes, op. cit., p. 161.
[4] Menander, Fragmenta, 18, p. 226, ed. De Boor, p. 451.
[5] Menander, op. cit., p. 225, ed. De Boor.

Καύκασαν αὐτὸν τὸ ὄρος ὑπερφελθών, они продвигались по северному побережью Каспийского моря, очевидно, избегая принадлежавшие Ирану области. Дары и скифское письмо, τὸ γράμμα τὸ Σκυθικόν, о котором еще будет речь, были приняты императором.[1] Затем произошла беседа с послами, часть которой уже была выше приведена. Можно отметить, что тюрки сообщили, что государство их делится на четыре части τέτταρας αὐτοῖς εἶναι ἡγεμονίας, но верховная власть над ними принадлежала одному Дизибулу. Из текста очевидно, что здесь имел место типичный вид завоевания, когда полукочевая орда покоряла оседлое государство, садилась сверху, но мало изменяла жизнь основной массы населения. Так, согды или хорейзмийцы продолжали свой производительный труд в области сельского хозяйства и высоко развитых ремесел, а также заниматься торговлей. Послы перечислили (ἀπαριθμησάμενοι) племена (ἔθνη), покоренные тюрками, а затем просили мира и союза с ромеями. Союз носил военный характер, так как тюрки обещали расправиться с теми из врагов Византии, которые были в их соседстве. Уже в конце того же четвертого года царствовования Юстина II им было послано ответное посольство к тюркам,[2] так как тюркские послы прибыли в ромейскую столицу в начале того же года,[3] следовательно, в 568 г. Об этом посольстве сохранились сведения у Менандра, о нем сообщает и современник этого события — Иоанн Ефесский.

Попытки Византии иметь в своем распоряжении шелк не ограничивались только налаживанием новых торговых связей и путей, через химьяритов на море,[4] через тюрок на суше. Источники говорят, что при Юстиниане были сделаны попытки развести шелкопряда и в Византии. По поводу этого Прокопий Кесарийский сообщает, что в 552 г. какие-то монахи явились к императору и сообщили, что они тщательно изучили разведение шелковичных червей. Пришли они из Индии (ἐξ Ἰνδῶν ἥκοντες), но длительное время они оставались в стране Серинде (Σηρίνδα), «находящейся над (ὑπὲρ) многими индийскими народами».[5] Монахи эти возвратились вторично в Серинду и тогда вывезли оттуда грену шелкопряда, из которой они вывели червей на листьях тутовых деревьев. Другой источник к тому же времени относит несколько иную версию, а именно — грена шелковичных червей была доставлена в период правления Юстиниана в Византию каким-то персом, который привез ее в выдолбленной, пустой внутри палке от серов ἐκ Σηρῶν.[6] В настоящее время доказано, что имя серов относится византийскими писателями не только к Китаю и китайцам, но и другим производителям и торговцам шелком, как, напр., согдам. Серы у Феофана и Серинда Прокопия не должны быть приурочены к Китаю. Гавани и фактории, о которых Феофан говорит, что они принадлежали сначала серам, потом эфталитам и, наконец, тюркам, — это города Согдианы.[7] Необходимо иметь в виду, что производство шелка имело место и в Согдиане, так как настойчивое желание согдов около 565 г. найти сбыт для шелка может объясняться только тем, что они шелко-

---

[1] Menander, op. cit., p. 226., ed. De Boor. II, p. 451.
[2] Menander, Fragmenta, 19, p. 227.
[3] Menander, Fragmenta, 18, p. 225.
[4] Vasiliev. Justin I (518—527) and Abyssinia. Byzantinische Zeitschrift, B. 33, 1933, p. 67—77.
[5] Procopius. De bello gothico, 4, cap. 17. Ed. Harry, t. II, p. 576.
[6] Theophanes Byzantius. Fragmenta, 3, p. 270.
[7] Henning. Die Einführung der Seidenraupenzucht ins Byzantinerreich. Byzantinische Zeitschrift, B. 33, 1933, p. 297.

пряда разводили и вели шелковое производство сами, а не только перекупали шелк в Китае.[1] Таким образом, и название Серинды следует отнести к Согдиане, а самое название серов несомненно могло относиться и к согдам. Это производное от слова шелк, σηρ, могло относиться и к торгующим и к производящим шелк лицам. Насколько сложно и развито было производство шелка, можно судить по «Книге епарха» X в., где продажа шелка-сырца, его прядение, тканье, окраска строго разделяются. Каждое производство имеет особый цех, и мастера не имеют права заниматься другими видами производства, кроме данного.[2] Конечно, в VI в. такого широкого развития шелковой промышленности доказать нельзя, но следует только вспомнить, что в течение многих веков шелк использовался и в Римской империи, и, следовательно, традиции в обращении с ним сложились задолго до VI в. В качестве примера можно привести данные об установленном, давно проложенном тракте для провоза шелка из Китая в Рим.[3] Часть этих путей морские, другая часть сухопутные, их совокупность заставляет думать об оживленном экономическом обмене между Дальним Востоком и Западом. Юстиниан впоследствии мог удивить тюркское посольство, показав им, как образуется куколка и как из ее нитей вырабатывают шелк. Самое шелковое производство — переработка сырца, прядение, окраска, тканье — в Византии получило широкое распространение. В X в. в «Книге епарха» (Ἐπαρχικόν βιβλίον) шелковое производство занимает видное место и имеет множество подразделений.

Византия имела еще специальный интерес в переговорах с тюрками по поводу аваров, которые находились частью в подданстве у тюрок, частью же в областях, смежных с Византией. Они в свою очередь посылали посольства и стремились войти в соглашение с ромеями. Еще при Юстине II авары пытались установить такие отношения, чтобы вынудить Константинополь к оплате их сторожевой службы на границах. Но состояние царской казны было таково, что пойти на эти требования не представлялось возможным. Кроме того, позже, Юстин был связан обещанием, данным тюркам, не вступать в соглашение с аварами.[4] Дорожа отношениями с тюрками, Византия рассчитывала на их помощь в войне с Ираном, который она полагала «погубить» (διαφθαρῆναι) между натиском своих сил, с одной стороны, и тюркских войск — с другой.[5] Расчет был, конечно, правильный, и возможно, что он и удался бы, но история решила иначе: в 584 г. Тардухан оказался в подчинении у династии Суй.

Сообщения греческих авторов о тюрках несомненно носят следы смешения имен различных народов и племен, в предшествующее время занимавших территории, которые теперь оказались в руках тюрок. Менандр говорит, что они «назывались в древности саками», а Феофан Византиец утверждает, что народы, живущие на восток от Танаида в древности носили имя «массагетов», персы же на своем языке называли их «кермихионами». Древние саки, впрочем, не были ни тюрками, ни монголами, и, конечно, относить их имя к тюркам было возможно лишь в той связи, что они населяли области, где жили саки, и покорили оставшихся из них. Что касается

---

[1] Henning, op. cit, p. 307.

[2] Mickwitz. Die Organisazion zweier byzantinischer Gewerbe im X Jahrh. Byzantinische Zeitschrift., B 36, H. 1, 1936, p. 70—76.

[3] Herrmann. Die alten Seidenstrassen zwischen China und Syrien. Berlin, 1910. — Herrmann. Die Verkehrswege zwischen China, Indien und Rom um 100 nach Chr. G. Leipzig, 1922.

[4] Theophanes Byzantius, Fragmennta, 2, p. 270.

[5] Menander, Fragmenta, 32, p. 237, ed. De Boor, II, p. 459.

имени кермихионов, то в состав его входит имя хион, уже известное из приведенных выше свидетельств сирийских хроник, которые знают хионитов, как кионайе. Хиониты известны и Аммиану Марцеллину. Они были известны как политические предшественники эфталитов, которые затем растворились в государстве, образованном этими последними. По-новому трактовать этот вопрос оказалось возможным при сопоставлении греческих источников с тем, что дают нам китайские анналы.

Франке, крупнейший историк Китая, восстанавливает историю авар и тюрок на Дальнем Востоке в следующих чертах. Жуань-жани в 448 г. были разбиты императором Тайвути и с тех пор сохраняли мирные отношения с династией Вей.[1] Около 460 г. их орды завоевали Турфан и до VI в. они были мощным и сильным народом. Тот же Тайвути, 439 г. разбил группу гуннских племен,[2] другая же группа гуннов, около пятисот семей, устремилась под власть жуань-жаней, они звались тюкиу и занимались выработкой для них железа в Алтайских горах.[3] Впоследствии в Согде тюрки предлагали приобретать у них железо, так как в их распоряжении находились копи.[4] Это сообщение превосходно отвечает тому, что знают о тюрках китайские источники.[5] Двор Вей имел возможность вмешаться в дела своих соседей. Между 520—521 г. жуань-жани были разделены на два государства — на западе в Кукуноре сел Поломен, на востоке Анакуей. Поломен соединился с народом е-та, или эфталитами, родственными та-юй-чжи и гаоджи, по представлению китайских анналов. Пейши (гл. 97, 24) утверждает, что они спустились с Алтайских гор, что завоеваниями эфталиты расширили свою державу и к середине V в. образовали мощное государство, простиравшееся от областей Окса до Хотана.[6] Эфталитская династия была связана с жуань-жанями родственно; в 521 г. три сестры Поломена были женами царя эфталитов. Между тем тюкиу за истекшее столетие значительно усилились, в 551 г. их каган породнился с домом западных Вей. Между 551 и 555 г. государство жуань-жаней было разрушено силами тюрок и китайцев.[7] Часть жуаньских орд, около двадцати тысяч, двинулась далее на запад, и Менандр сообщает об угрозах тюркского кагана в 576 г., что после того как он разделается с эфталитами, он примется за авар. Тюрки особенно ненавидели авар как своих прежних господ, для которых они в копях добывали железо. Имя авар с жуань-жанями китайских источников связал еще Дегинь.[8] У Феофилакта Симокатты имя вархонитов (Οὐαρχωνῖται) составляет ошибочно связанные имена Οὐάρ, авар и Χουννί, хион, или хионитов.[9] Что касается кермихионов, то керм — это черви, как на это указывал еще Маркварт; черви-хиониты — обидное выражение для авар, которое повторяет каган тюрок в речи, сохраненной Менандром.[10] При сопоставлении византийских источников с китайскими можно восстановить дату разгрома государства эфталитов тюрками. Менандр утверждает, что этот факт имел место до 568 г., а китайские источники относят его после 558 г. Обычно начало шестидесятых годов VI в. считается временем наиболее острой борьбы между ними.

---

[1] Franke. Geschichte des Chinesischen Reiches, Band II. Berlin, 1936, p. 202, 230.
[2] Franke, op. cit. 197, 230.
[3] Franke, op. cit. 231.
[4] Menander, Fragmenta, 20, p. 227, ed. De Boor, I, p. 192.
[5] Chavannes, op. cit, p. 235.
[6] Ibidem, p. 231.
[7] Ibidem, p. 233, 234.
[8] Franke, op. cit. B. III. Berlin, 1937, p. 286, 287.
[9] Franke, op. cit., p. 289.
[10] Menander, Fragmenta, 10, p. 205, 206.

Окрепший в своих победах тюркский каганат попал в орбиту как Ирана, так и Византии. Первое посольство из Византии, о котором выше было упомянуто, было направлено к тюркам в четвертом году царствования Юстина II (568 г.), и возглавлял его «киликиец Земарх». Отправлялось византийское посольство в сопровождении отъезжавших согдов и тюрок, а ехали они, минуя пределы Ирана. Представление об этом пути больше дает тот маршрут, который сообщен для их обратного путешествия. Он в свое время был подвергнут анализу академиком В. В. Бартольдом.[1] Путь этот пролегал по берегу Аральского моря и через Кавказ достигал Трапезунда, представляя целый ряд трудностей для передвижения, и был утомительным по климатическим особенностям этих мест. Легким был только проезд от Трапезунда до Константинополя, где пролегал тракт с «казенными» лошадьми.

Из бытовых подробностей интересно, что Земарх и его спутники должны были «очистить себя», пройдя через огонь, прежде чем они были допущены к кагану. Ставка последнего находилась у Золотой горы — Экдаг (Ἐκτὰγ), которую следует искать не у Алтайских гор. Шаванн считает, что речь идет о горе А-кие, или Акдаг, белой горе, которая находится на север от Кутчи в Восточном Туркестане.[2] Описание шатра Дизибила говорит о сугубо кочевом образе жизни народа и царя, самый трон которого представлял собой род повозки или телеги. Впрочем палатка кагана была завешена шелковыми тканями. Кочевым характером отличались и все другие помещения, в которых побывал Земарх, не исключая сокровищницы, или казнохранилища, Дизибула.

Переговоры между каганом и послом вращались главным образом вокруг возможности нападения на Иран, и Дизибул выступил против персов в сопровождении Земарха. О своем нападении каган предупредил своих врагов, как это было обычно для того времени, и потому, едва тюрки достигли Таласа, как они застали здесь персидское посольство. Менандр утверждает, что ромейским послам было оказано предпочтение по сравнению с персидскими и что к последним Дизибул обратил речь полную упреков за все обиды, нанесенные ему персами. Персидский посол стал горячо возражать, несмотря на то, что это происходило во время трапезы, когда было принято хранить молчание.[3]

О стычке между персидскими и византийскими послами сообщает и Иоанн Ефесский, но рассказ его, как можно видеть из приложенного перевода, имеет пиетические элементы. Если снять этот налет, то его сообщения во всей своей наивности приобретают интерес. Годом отбытия послов сирийский историк считает седьмой год царствования Юстина.[4] Прибыв к одному из тюркских царей, Земарх остановился. При дворе кагана он застал персидских послов, с которыми ему пришлось вступить в спор. Этому диалогу предшествует рассказ о горьком плаче тюркского кагана при виде ромейских послов. Слезы его были, будто бы, вызваны одним древним пророчеством, что с приходом послов из ромейской земли наступит

---

[1] В. В. Бартольд, Сведения об Аральском море и Аму-дарье с древнейших времен до XVII в. Ташкент, 1902, стр. 29. — R. Henning. Terrae incognitae, B. II, p. 62.

[2] Chavannes, op. cit, p. 235—237. В 433 г. ассены, клан жуань-жаней заняли южные склоны Золотых гор в Канжу. Самый город их назывался Киншан — Золотая гора (Parker. Thousend years of Tartars, p. 177).

[3] Menander, Fragmenta, 20, p. 228, ed. De Boor, I, 192—195.

[4] Ioannes Ephesius, III, 6, cap. 23, p. 322.

конец мира и прекратятся все царства. Зная Иоанна как историка, тот факт, что часть рассказа он передает в первом лице множественного числа, может служить подтверждением того, что он передает рассказ, слышанный им от участников посольства. Это обстоятельство не меняет, врочем, специфического характера рассказа в духе пиитизма Иоанна. Менандр хоть и не говорит о споре между византийскими и персидскими послами, но их встречу в Таласе, в присутствии кагана, подтверждает.[1] Сирийский историк утверждает, что персы стремились дискредитировать Византию в глазах каганата, утверждая, что «царь ромейский наш раб (ܥܒܕܐ — abda) и как раб платит нам подать (ܡܕܬܐ — mdata)».[2]

Между тем богатые подношения и дары из Константинополя, преподнесенные кагану, заставили его воскликнуть: «Это великий царь!» — и спросить ромейских послов, действительно ли Византия является данницей Ирана. Поводом для такого утверждения были, конечно, те дотации, которые империя посылала шахан-шаху на содержание охраны на общих для обоих государств границах с кочевниками. Еще в V в. представители Восточно-Римской империи горячо протестовали против желания Ирана видеть в этом «золоте» унизительную «подать». Так и теперь Земарх парировал удар, утверждая, что, обратно, персы и до настоящего времени оказывают почести статуе императора Траяна, находящейся в «их земле» и, следовательно, о каком же подчиненном положении может быть речь, если они изображения императора боятся и трепещут перед ним.[3] Аргумент показался убедительным, каган стал упрекать персов во лжи и отослал их с гневом.

Что переговоры тюрок с Византией имели благоприятные для последней результаты, видно уже из того, что нажим на Иран с севера и востока был тотчас осуществлен, так как каган со своим войском выступил против Ирана. В заключение своего рассказа Иоанн говорит, что послы возвратились домой через два года и рассказали много замечательного «об этих народах», их законах, обычаях, образе жизни и что обо всем этом слыхал и он.

Приготовляясь к войне, каган отпустил Земарха, который встретился в условленном месте с другими членами посольства. Кроме того, от кагана в Византию были посланы некий Тагму, имевший звание тархана, и сын Маниаха, «предстоятеля согдов», получившего, несмотря на свою молодость, звание покойного отца.

Неудачи в войне Византии с Ираном побуждали вновь искать помощи у тюрок. Во втором году императора Тиверия, следовательно, в 579 г., послом к ним был отправлен некий Валентин, который побывал там дважды. Кроме того, Менандр называет имена ряда лиц, побывавших в посольстве у тюрок, как Анагаста, Евтахия, Иродиана, Павла киликийца, что говорит о частых обменах посольствами. Валентина сопровождали сто шесть тюрок, которые «давно» жили в Византии, прибыв сюда с возвратившимися от тюрок ромеями.

Для государственного устройства тюрок характерно, что только Дизибулу принадлежала верховная власть, несмотря на то, что государство тюрок делилось на четыре части.[4] Он занимал, следовательно, первенствующее положение.

---

[1] Menander, Fragmenta, 20, p. 228, ed. De Boor I, p. 195.
[2] Ioannes Ephesius, p. 323.
[3] Ibidem.
[4] Menander, Fragmenta, 18, p. 226, ed. De Boor, II, p. 451.

Иоанн Ефесский говорит, что посольство Земарха прибыло лишь к «одному из царей этих народов» и что «есть у них других восемь великих царей», владения которых расположены за его владениями, дальше, глубже, ܠܥܠ, как говорит текст, т. е. далее в северо-восточном направлении, если представить себе путешественников, двигавшихся с запада.

Между тем к моменту посольства Валентина, т. е. по прошествии десятка лет, положение изменилось. Туркcант, сын Дизибула, занимал области в значительно более близком расстоянии от границ Византии. Брат его Тардухан занимал положение главного кагана, и Валентин после Туркcанта направился к нему, к той «Золотой горе», на которой жил еще Дизибул.[1] Вызывающая речь, с которой Туркcант обратился к византийскому послу, имела почву в реальном могуществе тюрок. Туркcант не только грозил завоеванием Боспора, но и, действительно, захватил его в то время, когда Валентин находился еще в тюркских пределах, и смог задержать Валентина на обратном его пути в Константинополь.[2] Об этом периоде истории тюркского каганата в свое время писал Маркварт.[3] Дальнейшая история тюркского каганата выпадает из рамок настоящего исследования не только хронологически, но и потому, что история его уже связана с историей дальневосточных государств.

***

Так, общая картина исторической судьбы среднеазиатских и прикаспийских областей в V и VI вв. приобретает больше отчетливости и ясности.

Помимо того, перед исследователем становится ряд проблем более общего характера.

В этот период, как и в предшествующие, и в течение многих последующих веков для Азии становится во всей остроте вопрос об оседлом и кочевом населении, об отношениях между древними, многовековыми культурными государствами, как Китай, Индия, Иран, и варварами.

Попытки кочевых и полукочевых орд проникнуть на юг, в области оседлой культуры, делаются в этот период на всем протяжении Евразии от границ Небесной империи до Дунайской границы Византии. Родоплеменные союзы и племена, кочевавшие на север от Аму-дарьи, вокруг Аральского моря, по прикаспийскому побережью, постоянно стремились на юг, в плодородные области Передней Азии, где их манили тучные пастбища, хлебные поля и виноградники, неисчислимые богатства городов, центров ремесла и торговли. Смешанные разноплеменные и разноязычные орды объединялись общим именем, как, напр., унну, или гуннов. Включившиеся в эти орды различные этнические элементы не могут быть определены, но среди них несомненно были иранские и тюркские элементы. Среди общей массы были и отличные от них племенные группы, подчас очень многочисленные, благодаря чему возникают имена белых гуннов, как впоследствии аваров и псевдо-аваров.

Завоеватели Средней Азии, областей по северной и северо-восточной границе Ирана столкнулись с древними культурными народами, как согды, хорезмийцы. Последние продолжали свою жизнь культурных оседлых народов под властью сменявшихся орд. Источники дают основания предполагать,

---

[1] Menander, Fragmenta, 43, p. 247, ed. De Boor, I, p. 207.

[2] Menander, Fragmenta, 45, p. 247, 248, ed. De Boor, I, p. 208.

[3] Marquart. Historische Glossen, Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlands, 1898, B. 12, p. 188, 189.

что эти народы пользовались известной самостоятельностью, что, напр., богатая верхушка занимавшихся торговлей согдов имела своего «предстоятеля», на которого возлагались сношения с тюркским каганом, которому они были подвластны. Тюрки, как и эфталиты, вероятно, удовлетворялись податью, не оказывая особенно глубокого воздействия на жизнь находившихся под их властью народов.

Как ни скудны и малочисленны источники этого времени, но и они дают возможность заострить эти проблемы общего характера о формах отношений между оседлыми и кочевыми элементами, о различных этнических элементах и их взаимодействии, о внутренних кризисах варварских, кочевых обществ, которые порождали их передвижение и завоевания.

КАВКАЗ МЕЖДУ ИРАНОМ И ВИЗАНТИЕЙ

ГУННЫ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

В предшествующих главах уже приходилось касаться отдельных эпизодов в борьбе Византии и Ирана с племенами, населявшими северное Предкавказье.

Кавказ и Закавказье представляют собою одну из интереснейших областей для этнологических и лингвистических исследований. Известно, что в ущельях мощной цепи Кавказского хребта и его отрогов застревали и оседали роды и племена народностей, когда-то живших или кочевавших вблизи этих мест. Языковая и этническая пестрота Кавказа является действительно необозримым полем для разысканий, имеющих живые связи с современностью.

Выше дан краткий анализ сирийской хроники, известной под именем Захарии Митиленского или Захарии Ритора. В последней, седьмой главе 12-й книги хроники составитель дал фрагмент из географии Птоломея в сирийском переводе. Он ошибочно приписывает это «описание вселенной» Птоломею Филометру царю Египетскому.[1] В соответствии с этой ошибкой сириец считает, что «писание о народах вселенной составлено, как написано выше, Птоломеем Филометром в 30-м году его царствования, за 150 лет до рождения нашего спасителя. . .»,[2] а не во второй половине II в. н. э., когда, действительно, писал александрийский ученый Клавдий Птоломей. Далее следует добавление, сделанное сирийцем к тексту Птоломея, представляющее выдающийся интерес. Кому следует приписать сирийский перевод и добавление к нему, — тому ли амидийцу, который составил всю сирийскую хронику, известную под именем псевдо-Захарии Митиленского или какому другому ученому сирийцу, трудом которого воспользовался компилятор, — сказать трудно. Последняя, седьмая глава, в последней же 12-й книге обрывается, не имея конца. Возражений против того, что она принадлежит самому компилятору, нет, так как обычно он сообщает о своих источниках и, вероятно, сделал бы это и в этом случае. Вопрос об авторе этой главы не имеет особой остроты еще и потому, что источник ее — устная традиция, а самая глава датирована, что и является самым важным для данного материала указанием. Мотивом автора для того, чтобы дополнить сообщения Птоломея, служит большая их давность, так как он считает, что от третьего года царствования Птоломея, или 150 г. до н. э., прошло 711 лет (следовательно, он писал в 561 г.). Но он добавляет еще следующие хронологические данные: «28-й год царствования Юстиниана» и 866 г. селевкидского счисления, так как он пишет, что от времени Птоломея, принятого им ошибочно, как 150 г. до н. э., прошло «до нашего

---

[1] Zacharias Rhetor, 2, p. 202, CSCO, Series III, t. VI, f. 2.
[2] Zacharias Rhetor, p. 213.

времени, до года 28-го царствования Юстиниана, сидящего царем в наши дни, года 866 Александа, 333 олимпиады — 711 лет».[1] Следуя примеру своих предшественников, автор сосредоточил свое внимание на подсчете городов. Строительство городов отмечается как развитие жизни «народов вселенной», поэтому он и восклицает дальше: «Сколько же городов за время от Птоломея до наших дней построено и добавлено у всех народов во вселенной! . . .» Особенно оживленным он считает это строительство с наступлением новой эры.

Даты способствуют абсолютному уточнению года, когда составлял свое дополнение автор, и можно с полной уверенностью указать на 555 г. н. э. Как «28-й год царствования Юстиниана», так и «866-й год Александра», т. е. селевкидского счисления, падают именно на этот год. Юстиниан воцарился в 527 г., следовательно, 28-й год падает на 555 г. Что касается эры селевкидов, то 866-й г. (866 — 311 = 555) соответствует тому же году; таким образом, дата не может вызывать сомнения. Ошибка в исчислении времени от начала новой эры (561 г.) могла возникнуть легко, так как это было летосчисление, не вошедшее в обиход и редко применявшееся на востоке.

В связи с тем, что автор считает с первых строк Армению расположенной в «северной стороне», можно предположить, что его местопребыванием была Месопотамия, в части, принадлежавшей Византии; в частности, нет особых возражений против того, чтобы он был жителем Амида, на что указывает ряд мест хроники.

После упомянутых в географии Птоломея «сарматов, скифов и серикoв» сириец дополняет еще «пять народов», выделенных им в особую группу, так как занимаемые ими области он называет «землей». В его представлении «земля» (ܐܪܥܐ) есть страна, область, государственная единица, имеющая некоторое известное ему, определенное географическое положение. В других случаях, когда он не имеет в виду этих границ, напр. в отношении племен, живших в «гуннских пределах», он говорит только как об этнических единицах, называя их «народами». В качестве народов кочевых, «живущих в палатках», они могли и не иметь определенных географически четких границ. Выделяя в особую группу пять народов, живущих на «север» от автора, он прежде всего называет Армению, подразумевая под ней Персидскую Армению. Центром армян он считает город Двин, «в котором живет католикос».[2] Следующей названа «Гурзан — также земля», следовательно, большая область или государственная единица, в которой без всякого сомнения следует видеть Грузию. Совершенно то же сообщается относительно «земли Аран», в которой следует видеть область восточной Армении, или Албании.[3] Аран находился в зависимости от персидского великого царя царей, которому подчинялся малый царь, «царек», malkona, этой «земли». Аран, как и Гурзан, определяется как область, находящаяся «в Армении», иначе говоря, мыслится как область, хотя и автономная, но входящая в ее состав. Замечательно, что это еще одно свидетельство в пользу того, чтобы видеть родину арийцев (Аран) на Кавказе и связать с ними происхождение ряда кавказских народов. Аран имеет «язык». Наш автор хочет этим сказать, что в Аране был свой особый язык, не сходный с языком

---

[1] Zacharias Rhetor, p. 213.

[2] В настоящее время на месте, где находился город Двин, деятельно ведутся раскопки.

[3] Land. Aardrijkskundige Fragmenten vit de Syrische Literatur. Verslagen en Mededeelingen der Akademie, 3 Reeks, 3 Deel, Amsterdam, 1887, p. 184. — Hommel. Ethnologie und Geographie des Alten Orients. München, 1926, p. 208.

других народов, им названных; следовательно, несмотря на сильное армянское влияние, в половине VI в. эта область сохраняла еще родное наречие. Гурзан также имеет свой язык, который охарактеризован как «подобный греческому». Четвертое место в перечне народов Закавказья уделено «земле Сисган», известной и по другим источникам как область Армении, обычно Сиуник.[1] О ней сообщается еще, что в ней живут также «и язычники». Наконец, «земля Базгун со (своим) языком, что примыкает и простирается до Каспийских ворот и моря, которые (находятся) в пределах гуннских (ܫܥܪ̈ܐ ܕܒܪ ܝܡܐ)», после которой источник переходит к перечню народов, живущих «за воротами». Что под Каспийскими воротами подразумевается проход у Дербента, нет сомнения, так как в тексте отнюдь нет противоположения «от» и «до», а предполагается, что за пределами Сисгана начинается земля Базгун, которая простирается до Каспийского прохода и моря. У более древних писателей, повидимому, существовали смешение и неправильное применение названия Каспийских ворот к Дарьяльскому ущелью, о чем говорит уже Плиний Старший. Вопрос об этих проходах имеет исключительное значение для истории всего древнего и средневекового периода. В данном же случае едва ли возможно видеть в Каспийских воротах Дарьяльское ущелье, а в «море» — Черное море как западную границу Базгун. Как ни соблазнительно стремление Маркварта сблизить имя Базгун с именем народа Ἀβασγοί, под которыми можно подразумевать не только абхазцев, но и все Лазское царство, Мингрелию, Сванетию, все же приходится отказаться отнести эту «землю» на Западный Кавказ.[2] Сирийский текст не допускает такого чтения, чтобы последняя часть фразы: «которые (находятся) в пределах гуннских», была отнесена не к Каспийским воротам и морю, а к последующему перечню народов. Поэтому возможно только одно понимание текста, по которому и Каспийские ворота и море определяются как находящиеся в «гуннских пределах». О Черном море это никак не могло быть сказано. Таким образом, если имя Базгун и отвечает имени абазгов, во всяком случае их нельзя искать в VI в. у побережья Черного моря. Их местонахождение в восточной части Закавказья до Дербентского прохода не противоречит и свидетельству Масуди, считавшего их соседями аланов и грузин, «мощного народа Gurz». В северо-западном направлении Базгун мог примыкать к грузинским границам, а с севера от Дербентского ущелья жили аланы. Только отсутствие знакомства с подлинником, свободное обращение с текстом могли привести к несоответствующим предположениям.

Вслед за «землями» Закавказья сирийский источник переходит к перечислению народов, живущих «за воротами». Из них прежде всего названы бургары, давно известное видоизменение имени булгар. Для истории гунно-булгаро-славянских нападений на Балканский полуостров, для образования государства Волжских булгар такое раннее и точно датированное свидетельство особенно ценно. Ближайшими соседями булгар являются аланы, причем про первых суммарно говорится, что «у них есть города», аланам же приписывается пять городов. Характеризуются бургары как народ «языческий и варварский». К этой группе народов варварских, не имеющих города или крепости, принадлежат и люди «из пределов Даду» (ܕܕܘ), которые «живут в городах, у них есть крепости». Область народа Δαδοί, то что сириец называет Бет-даду — это Дагестан, «горная страна»,

[1] Marquart. Eranšahr. . ., p. 120, 121.
[2] Marquart. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge, p. 174.

сопоставление не вызывающее никаких сомнений.[1] Наличие крепостей в Дагестане еще в VI в. вполне отвечает исторической действительности, так как от кочевых народов было необходимо защищаться. Самый факт говорит об относительно оседлом образе жизни и более высоком уровне культуры людей Бет-даду, чем у кочевых народов.

Далее следует перечисление тринадцати народов, охарактеризованных не только как варварские, но и как народы кочевые, живущие в палатках. Девять имен из тринадцати имеют общий тип окончания на ар, ур, ир и представляют, несомненно, видоизменения одного общего корня, с различными приставками, как бур-гар, ау-гар, кутар-гар, или ауан-гур, сирургур, и т. п. Имена эти: ауангур, аугар, сабир, бургар, кутаргар, авар, хазар, дирмар, сирургур. Часть из них можно с уверенностью идентифицировать с именем племен, известных из греческих источников. Так, сабиры упоминаются неоднократно в середине VI в.; они сражаются то в стороне от персов, то на стороне «ромеев» — Византии.[2] Приск Панийский сообщает о посольстве племен сарагур, урогов и оногуров в Константинополь.[3] В первом имени можно узнать сирургур, в третьем имени — ауангур сирийского источника. Возможно, что сирийские аугар можно прочесть и уйгар или уйгур. Имена бургар и кутаргар, как бургар, булгар, кутигур, известны по ряду других источников.[4] Авар и хазар, конечно, авары и хазары, которые здесь упоминаются, как родовые племена, еще не были известны как грозные орды, устрашавшие Восточно-Римскую империю. Это одно из первых упоминаний имени хазар в чистом его виде, так как предшествующие греческие писатели упоминают только акацир. Как известно, по-тюркски ак-хазир значит белый хазар. Относительно остальных имен, если сейчас нельзя подыскать им эквивалентов в свидетельствах других источников, то во всяком случае нет сомнения, что это родо-племенные названия орд, двигавшихся с гуннскими народами.

Таковы имена баграсик и кулас, десятого и одиннадцатого народов в перечне.[5] Последние два имени абдел и эфталит известны как имена так называемых «белых гуннов». Материалы относительно последних на сирийском языке настолько богаты, что без них история этих народов и государств не может быть восстановлена.

Сирийский источник говорит о перечисленных им народах: «эти 13 народов живут в палатках, существуют мясом скота и рыб, дикими зверьми и оружием».[6]

Сначала автор думал охарактеризовать каждое из племен, так как об ауангурах (первый из перечисленных народов) он говорит: «народ, живущий в палатках», но далее он перечисляет все остальные двенадцать народов и дает им общую характеристику. Повидимому, об этих племенах он не мог дать сведений, которые бы отличали их друг от друга. На форме его определения жизни этих народов сказались слова, приведенные в хронике в качестве обращения гуннов к Византии. Там они называют себя «людьми-варварами» и сообщают, что «подкрепляются они мясной пищей» и живут оружием — сведения, которые автор тут повторил. Косвенно это

---

[1] Land, op. cit., p. 182.
[2] Ioannes Malalas. Chronicon, cap. 16, Bonn, 1831, p. 406.
[3] Excerpta de legationibus, ed. De Boor. Berolini, II, 1903, p. 586.
[4] В. Н. Златарски, История на първото българско царство, ч. I. София, 1918, p. 72—84.
[5] Land (op. cit., p. 184) относит их к урало-алтайским народам.
[6] Zacharias Rhetor, p. 215.

еще одно доказательство, что это дополнение к географии Птоломея могло быть написано самим составителем этой хроники.

«Вглубь от них (от 13 народов живет) народ амазарты и люди-псы, на запад и на север от них амазониды, женщины с одной грудью, они живут сами по себе и воюют с оружием и на конях». Наличие легендарных элементов в тексте несомненно. Таково упоминание амазонок и людей-псов, которые повторяют сказочные рассказы греков. Геродот называет последних Κύνητες или Κυνήσιοι.[1] В имени амазартов представляется возможным видеть карликов, людей длиной в локоть ast-zarte.[2] Вслед за сказкой об амазонках говорится: «соседний же с ними народ Ерос, мужчины с огромными конечностями, у которых нет оружия и которых не могут носить кони из-за их конечностей».[3] Если сириец привел это имя, не осмысливая, то возможно, что оно происходит от имени бога войны Ареса.[4] Другое предположение — что это фантастическое название значит герои — Ἥρωες. Впрочем, если бы это было справедливо, то сириец мог бы перевести их имя, назвав их ܓܒܪܐ герои.[5]

На этом наш источник не исчерпан. Дальше он сообщает очень интересные подробности относительно того, что «у гуннов лет 20 тому назад или больше вышло писание на их языке», иначе говоря, сообщает о возникновении письменности у гуннов. Незатейливый, но четкий рассказ дает возможность установить, что источником автора для его сообщений о народах были устное предание, сообщения лиц, побывавших в гуннских пределах. Из этого же рассказа можно почерпнуть материал для некоторой общественно-экономической характеристики тех племен и народов, которых автор суммарно называет гуннами.

Хотя сирийский Захария и указывает на свой источник, лишь приступая к сообщению о появлении письменности у гуннов, но несомненно из этого источника он почерпнул и предшествующее. Лет за пятьдесят «или больше» до того времени, как писал автор, два жителя Амида были уведены в персидский плен. Так как это было при шахе Каваде, очевидно, это случилось во время взятия Амида в январе 503 г. н. э. Один из этих людей был Фома (Томас) кожевник (ܬܘܡܐ βυρσεύς), другой — Иоханан из Решайны, живший в монастыре Бет-Айсхакуни около Амида. Их увели в Иран, там они были перепроданы в качестве рабов гуннам и «отправились из пределов персидских в гуннские, прошли за ворота и оставались в их земле больше 30 лет, взяли жен и породили там детей. Они вернулись в настоящее время и рассказали нам живыми словами следующее».[6] Если автор писал в 555 г., то он совершенно правильно считал, что увод их в плен состоялся за пятьдесят лет или несколько ранее этого времени. Фома кожевник и Иоханан из Решайны сообщили, что из Арана, т. е. из Албании в «гуннские пределы», где они находились в плену, пришел епископ с четырьмя другими лицами. «Они не вошли в ворота, но были проведены через горы».[7] Таким образом, пленники знали дорогу «через ворота», которой их вели, но, кроме того, местным людям была знакома и другая до-

[1] Herodoti historiarum libri IX. Ed. Kallenberg. Lipsiae, 1894, IV, 49, p. 342; II, 33, p. 142.

[2] Ahrens-Krüger. Zacharias Rhetor, p. 382. — Marquart. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge, p. 356.

[3] Zacharias Rethor, p. 215.

[4] Land, op. cit., p. 184.

[5] Marquart. Osteuropäische und ostasiatishe Streifzüge, p. 359, 360.

[6] Zacharias Rhetor, p. 215.

[7] Zacharias Rhetor, p. 216.

рога — «через горы». Бургары населяли прикаспийские области Кавказа, севернее их находились аланы. Если сюда должны были пройти пленные из Ирана и люди, жившие на среднем течении Куры, значительно ниже Тбилиси, то вполне понятно, что ближайший для них проход был около Дербента, вблизи Каспийского моря. Отсюда понятно и то, что сообщения сирийского Захарии касаются областей Кавказа Восточного, а не Западного. Так, кроме Гурзана, Грузии, занимающей центральное положение на перешейке, он упоминает Сисган и Аран, а затем Базгун, о положении которого он говорит с большой точностью, несомненно за счет того, что пленники сами проходили по этой области. В свете сообщения хроники приходится придавать особое значение тому перечислению племенных названий гуннов и родственных народов, которые делает автор. Он дает эти наименования на основании достоверных сведений от лиц, живших в «гуннских пределах». В таком случае понятно, что они гораздо меньше или вовсе ничего не могли сообщить о западной части Кавказа, которая была сравнительно лучше известна греческим авторам, как Лазское государство, в состав которого входила, вероятно, и Мингрелия. Сирийская хроника дает не только интересные данные, но и необходимую исследователям уверенность в их достоверности.

Рассказ амидских пленников незатейлив, но он дает возможность охарактеризовать общественные и экономические отношения у этих гуннских племен.

Прежде всего можно отметить, что кочевые и полукочевые орды, о которых идет речь, переходили к новой форме относительно оседлого образа жизни. Большое количество имен племен говорит о том, что они еще только переходили к формам жизни союза племен, становившимся военным союзом. Обращает на себя внимание тот факт, что гунны покупали рабов. Когда в 502 г. персидский царь Кавад подготовлял коалицию против Византии, он обещал вознаградить гуннов-эфталитов из добычи, в которую, конечно, входили и рабы-военнопленные. В этом случае мы имеем дело со сложившимся государством, в системе которого было место и для рабов, тогда как в сообщении сирийского Захарии речь идет о «варварском», полукочевом народе, населявшем Предкавказье. Здесь важно отметить еще и то, что эти пленные не просто были уведены данным гуннским племенем с поля брани, а что они были куплены или «перекуплены» ܒܙܒ ܙܒܢܘܬܐ. В качестве рабов они оставались жителями в гуннской земле, куда они были проведены «через ворота». Факт покупки рабов — факт исключительной важности, так как он говорит о потребности в рабочей силе в новых условиях жизни союза племен. Эта потребность проще всего удовлетворялась войной, как на это указывает Энгельс: «военнопленных стали обращать в рабов».[1] Рабство было новым фактором в жизни этих племен. Те гуннские орды, которые описаны Приском Панийским, не занимаются земледелием и в этом отношении они противопоставлены готам, которые «сидят на земле».[2] Жизнь племен, где находились амидские пленники, несомненно была полукочевой или кочевой. Эти народы живут «в палатках», в их земле нельзя найти «покойного местопребывания» ܟܐܬܐ ܕܢܝܚܐ ܠܝܬ. Переход к полуоседлой жизни, усложнение ее по мере образования новой формы племенного объединения и дифференциации труда требовали рабочей силы рабов. Последние женились, приживали детей, что было

[1] Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XVI, ч. I, стр. 137.

[2] Excerpta de legationibus, t. II, p. 589.

естественным распространением рабства. Существенна и другая подробность. Варварские племена охотно обращались Византией в федератов или образовывали часть войск, служивших оплотом империи против их же единоплеменников. Хроника сообщает о том, что византийский посол «Пробос пришел с посольством от императора, чтобы купить из них воинов для войны с народами».[1] Это было способом привлекать на военную службу варварские племена и народы. Воинов вербовали, оплачивали их на определенных условиях и так поступали как Византия, так и Иран. У Византии были в ходу и мирные способы привлечения варваров; к числу таковых принадлежала христианизация. Этим объясняется то особое внимание, которое было оказано официальным византийским послом клирикам, действовавшим среди гуннов, несмотря на то, что клирики эти пришли из Арана, области Албании, находившейся под властью персидских царей. Стремление высших клерикальных слоев и в Византии и в Иране обращать и приобретать таким путем новых людей, новые области вполне понятно. Они выполняли функции государственного порядка, покоряли мирным путем племена, но несомненно этим путем расширялась и материальная база высших чинов клира. Выходцы из Албании — Кардост и его спутники — были приведены в гуннские пределы ради византийских пленников, бывших уже в плену около тридцати лет, и их могла направить сюда рука Византии. Расположить племена в пользу последней можно было целым рядом культурных мероприятий, о которых сообщает и сирийский источник.

Первым из пришлых клириков был епископ Арана Кардост с несколькими людьми, которых через четырнадцать лет сменил клирик из Армении по имени Макар. Для народов, находившихся еще на стадии варварства, эти люди стали вводить ряд культурных новшеств. Их деятельность была оценена Византией, как полезная, поэтому из ближайших, подвластных ей городов, вероятно, из Причерноморья, было послано тринадцать мулов, нагруженных продуктами. Это было то, чего нельзя было найти в гуннском кочевье,— пшеница, вино, масло, лен, плоды. Помощь эта была оказана еще Кардосту, с которым встретился Пробос.[2] Сменивший первого Макар еще тщательнее приготовился к условиям новой жизни. Он не только прибыл сам, но позаботился захватить с собою насаждения и семена. На постройке храма он применил до того времени неизвестный для гуннов способ кладки из кирпичей. Для постройки каменного здания, очевидно, надо было иметь с собою людей, которые могли руководить как самым строительством, так и подготовкой материала.[3] Не менее важно было и то, что Макар «насадил растения и посеял различные семена». Эти факты производили впечатление на «властителей (غلبے) этих народов; они удивились и обрадовались мужам, почтили их и каждый звал их в свою сторону, к своему народу и просил, чтобы они были ему (народу) учителями».[4] Так как это сообщение следует непосредственно за сообщением о строительстве и насаждениях, то, конечно, это и было тем «новым», что поразило господствующий слой этих племен.

Исключительный интерес имеют данные о введении письменности у гуннов. О Кардосте и бывших с ним «мужах» говорится, что они обучали некоторых «из гуннов». Тогда же, очевидно, происходило усвоение пришельцами гуннского языка. «Они оставались там 7 лет (буквально: «неделю лет»)

[1] Zacharias Rhetor, p. 216.
[2] Zacharias Rhetor, p. 216.
[3] Zacharias Rhetor, p. 217.
[4] Zacharias Rhetor, p. 217.

и выпустили там писание на гуннском языке». Если приход Кардоста относится к 537 г., через тридцать четыре года после захвата пленников в Амиде в 503 г., то, следовательно, на освоение языка и на перевод ушло еще семь лет, и около 544 г. «писание вышло». Относительно языка перевода сомнений не возникает — это гуннский язык; что же касается письменности, знаков, которые были в употреблении, можно только высказать догадки. В 568 г. в Константинополь тюрки принесли ханскую грамоту, которая представляет собою τὸ γράμμα τὸ Σκυθικόν.[1] Весьма вероятно, что и гуннское и тюркское письмо, которое названо скифским, было письмо согдо-манихейское или согдийское. Основанием для этого предположения является следующее. Гунны пришли в своем поступательном движении в области, населенные согдами, где они могли ознакомиться с этим типом письма. С другой стороны, Кардост, пришедший из Арана, принадлежал к области, населенной арийцами и, возможно, говорившей на одном из иранских наречий, в таком случае и знакомство его с согдийской письменностью не может быть удивительным. Во всяком случае это только высказанное предположение, пока, однако, не имеющее доводов против. Много оснований предполагать, что гунны, с которыми имели дело Кардост и Макар, были гунны-сабиры. Византийские писатели дают многочисленные указания на «гуннов, называемых сабирами». В середине VI в. они сражаются то на стороне персов, то на стороне ромеев; их количество исчисляется около ста тысяч человек. Прорвавшись через Каспийские ворота, они произвели нападения на византийские области.[2]

Так, анализ этого небольшого фрагмента сирийского источника дает возможность внести новый ценный материал в историю народов Кавказа. Эти данные дают возможность уточнить географическое распределение племен и народов и дать новое определение формам их общественно-экономической жизни.

К тому же времени, к середине VI в., относится другое известие о принятии христианства некоторыми гуннами. В сочинении псевдо-Дионисия Телльмахрского, содержащем вторую часть «Истории» Иоанна Ефесского, к 534 г. отнесен следующий рассказ. «Прибыл Гордий, царь гуннов, с большим войском в столицу. От крещения его восприял Юстиниан. Он почтил его и дал ему много подарков и (Гордий) отправился и пошел в свою землю. Когда он прибыл в свою землю, он нашел своего брата, которого он поставил над войсками, сообщил ему о своем христианстве, показал ему дары и подношения ромейского царя и удивил его. (Гордий) взял идолов из серебра и золота, которых они почитали, так как он верил, что един истинный бог, а что эти идолы пусты и что они не боги, то он разбил и послал их в город Боспор, чтобы их обратили в монету. Когда брат его и все войско увидели это, то они вместе со жрецами этих идолов разгневались, устроили заговор и убили его и, боясь ромейского царя, ушли в другую землю».[3]

Хронографу Феофана эти факты известны, причем он добавляет, что Гордий после крещения был послан «в свою собственную землю» императором Юстинианом, для того чтобы «оберегать ромейские пределы и город

---

[1] Menander, Fragmenta, 18; t. IV, p. 226, ed. De Boor, II, p. 451.

[2] Theophanes, Chronographia, ed. de Boor, p. 161, 162. — Iohannes Malalas. Chronicon, cap. 16. Bonn, 1831, p. 406. — Georgius Cedrenus. Bonn, t. I, p. 644.

[3] Chronicon anonymum pseudo-Dionysianum vulgo dictum. Ed. Chabot, CSCO, Scriptores Syri, ser. III, t. II; Chronicon, vol. II, p. 53, 54.

Боспор».[1] Гордий, следовательно, должен был выполнять прямую задачу, которую ставила себе империя, христианизуя варваров. Брат Гордия (у Малалы его имя Грод) [2] Муагер убил его, а затем напал на Боспор, где расправился с трибуном Далмацием и стратиотами. Трибун был послан в Боспор Юстинианом специально для того, чтобы собирать с гуннов дань, которую они выплачивали быками.[3] Из Константинополя было отдано, распоряжение, и ипатий Иоанн двинулся против гуннов морем; к нему присоединились стратиг Бадурий и Годил из Одессы. [4] Гунны бежали, и в Боспоре наступил покой.

Таким образом, гунны рассчитались со своим царем за слишком смелую попытку перейти в христианство и стать в положение, зависимое от Византии. Несомненно, большую роль сыграли и жрецы, потеря влияния для которых была равносильна смерти; отсюда понятно их решительное сопротивление. Что касается имени Грод, как его передает Малала, то оно может быть славянским именем. Возможно, что славяне составляли часть орд, известных под именем гуннских.

Гуннские племена, о которых шла речь, располагались, следовательно, близ Боспора и занимали часть Северного Кавказа между Черным и Каспийским морями и дальше на восток за пределы Средней Азии.

АРМЕНИЯ В ВОССТАНИИ 570-х ГОДОВ

Армения в течение нескольких столетий находилась в тесной экономической и культурной связи с сирийцами. Как и последние, Армения оказалась между Ираном и Византией, в подчинении у одного, под протекторатом другой, в вечном стремлении соединить в одно целое разобщенные части страны, чтобы вновь стать единым и самостоятельным государством.

Верхи раннефеодального общества Персидской Армении неоднократно поднимали знамя восстания и в V и в VI вв. Поддержку они находили в Константинополе, где всякая возможность досадить и ослабить Иран казалась желанной.

Сирийский историк Иоанн Ефесский, характеристика которого дана выше, оставил в своем сочинении страницы, представляющие исключительный интерес для истории восстания в Персидской Армении в 571 г. Автор относился к восставшим с нескрываемой симпатией, так как монофизитство, ярым сторонником которого он был, явилось той формой христианства, которая имела самое широкое распространение в Армении. Следствием специфически клерикальных интересов Иоанна является то, что он выдвигает на первый план, в качестве мотивов восстания, религиозные моменты. Нет сомнения, однако, что христианство в среде знатных, в высших слоях общества, среди видных представителей клира было не только исповедуемой религией, но и как бы некоторой их особенностью, объединявшей их между собою. Религия их обособляла и противопоставляла персам. Сасанидское государство, со своей стороны, считало приобщение своих подданных в их высших слоях к идеологии, господствовавшей в Иране, к зороастризму желательным, а связь с разделявшими эту идеологию слоями особенно прочной. Отсюда и попытки заставить нахараров Армении принять зороастризм.

---

[1] Theophanes. Chronographia, p. 175.
[2] Ioannes Malalas. Chronographia, p. 431.
[3] Theophanes. Chronographia, p. 175, 176.
[4] Ioannes Malalas. Chronographia, p. 432.

Несмотря на то, что Иоанн Ефесский, — труд которого основной, наиболее подробный и современный этим событиям источник, — причиной восстания считает принудительные меры, принятые иранским правительством для того, чтобы заставить армян обратиться к зороастризму, в действительности причины восстания были другие. Это совершенно очевидно из сообщений того же сирийского историка.

Сведения, которыми располагал Иоанн Ефесский, были им получены от непосредственных участников событий, так как он говорит, что слыхал все это от «католикоса великого города Довина (Двина) в Великой Армении персидской», который прибыл в Константинополь с «прочими епископами» (кн. 2, гл. 18). Отсюда в значительной степени может быть объяснена и специфически клерикальная информация Иоанна. Если внешним поводом восстания был протест против построения храма огня в Двине, то причиной протеста было в общем неудовольствие верхушки нахарарского общества господством Ирана. Высшие клирики, каталикос, епископы, настоятели монастырей были крупными землевладельцами, принимавшими участие в местном управлении и пользовавшимися влиянием при сасанидском дворе; они не были расположены терять преимущества своего экономического положения и всяких привилегий. Из рассказа Иоанна (кн. 2, гл. 20) очевидно, что инициатива протеста и восстания принадлежала католикосу, который «послал (сообщить) во все места, всем жителям области» о намерении марзбана построить храм огня. Собрались по его призыву «богатые» и «главы», иначе говоря, верхушка общества Армении. Они и организовали восстание, собрав около двадцати тысяч войска, что было для них возможно как для крупных землевладельцев, распоряжавшихся собственными военными отрядами. То, что еще до восстания они связались с Византией, действовали при ее поддержке и с ее одобрения, видно из того, что голова убитого ими марзбана была послана «патрикию Юстиниану, жившему в то время на границе, в городе Феодосиополе». В дальнейшем участие Византии еще более очевидно. В «трудной войне» с персами в первое время перевес оказался на стороне Армении. Иранские войска были разбиты, а Армения «поддалась», объявила себя под протекторатом Византии. Это отвечало интересам Константинополя, который приобретал как новых союзников для борьбы с Ираном, так и новые территории. Представители Армении были приняты в византийской столице «с великой честью и получили царские подношения и подарки». В числе прибывших Иоанн Ефесский называет католикоса, епископов, некоторых «из знатных» и «свободных». Словом «свободных» (в точном переводе — «сынами свободных») он, вероятно, передает персидский термин «азат»; следовательно, это были представители нахараров Армении. Прибывшим в Константинополь были даны «большие чины» и вообще их «весьма почитали»; кроме того, их хорошо устроили, так как они получили «крепкие, царские дворы» и «богатые дома». Все это делалось с целью установить контакт с господствующим классом Персидской Армении. Для облегчения положения всего населения этой присоединенной области подати с нее были сняты на три года. Кроме того, и оставшимся в Армении были предоставлены «чины», было «послано много золота», и тем, кто находился в Константинополе, было «приказано», чтобы они оказывали помощь тем, кто сражается «. . . из-за них и из-за всей армянской земли с персами».

Дальнейшая история восстания описана сирийским историком вкратце. Датой подчинения Персидской Армении Византии он считает 880 г. по селевкидскому летосчислению, следовательно, 569 г., но эту ошибочную дату он в дальнейшем изложении изменяет. Война длилась в течение

шести лет, но затем «усилился перс, взял и захватил всю Армению», после чего начались длительные переговоры между Ираном и Византией, «чтобы выяснить события, происшедшие между обоими государствами, а также договориться относительно мира».

В шестой, последней части своего труда Иоанн Ефесский вновь возвращается к событиям 571 г. и последующих годов. На этот раз он датирует соглашение армянских нахараров с Византией 882 г. эры Александра, следовательно, 571 г. Дополнительно он дает для этого события дату пятого года царствования императора Юстина (565—578 гг.) (кн. 6, гл. 11), следовательно, тот же 570/1 г. Он с большими подробностями сообщает о переговорах между Византией и Ираном, из которых выясняется много характерных для этого времени черт.

Вообще Иоанн сообщил только «немногое из многого», ему известного об этих событиях. Тем не менее его рассказ имеет совершенно исключительное значение для истории Армении в семидесятых годах VI в., тем более, что Иоанн передает сведения, полученные им из первых рук, от непосредственных участников событий, от самого католикоса Двина, от знатных и епископов, с которыми он сам встретился в столице.

Русский перевод сирийского текста Иоанна дает возможность специалистам по-новому пересмотреть историю восстаний в Персидской Армении, так как этот первоклассный источник может помочь проверить и дать соответствующий анализ сохранившимся армянским источникам.

АВАРЫ И СКЛАВЕНЫ

Разрешение вопроса — откуда у Иоанна Ефесского в третьей части «Истории» взялись сообщения об аварах и склавенах — имеет важное значение для привлечения этих сообщений в качестве источника. Иоанн в предисловии к третьей части своей «Истории» писал, что для этой части он не пользовался письменными источниками, что это его воспоминания. Помимо того, в различных местах этой части его сочинения встречаются главы, написанные в первом лице, так как он был сам свидетелем сообщаемых им фактов. В такой связи его данные об аварах и склавенах имеют несомненную ценность и представляют выдающийся интерес. Конец третьей части сочинения Иоанна, как известно, не сохранился. Но в XII в. составитель большого исторического труда, Михаил Сириец, имел возможность переписать и использовать его труд полностью.[1] Отсюда и могут быть извлечены некоторые недостающие части труда Иоанна Ефесского.

Еще в начале VI в. славяне делали одно нападение за другим на границы Восточно-Римской империи. К 580 г. они распоряжались на Балканском полуострове, и все внимание Византии было сосредоточено на том, чтобы дать должный отпор варварам. В эпоху Анастасия на северной границе Византийской империи появился этот новый враг — славяне, известные для этого времени преимущественно под именем гетов. При Анастасии, в 512 г., была построена так называемая Долгая стена на протяжении около 85 км, которая должна была служить защитой столице. Она тянулась в 40 км от Константинополя — от Мраморного к Черному морю, обращая столицу «из полуострова в малый остров».[2] В 517 г. славяне совершили нашествие на Балканский полуостров, взяли множество пленных, проявляя страшную жестокость. Больше чем пятью годами раньше герулы перешли на правый берег Дуная и стремились занять положение между гепидами и лангобардами.[3] Славяне огнем и мечом разорили Македонию, Фессалию, продвинулись на юг до Фермопил, а на запад прошли в старый Эпир.

Сирмий с 504 г. находился под властью готов, земли на запад от него давно были отторгнуты от империи и находились в руках германцев. По Дунаю у Византии сохранялся целый ряд мелких и крупных крепостей, но удерживать эту границу становилось все труднее.[4]

Во Фракии — Европе, где тянулась Долгая стена Анастасия, население состояло в значительной степени из варваров, готов, гуннов и др. Извест-

---

[1] Михаил Сириец был патриархом яковитов (монофизитов) в Антиохии с 1166 по 1199 г.

[2] Evagrius, 3, 38, p. 136 — Ю. Кулаковский. История Византии, т. I, Киев, 1910, стр. 469.

[3] Ю. Кулаковский, ук. соч., т. I, стр. 46—471.

[4] Ю. Кулаковский, ук. соч., т. II, стр. 211.

ную роль играли и герулы. Это был воинственный народ, с трудом воспринимавший культуру. В первый год Юстиниана царь герулов принял крещение. Это была новая попытка сближения с Византией, но в большинстве своем герулы были арианами, позаимствовав арианство у родственных им готов. За Дунаем на верхней Саве и Тиссе жили гепиды, которые после кровавых столкновений с Византией в 539 г. завладели Сирмием и переправились через Дунай. Гепиды и лангобарды вели между собою длительные войны, с переменным счастьем, в которых иногда принимали участие и герулы, причем все три народа находились в сношениях с Константинополем, который то платил им за охрану границы, то лишал своих подарков и держал их своей дипломатией в постоянном напряжении.

По соседству с гепидами находились славяне, населяя левый берег Дуная, до самого устья. Прокопий делит славян на антов Ἄνται — восточную ветвь и склавенов (Σκλαβηνοί), под которыми он разумеет западную ветвь. Сведения его о жизни славян не отличаются подробностями, но замечательно, что, по его сообщениям, живут они мелкими поселками, в избах, разбитые на множество племен, не имея общей власти, часто воюя между собою, и, лишь изредка сговариваясь, нападают на византийские области.[1] Из слов Прокопия очевидно, что у славян было первобытное общество, где формы государственности лишь начинали складываться. Предпринимавшиеся ими набеги и захват множества военнопленных, которых они брали несомненно с целью обращения в рабов, указывают на то, что такие формы эксплоатации труда уже находили себе место. Стоит вспомнить, что в государстве Аттилы, объединявшем разные народы, которые представляли собою как бы субстрат и, часть которых возможно, являлась славянами, уже засвидетельствованы формы рабства. Грабеж на дорогах, захват военнопленных рабов, которые доставляли им доход благодаря выкупу, — это способы примитивного обогащения и использования труда, необходимого в условиях их жизни. Отсутствие царя или верховной власти затрудняло переговоры с ними; так, напр., в 545 г. они так и не удались. В 547 г. они разграбили Иллирик, двумя годами позже три тысячи славян переходят Гебр (Марицу), чтобы двинуться частью в Иллирик, частью в Константинополь. В 550 г. славяне перешли Дунай, продвинулись до Наисса, перезимовали в Далмации и прошли затем до Адрианополя. Чтобы справиться с ними, потребовалось большое напряжение византийских войск.

В течение некоторого периода славяне производят набеги на византийские пределы в составе гуннских орд. Уже приходилось выше говорить о том, сколько имен и в каком хаотическом виде эти имена даются отдельным гуннским племенам: сабиры, утургуры, кутургуры, которые охватывали и болгар. Между утургурами и кутургурами существовало соперничество за милости Византии. Торговый обмен с империей утургуров в значительной степени велся на меха; возможно, что это были соболиные шкурки.[2] О нападении болгар хроника комита Марцеллина говорит в 530 и 535 гг.[3] Мощный набег гуннов зафиксирован византийским историографом в 540 г.,[4] когда они большими массами переправились через Дунай и разгромили множество укреплений Балканского полуострова. Не менее жестоко было нападение кутургуров на византийские земли за Дунаем.

---

[1] Procopius. De bello gothico, III, 14, ed. Hawry, II, 354. — Ю. Кулаковский, ук. соч., т. II, стр. 218.

[2] Iordan, Get. 37. — Ю. Кулаковский, ук. соч., т. II, стр. 223.

[3] Marcellini comitis Chronicon. Chronica minora, II, 103.

[4] Procopius. De bello persico, II, 4.

Юстиниан натравил на них хана утургуров Сандильха, который со своими войсками жестоко разграбил землю кутургуров в их отсутствие. Это помогло избавиться Византии от врагов. Но в 551 г. около Филиппополя Нарсесу, двигавшемуся в поход в Италию, пришлось разбить гуннов. В 559 г. гунны-кутургуры с царем Заберганом, завидуя тому, что получили утургуры с Сандильхом, совершили набег, имея в составе своего войска и славян. Они грозили столице, пройдя за Долгую стену, в то время как другой отряд с суши и с моря нападал на Херсонес.[1] Правительство Юстиниана действовало и оружием, но чаще приходилось прибегать к денежным дотациям, которые еще чаще давались при Юстине.

Иоанн Ефесский, современник императора Тиверия II (578—582 гг.), говорит о бедственном положении империи в то время и о том, что еще при жизни Юстина Тиверий, будучи кесарем и выполняя роль соправителя, вынужден был сам вести войны, «происходившие со всех сторон», воевать «против персов» и других «варварских народов», которые восставали против «мощной ромейской державы». Больной Юстин фактически был отстранен от дел. Византию теснили варвары, и Тиверий был в крайнем затруднении. «Ему угрожали со всех сторон, а после смерти Юстина еще более восстали против него, особенно же проклятые народы склавены [ܣܩܠܒܐ] и те, что по волосам своим называются аварами (ܐܒܪ). Особенно когда он стал автократором, ему не дали вздохнуть и малое время от сообщений и слухов, которые с разных сторон множились около него».[2] Сирийский историк утверждает, что бедственное положение империи затрагивало различные социальные слои. Сочувствие Тиверию выражали не только знатные и богатые, ܪܒܝܐ, но и малые, бедные, ܡܟܝܟܐ. «В тяжкие бедствия, в трудные дни досталось этому (императору) государство. Днями и ночами он находится в борьбе и в заботе, чтобы собирать отовсюду войска и посылать во все стороны, на многочисленные войны».[3] На этом общем положении автор не останавливается. В шестой книге той же 3-й части он сообщает об аварах, начиная со времени Юстиниана (527—565 гг.) На север от среднего и нижнего течения Дуная в V в. славянам принадлежала большая область, но до этого времени они мало приходили в соприкосновение с Восточно-Римской империей. Их набеги и грабежи проходили преимущественно в составе других орд и племен, тревоживших границы империи. Ряд византийских полководцев и начальники отдельных дружин в войсках, однако, были славяне, о чем свидетельствуют их имена. С VI в. славяне начинают набеги на Балканский полуостров, опустошая Фракию и Иллирию. Нападения эти могли быть вызваны причинами как внутриполитического, так и внешнеполитического характера. Авары были одним из тех народов, которые были приведены в движение тюрками и аланами. Давление их на славян сплотило последних и в свою очередь вынудило их к движению, к попыткам овладеть новыми местами. Разложение родового строя, новая форма общественных отношений в военно-демократическом государстве требовали, повидимому, и новой рабочей силы, рабов. Есть свидетельство Приска, что у скифов государства Аттилы были рабы. Повидимому, они стали требоваться славянам на новой стадии развития их государства в большей степени, что служило побудительной причиной для военных набегов. Нуждались они и в новых территориях

[1] Ю. Кулаковский, ук. соч., т. II, стр. 226.

[2] Ioannis Epheseni historiae ecclesiasticae pars tertia, 3, cap. 25, ed. W. Brooks. CSCO, Scriptores Syri, ser. III, t. III, p. 152.

[3] Ibidem.

под давлением авар, и, конечно, их влекла, кроме того, возможность легкого обогащения за счет грабежа богатых византийских провинций. Юстиниан вел борьбу в Африке и в Азии. Обе эти границы требовали большого напряжения, к тому же постройки и грандиозные укрепления, возводимые им в разных частях империи, приводили к оскудению казны. Для того чтобы по возможности удержать равновесие в империи, приходилось действовать не только дипломатическим путем, но и откупаться от агрессивных и воинственных соседей. Оплата этих соседей была также возможностью создать должные условия на границах, не посылая слишком большого количества войск, а ограничиваясь войсками типа федератов, или размещая эти варварские войска в качестве несущих сторожевую службу. Юстиниан и в этом случае нес большие расходы, покупая расположение аварских вождей. Аварский каган Баян двинулся, гонимый тюрками, в прикавказские области. С Византией он вошел в сношения через царя алан Саросия, так как Юстин был тогда полководцем на северо-восточной границе империи. Возглавляемое Кандихом посольство Баяна прибыло в Константинополь в начале 558 г., где вызвало общее удивление своей внешностью. Союз с ними был заключен, и авары разгромили сабиров, утургуров и кутургуров.[1] Они разбили и антов, которые в переговорах вели себя горделиво.[2] Они появились в пределах империи при Юстиниане, причем послали к нему послов, которых он щедро одарил и через которых послал подарки их главарям, или вельможам (ⲁⲙⲁⲥⲓⲁⲛ). Приход аваров в Константинополь Иоанн Малала относит к шестому индиктиону, времени Юстиниана.[3] Обращает на себя внимание то, что у авар ниже идет речь о кагане, но большую роль играли и знатные. Иоанн Ефесский говорит об аварах во множественном числе, как о племени, которое посылает послов. Замечательно и другое обстоятельство, то, что именно давали и посылали аварам — «золото, серебро, одежды, пояса и золотые седла».[4] Менандр также сообщает о драгоценных предметах и золотых шнурах (καλῶδιά τε χρυσῷ ἐπινενοημένα), которые давались аварам при Юстиниане.[5] Авары, пораженные роскошью подарков, отправили других послов и затем «под разными предлогами» продолжали посылать все новые группы, которых также щедро одаривали. Причина щедрости, с одной стороны, и причина требовательности — с другой, в сущности совпадали: Византийская империя была слаба, авары были сильны.

Юстиниан, принимая аваров около 562 г., соглашался им предоставить землю герулов, Вторую Паннонию.[6] Но, пишет Менандр, авары не были склонны там поселиться, но позже, как видно из предшествующего, они стремились вытеснить и гепидов. В том же году (562) авары стремились перейти Дунай, но не решались это сделать до того времени, пока их послы находились в Константинополе. Узнав об этом от аварского предателя, Юстиниан сначала не соглашался отпускать послов, а затем у них было отобрано на обратном пути оружие.[7] Уже тогда во главе аварского каганата стоял хан Баян, имя которого встречается и в последующих известиях. Аварский каганат занимал неопределенно большую площадь в южнорусских степях и граничил с тюрками. Впервые появление аваров

[1] Ю. Кулаковский, ук. соч., т. II, стр. 231.
[2] Menander, Fragmenta, 6, 9, p. 204, 205, ed. De Boor, II, p. 443.
[3] Ioannes Malalas, op. cit., p. 489.
[4] Ioannes Ephesius, 6, cap. 24 ed. Brooks, p. 324.
[5] Menander, Fragmenta, 14, t. IV, p. 218, ed. De Boor, II, 444.
[6] Menander, op. cit., 9, p. 205, ed. De Boor II, p. 443.
[7] Menander, op. cit., 9, p. 205, ed. De Boor, II, 444.

в Константинополе относится ко времени Юстиниана, к 550 г. по Феофану (ап. М. 6050), где они вызвали сенсацию, так как весь город собрался на них глядеть.[1] Необычайный их вид заключался в том, что хоть они и походили на «прочих гуннов», но носили длинные волосы, которые заплетали в косы. По этому поводу и Иоанн Ефесский говорит об их имени — авары, — данном им по волосам. Они «убежали из своей земли», следовательно, движение их было связано с давлением на них тюрок, которые также говорили об их бегстве. Они перешли границу областей Мезии и Скифии. Скифия была ограничена нижним течением Дуная и западным побережьем Черного моря. Мезия также находилась на правом берегу Истра (Дуная), примыкая к Скифии с одной стороны и ограниченная на юге Фракией. Сами же авары под своей властью объединяли большие пространства Восточной Европы, располагаясь и по берегу Каспийского моря. Они стеснили аланов, имели столкновения с антами и прошли по северному побережью Каспия. В условии, заключенном между Ираном и Византией по поводу охраны ущелий, по которым обычно двигались кочевники, было оговорено не пропускать в них ни гуннов, ни аланов; авары специально не были упомянуты, но их могли подразумевать и под общим названием гуннов.

Нажим аваров на Балканском полуострове чувствовался и в столице, а потому так податлив был и Юстиниан. Но у него был и другой мотив для щедрости: «он надеялся, что их руками он сможет победить всех своих врагов».[2] В длинной речи аваров греческий историк влагает им в уста мотивы, по которым их вознаграждал Юстиниан: 1) хотя они и могли, они не нападали на империю; 2) они уничтожили тех «варваров», которые нападали на Фракию, а теперь боятся аваров.[3] И они приходили требовать «обычное золото», как его требовали персы. Между тем неумеренная раздача золота, вероятно, и расточительность Юстиниана вообще привели к тому, что «стали выражать неудовольствие и сенат и весь город — он-де опустошает государство и отдает все варварам».[4] К числу недовольных этой политикой принадлежал и Юстин. Когда он стал императором, он попытался вступить на путь борьбы с непомерными требованиями аваров. После смерти Юстиниана (565 г.) одна из «шаек» аваров явилась с новыми требованиями: «Дай нам, как давал нам покойный, и отпусти нас, чтобы мы отправились к нашему царю».[5] Но Юстин, недовольный тем, что они только «берут и уносят» из государственной казны, обошелся с ними сурово, считая, что отныне они будут получать только вознаграждение за службу, а отнюдь не дань — φορολογίαν τινά.[6] Греческий источник говорит, что они вернулись во-свояси ни с чем. Сирийский историк сообщает более существенные подробности. Возмущенный их дерзостью Юстин пытался по-новому построить отношения с аварами: «Вы, мертвые псы, смеете угрожать ромейскому царству? Знайте, что я прикажу сбрить вам волосы, а затем сниму вам головы».[7] После того он отдал приказание схватить их, бросить в лодки и вывезти из города. Их увезли в Халкедон, где они были «связаны и заключены» в количестве около трехсот мужей. В правдивости слов Иоанна не позволяет усомниться такая подробность: к ним приставили «войско со скрибонами и схоляриями, которые стерегли

[1] Theophanes. Chronographia, p. 232.
[2] Ioannes Ephesius, p. 324, 325.
[3] Menander, Fragmenta, 14, ibidem, p. 218, 219, ed. De Boor, II, p. 444—446.
[4] Ioannes Ephesius, p. 325.
[5] Ibidem.
[6] Menander, op. cit., p. 219, ed. De Boor, II, p. 446.
[7] Ioannes Ephesius, p. 325.

их в течение шести месяцев».[1] Косвенное подтверждение тому, что авары были подвергнуты репрессиям, можно видеть в том, что и Менандр говорит о них, что они должны быть счастливы, что уйдут живыми из Константинополя.[2] В конечном счете и эти авары были отпущены. Позже авары стали искать новых связей, которые они нашли в государстве франков. Вчитываясь в источники, можно с уверенностью сказать, что авары приходили не за одним только золотом. В основе их требований лежала необходимость получать продукты питания для людей и фураж для скота. В примитивных условиях кочевой жизни они все умели достать себе сами, но в причерноморских областях и на Балканском полуострове простора было меньше, и самые условия жизни этого племени менялись. Как в Азии, Рим и Византийская империя стремились из арабов сформировать для защиты границ небольшие буферные государства, отчасти создать из племен федератов и поселить их там, где Иран соприкасался с империей, так и здесь велась та же политика. Каждое новое племя, новая народность, которая приходила в соприкосновение с Византией, стремились получить то особое, привилегированное положение, которое приобреталось ее поддержкой. До появления аваров это положение занимали гепиды, в которых лангобардский король (μόναρχος) Альбуанус видел препятствие для возможности проходить в Скифию и во Фракию.[3] Баян, аварский каган, был к этому времени в союзе и с королем франков Сигизбертом, причем последний выдал аварскому войску необходимые припасы в виде муки, овощей, овец и быков, так как авары терпели голод.[4] Лангобарды видели в гепидах враждебную силу, тем более опасную, что они имели поддержку Византии; поэтому они стремились создать из аваров угрозу гепидам и соблазняли их напасть на них, чтобы получить возможность беспрепятственно заходить еще глубже во владения империи и, следовательно, иметь возможность вымогать или захватывать добычу.[5] Со своей стороны новых союзников искала и империя и получила их в лице тюрок. Последние могли, однако, оказывать поддержку империи только в восточных областях. Это был союз, выдвинутый против Ирана, но часть аваров была связана с тюрками, и тюрки поставили условием Византии «не принимать аваров». Часть аваров ими была подчинена, другая часть ушла, и последних они насчитывали около двадцати тысяч.[6]

Авары, пришедшие к Дунаю и Саве, продвигались с северных берегов Каспийского моря и южнорусских степей. На Балканском полуострове они проделали своеобразную историю. Лангобарды, с которыми авары вступили в союз, тяготились своими соседями гепидами и стремились уничтожить их владычество с Конимундом во главе.[7] Гепиды занимали в то время области по левому берегу Дуная, в среднем его течении, и представляли союзное для Византийской империи государство. Конимунд удерживал за собою хорошо укрепленный город Сирмиум и области по Драве. Испуганный союзом лангобардов и аваров, он обратился к императору Юстину, обещая возвратить эти области, но так как это было не впервые, то доверия к этим обещаниям быть не могло. В свою очередь и лангобарды отправили посольство в Константинополь, но военной помощи не получили

---

[1] Ibidem.
[2] Menander, Fragmenta, 14, p. 219, ed. De Boor, II, p. 446.
[3] Menander, op. cit., 24, p. 230, ed. De Boor, II, p. 455.
[4] Menander, op. cit., 23, p. 230, ed. De Boor, II, p. 454.
[5] Menander, op. cit., 24, p. 230, ed. De Boor, II, p. 454.
[6] Menander, op. cit., 18, p. 226, ed. De Boor, II, p. 452.
[7] Procopius. De bello gothico, 8, cap. 18, ed. Haury, II, p. 580.

ни те, ни другие.[1] Сирмиум находился на положении пограничного города. Несмотря на то, что он принадлежал, как будто, гепидам, фактически гарнизон и военачальники были византийскими. В дальнейшем сообщении Иоанна Ефесского Сирмиум является городом, принадлежащим Византии, который авары настойчиво стремятся захватить, хотя Прокопий Кесарийский утверждает, что и в его время гепиды занимали области Сингидона и Сирмия по обе стороны реки Дуная.[2] В другом случае он повторяет, что гепиды захватили город Сирмиум и хвалились, что разорят Дакию, так как готы, которых они до того времени боялись, были слабы, а ромеи были отвлечены войной в Италии.[3] В конечном счете и Сирмиум и почти вся область Дакии были в руках гепидов.[4] Борьба между гепидами и лангобардами на берегах Дуная была длительной, велась с переменным счастьем, и каждая сторона настойчиво стремилась увеличить пространство захваченных областей за счет другой.[5]

Авары, справившись с гепидами, намечали свое дальнейшее укрепление по Дунаю. Еще к 568 г. относится их попытка взять Сирмиум приступом, однако, им это не удалось. Тогда каган Баян, обосновавшийся в областях гепидов, попытался захватить добычу другим путем. Десять тысяч гуннов-кутригуров перешли по его приказу Саву и разорили Далмацию.[6] Ко времени того же Юстина, следовательно, до 578 г., относится отправленное аварами дружественное посольство, которое просило дать «механиков и строителей» для того, чтобы построить баню и дворец кагану. Их просьба была удовлетворена. Когда искусные византийские мастера закончили постройки, они стали просить отпустить их домой, но тут, как говорит сирийский источник, каган «обнаружил свою лживость». Угрожая им мечом, он приказал им перекинуть «мост через Дунай, чтобы мы могли переходить, когда пожелаем».[7] Мастера стали отказываться от его приказа, так как, по их мнению, он был технически не выполним: «Как можно, и как когда-либо будет возможно, перекинуть мост через реку, подобную морю?» Другим их аргументом было то, что подобное сооружение было бы «направлено против ромейского государства» и строители понесли бы за это наказание от императора. Двоим из ромеев были отрублены головы, остальные под страхом смерти согласились выполнить приказ. Они потребовали много «большого и твердого дерева». Множество народа было послано в лес вырубить соответствующие деревья, и мастера «постарались и перекинули весьма крепкий мост».[8] Факт этот Иоанн Ефесский относит к 580 г., так как он называет третий год правления Тиверия, после смерти Юстина.[9] Такая точность была необходима, так как еще при жизни последнего, в течение четырех лет Тиверий соцарствовал ему в качестве кесаря,[10] и, следовательно, отсутствие точной датировки могло повлечь за собою неправильное исчисление лет его царствования. О постройке моста известно и Менандру, причем он указывает на его местонахождение на Саве, между

---

[1] Menander, Fragmenta, 25, p. 231, ed. De Boor, II, p. 455.
[2] Procopius. De bello vandalico, I, cap. 2, I, p. 311.
[3] Procopius. De bello gothico, III, cap. 34, p. 447—48.
[4] Procopius, op. cit., III, cap. 33, p. 443.
[5] Procopius, op. cit, III, cap. 34, p. 444.
[6] Menander, Fragmenta, 27, p. 231—233, ed. De Boor II, p. 556—458.
[7] Ioannes Ephesius, 3, 6, cap. 24, p. 326.
[8] Ioannes Ephesius, 6, 3, cap. 14, p. 326.
[9] Ibidem.
[10] Ioannes Ephesius, p. 327. — Menander, Fragmenta, 37, p. 240, ed. De Boor, II, p. 462.

Сингидоном и Сирмием.[1] Сирийский историк говорит, что этим событием были весьма огорчены император и все государство и что делались всяческие попытки разрушить мост, но «сразу не смогли этого сделать». Авары, захватив мост, «засели» и, угрожая разорением ромейских областей, требовали, чтобы им был отдан Сирмиум «на этом берегу реки, чтобы поселиться в нем». Однако Тиверий не согласился отдать важный стратегический пункт на границе. Правительство империи стало собирать войска и «следить, когда наступит время, чтобы можно было вести войну», иначе говоря, выжидать благоприятного для наступления времени.

Интересно сообщение сирийского историка о том, что ромеи «построили также другой мост, чего, как говорят, прежде не было, сделали они это, готовясь к плохому».[2] Но к этому времени новый факт заставил Византию направить аварские орды так, чтобы они действовали в интересах защиты империи. На этот раз наиболее опасными были славяне.

Известно, что греческие писатели называли славян склавенами (Σκλαβίνοι). Сирийские писатели удержали это название, транскрибируя его с дополнительным алефом перед тремя согласными ܐܣܟܠܒܝܢܐ, esklavine. При Юстине славянские полчища прошли Фракию и, достигнув Долгой стены, грозили столице. В начале правления Тиверия дружественные предложения аваров были приняты и их военные силы были направлены против славян, от нападения которых страдали византийские провинции на Балканском полуострове. В этом вопросе сообщения сирийского историографа имеют особую ценность. Он точно датирует походы славян и утверждает, что они не имели одной только грабительской цели, примитивного обогащения за счет добычи; из его сообщения ясно, что славяне имели целью занять территорию и сумели добиться своего.

«В третий год после смерти императора Юстина, в царствование императора Тиверия вышел проклятый народ склавены и прошли всю Элладу, области Фессалоникии и всю Фракию. Они захватили много городов и крепостей, опустошили, сожгли, полонили и подчинили себе [эту] область и поселились в ней свободно, без страха, как в своей собственной. Это продолжалось в течение лет четырех, пока император был занят войной с персами и все свои войска посылал на восток».[3] Историк византийской ориентации, страстный и нетерпеливый сириец, дал врагам империи прилагательное «проклятые». Его указание относительно того, что основная масса войск Византии была направлена на восточную границу, подтверждается и всеми другими источниками. Развивая далее свое положение, Иоанн говорит: «поэтому», — т. е. потому, что достаточного количества войск на этой границе не было, — «они расположились на этой земле, поселились на ней и широко раскинулись, пока бог им попускал». Их напор на Балканском полуострове перестал быть временным явлением, он стал постоянным. В течение нескольких лет склавены распоряжались на Балканском полуострове, «они уничтожали, жгли, брали в полон до самой внешней стены». Среди их добычи видное место занимал скот, они захватили «много тысяч царских табунов (конских) и всяких других». Иоанн Ефесский говорит о богатстве славян: «они разбогатели, имеют золото и серебро, табуны коней и много оружия».[4] Греческий историк относит их нападение к четвертому году Тиверия и говорит, что «славянский народ» опустошал Фракию

[1] Ioannes Ephesius, 6, cap. 24, p. 327.
[2] Ibidem.
[3] Ioannes Ephesius, 6, cap. 25, 327.
[4] Ibidem.

в количестве около ста тысяч человек.[1] Кулаковский [2] считает, что это третий год правления Тиберия в качестве кесаря, следовательно, 577 г. Изобилие денег в земле склавен Иоанн объясняет тем, что они «издавна» грабили ромеев.[3]

Несомненно примитивное обогащение за счет военной добычи сосредоточило в руках правящей верхушки ценные металлы и скот. Оружие и кони усиливали их военную мощь. Но более всего возмущает сирийского историка то, что склавены «и до сего времени, до года восемьсот девяносто пятого, расположились и живут спокойно в ромейских областях, без забот и страха». 895 г. по греческому счислению соответствует 584 г. н. э. Если сопоставить две даты, которые им даны — третий год царствования Тиверия после смерти Юстина [4 октября 578 г. (следовательно, 580 г.), а у Менандра четвертый] и их разбои в течение четырех лет и 584 г., — то все эти данные сходятся.[4] Во всем сочинении Иоанна последняя упоминаемая им хронологическая дата — 585 г. Годом его смерти принято считать 586 г., следовательно, более поздних сведений он и не мог дать. Называя склавен «грубыми», он имеет в виду то, что они были народом не цивилизованным, варварским, не имевшим специальных стратегических и тактических навыков. Они не осмеливались «показываться вне лесов и защищенных деревьями (мест)». Более того, эти варвары «даже не знали — что такое оружие». Единственно, чем они пользовались, были копья нескольких видов для метания или дротики, известные в греческой военной терминологии как λογχάδια.[5] Однако к этому времени, когда они стали грозой Балканского полуострова и завоевали возможность «жить спокойно» в областях Византии, они были уже «обучены воевать более, чем ромеи», по признанию того же Иоанна.[6] За полстолетия своих походов на Византию, стычек с аварами и другими народами славяне приобрели новые технические приемы для войны и использовали их для того, чтобы применять в войне с ромеями. Их боеспособность, храбрость и сила вызывали неудовольствие историка, который испытал весь страх и ужас перед их приближением к столице. Факт усиления славян вызвал движение аваров и известные послабления им со стороны Византии.

У аваров со славянами были и свои собственные счеты, которые они были непрочь свести. Они нанесли славянским землям разорение, что, однако, не остановило движения славян, которые продолжали занимать ряд областей на Балканском полуострове. С другой стороны, авары представляли сами по себе угрозу для Византии, так как они стремились занять все более прочное положение на обоих берегах Дуная.

В 580 г. от кагана в Константинополь прибыл посол Таргитай и получил условную сумму золота как обычную дань, выплачиваемую Византией аварам. Однако авары не стремились поддерживать мира. Они домогались городов Сирмия и Сингидона и заняли нижнее течение р. Савы; стремясь обосноваться на правом берегу Дуная, они пытались овладеть переправой через него. Между тем, желая разделаться со славянами руками аваров, ромеи имели на Дунае суда, чтобы переправить на них своих союзников.[7] Известно, что, помимо этого, авары располагали мостом, который обеспе-

[1] Menander, Fragmenta, 49, p. 253, ed. De Boor, II, p. 469.
[2] Ю. Кулаковский, ук. соч., т. II, стр. 395.
[3] Menander, Fragmenta, 50, p. 253, ed. De Boor I, p. 210.
[4] Ф. И. Успенский. История Византийской империи, т. I, стр. 477, 478.
[5] Ioannes Ephesius, 5, cap. 25, 328.
[6] Ibidem.
[7] Menander, Fragmenta, 66, p. 268, ed. De Boor, I, p. 220.

чивал им переброску войск с одного берега на другой. По греческой традиции, это был мост через Саву. Отрезанный от империи город мог без труда быть захвачен аварами. Длинные рассуждения у Менандра представляют собою развитие этого простого положения.[1] Сирийский историк сообщает подробности, из которых можно восстановить исторический ход событий. «Этот варварский народ авары собрались и захватили те два моста, которые были построены, засели и угрожали войной и опустошением ромейским областям».[2] В греческих источниках также известно о двух захваченных аварами мостах, отвоевать которые ромеям не удалось.[3] Требование отдать им Сирмиум авары повторно передали через своих послов. Тиверий отвечал дипломатически, обещал прислать для переговоров своего представителя Нарсеса, «великого спафария государства». В то же время его тайное посольство к лангобардам и другим народам имело целью поднять их в тылу у аваров.[4] Кроме того, ромеи запугивали аваров тюрками, власть которых к тому времени простиралась до Боспора.[5] К аварам, как было обещано, был направлен спафарий Нарсес, причем ему было предложено не спешить с приездом, чтобы дать время лангобардам собраться с силами и всем «ударить вместе (на аваров) и, если возможно, уничтожить их».[6] Путь Нарсеса лежал по Черному морю до устья Дуная. Спафарий был богато снаряжен, «много кораблей было наполнено всяким имуществом и направлено через опасное море Понт». Не только были взяты «многочисленные войска», но и «изобилие золота», причем золото было взято Нарсесом как «государственное», так и «свое» и везли его на одном из кораблей, под охраной евнухов.[7] Тот факт, что спафарий взял с собою и свое собственное имущество, отправляясь на Дунай, говорит о том, что он рассчитывал на торговые обороты, на приобретение сырья или изделий, за которые предстояло расплачиваться звонкой монетой. Между тем нагруженный золотом корабль потонул еще в первый день своего пути по Черному морю, о чем Нарсес узнал лишь, зайдя с кораблями в устье Дуная. Это известие так его поразило, что он захворал и вскоре умер.[8] Этому сообщению, известному лишь в сирийской традиции, можно найти подтверждение в одной строке, сохранившейся у Менандра.[9] Смертью Нарсеса весь план «был нарушен», и с трудом было возвращено оставшееся после него имущество. Не имея поддержки византийских войск, не выступили и лангобарды. Византии не оставалось ничего, как только сдать Сирмиум, для чего туда был послан префект претория Калистрат. Вкратце о судьбе Сирмиума упоминают и другие греческие летописи.[10] Осаждаемый в течение двух лет аварами город терпел тяжелый голод. Съедено было все, не исключая кошек. Даже осторожный сириец осуждает правительство, не имевшее «милости к своей плоти» и не разрешавшее сдать город раньше. В укор им их «обличителем» была «жалость», высказанная этими «варварами к людям, измученным там голодом». Они дали им «хлеба для еды и вина для питья», но после двухлетнего голода осажденные умирали и немногие из них смогли покинуть город, а «варвары взяли город и поселились

[1] Menander, Fragmenta, 66, p. 268.
[2] Ioannes Ephesius, 6, cap. 30, p. 335.
[3] Menander, Fragmenta, 66, p. 268, ed. De Boor, I, p. 220.
[4] Ioannes Ephesius, ibidem.
[5] Menander, Fragmenta, 43, p. 247, ed. De Boor., I, 207.
[6] Ioannes Ephesius, 6, cap. 30, p. 335.
[7] Ioannes Ephesius 6, cap. 31, p. 336.
[8] Ibidem.
[9] Menander, Fragmenta, 72, p. 269.
[10] Theophanes. Chronographia, p. 218.

в нем».[1] В руках аваров город находился недолго. С ним случилось то же, что со многими другими городами, захваченными врагом. Неизвестно, «каким образом, напал огонь на город Сирмиум и внезапно весь его разрушил и сжег». Возможно, что привычные к кочевым условиям орды не умели обращаться с огнем в городе. Во всяком случае, «так как варвары не знали как его (огонь) прекратить и затушить, они все бежали ни с чем и покинули его, так что он весь сгорел и разрушился».[2] Сирийский историк утверждает, что мог бы сообщить обо всем этом гораздо больше; «но по пространности многих рассказов, мы большинство оставили в стороне», — говорит он и на этом кончает аварскую эпопею.

Выше было уже упомянуто, что дошедшая в единственной рукописи «История» Иоанна Ефесского не имеет конца. Оглавление последней, шестой книги, сохранившееся в начале, дает возможность судить о недошедших главах, сообщавших дальнейшие сведения о славянах. Сведения эти были использованы другими сирийскими хронистами Дионисием Тельмахрским, Михаилом Сирийцем, Бар-Эбреем. Традиция Иоанна Ефесского первоначальная и исторически достоверная оказалась, однако, потемненной другими, более поздними данными. Тщательный текстуальный и исторический анализ этих источников, их сравнительное изучение дают новую страницу в истории древних славян, чему посвящена следующая глава настоящего исследования.

СВИДЕТЕЛЬСТВА ПОЗДНЕЙШИХ СИРИЙСКИХ ИСТОРИКОВ О СЛАВЯНАХ

Из оглавления VI книги III части «истории» Иоанна Ефесского очевидно, что в ныне утерянном конце хроники имелось несколько глав, в которых он продолжал излагать события, связанные с нападениями варваров на Византию. Повторяя отчасти заголовок 24-й главы, глава 45 гласит: «о гнусном, варварском народе, что по своим волосам называется аварами». Следующая глава сообщала, как вышли авары и «захватили богатые города и многие крепости», иначе говоря — о дальнейшем нападении аваров на области Византийской империи. В главе 47 Иоанн писал об ужасе, охватившем столицу, очевидно, при приближении варваров, чему он был сам свидетелем, так как, он говорит, это было тогда, когда «и мы там были».

Анонимная хроника, известная под именем Дионисия Тельмахрского, была составлена в VIII в., на основании труда Иоанна. В свою очередь она была использована Михаилом Сирийцем, а затем Бар-Эбреем. Однако о двух последних историках следует сказать, что они располагали еще дополнительными данными, в значительной степени затемнившими первоначальную, исторически правильную традицию. После сведений о Шамкерте и крепости Акба, о послах ромейских у Михаила следуют сообщения о нападениях аваров, что в точности повторяет последовательность изложения Иоанна Ефесского. Оно сохранилось только в оглавлении, в начале VI книги, так как ее конец утерян, в единственном дошедшем до нас списке этого сочинения Иоанна. Михаил Сириец, переписывая Иоанна Ефесского, следовал ему без особых соображений, не опуская его повторений, не соединяя глав, относящихся к одной и той же теме. В соответствии с этим, когда Иоанн в VI книге после сообщений об аварах и склавенах в 24 и 25-й главах возвращается к ним вновь в 32 и 33-й и в третий раз в недошедших главах 45, 46, 47, 48 и 49, такой прерывистый порядок изложения сохранился и у Михаила Сирийца. Последние главы

[1] Ioannes Ephesius, 6, cap. 32, p. 337.
[2] Ioannes Ephesius, 6, cap. 33, p. 337.

Иоанна — от 45-й до 49-й — относятся ко времени императора Маврикия, следовательно, между 582 и 602 гг. н. э., так как глава 44, предшествующая 45, датирована у Иоанна Ефесского третьим годом Маврикия.

Ряд фактов представляет выдающийся интерес, так как из приведенной выше цитаты не подлежит сомнению, что Иоанн был сам в Константинополе, когда происходил соединенный поход аваров и склавен в 586 г., в котором они захватили области от нижней Мизии до Адрианополя. Поэтому вполне заслуживает доверия сообщение, что варвары косились на столицу и обратили бы свое оружие против нее, если бы не заградительный ров, который проходил «вне Адрианополя», т. е. обходил его, и явился препятствием в их пути по Балканскому полуострову.[1] Против страшных полчищ был послан полководец Приск, но Иоанн Ефесский (у Михаила Сирийца) говорит, что «император и его войска трепетали и боялись варваров», из чего видно, что Маврикий лично участвовал в войне. Войска были направлены к Долгой стене, расположенной, по его расчетам, в 60 милях от столицы. Мобилизация проводилась решительно и поспешно; для работы физической, рытья рвов, необходимого исправления и укрепления стен были «по необходимости» привлечены клирики. Их принудили работать, как указывает самая форма глагола (aphel ܐܫܬܥܒܕ). Сообщение этого факта Иоанном, выделявшего клириков при всяком случае, вполне отвечает его взглядам. Насколько сильно были напуганы в столице приближением этих «варваров», один головной убор которых казался «отвратительным», видно из того, что «непобедимое» византийское войско трепетало, а за свежими силами, набирать рекрутов во все стороны были посланы скрибоны. Особые права и полномочия, которые были им даны испуганным правительством, были ими использованы самым широким образом и были исключительно тягостны для населения. «Они причинили много зла», говорит автор, сыновей забирали у родителей, подвергали разорению самые области, отбирая лошадей, волов и даже домашнюю птицу. Такое опустошение областей не могло способствовать их обороноспособности и может служить примером того, как поставленное в тяжелое положение население ожидало варваров как избавителей, по справедливому указанию Энгельса. Сообщение нашего источника о разорении областей непосильными поборами византийских властей резко контрастирует с тем, что сообщается о положении населения на территории, захваченной варварами. Определяя положение аваров, источник утверждает, что они — народность, «вырвавшаяся» с востока, а склавен называет западным народом, как и лангобардов. Это правильно, так как запад является относительным понятием, выдвинутым по сравнению с востоком, откуда пришли авары. Славяне, следовательно, для нашего источника, как и лангобарды, занимали уже прежде, до появления аваров, определенную территорию — «на запад от реки, называемой Дунаем (ܕܢܘܒܝܣ)».[2] Склавен и лангобардов Михаил Сириец (Иоанн Ефесский) считает находящимися «под властью кагана, царя аваров». Не дифференцируя поступательного движения всех трех народов, он говорит, что они отправились и покорили «два города ромеев и прочие крепости». В областях, захваченных ими, они обращались к местному населению со словами успокоения: «Выходите, сейте и собирайте (жатву), мы возьмем у вас только половину подати».[3] Они, следовательно, снижали тяжесть податного ярма ровно наполовину. Понятно, что такое облегчение деревенского населения должно было быть

[1] Michel le Syrien. Chronique, ed. Chabot, texte 4, p. 379; trad. t. 2, p. 361.
[2] Ibidem.
[3] Ibidem.

известным и тем, кто находился под властью Византии. Оно являлось, с одной стороны, мерой, повышавшей сопротивляемость областей их обратному возвращению под руку Константинополя, и, с другой стороны, понижавшей обороноспособность принадлежавших Византии земель. «Варвары», действительно, создавали менее тяжелые условия для населения в отношении выплаты податей. Как известно, анноны, натуральная повинность, и сюнтелейа, денежная повинность, взимались исключительно сурово и что всякие добавочные подати виртуозно изобретались и настойчиво вымогались у населения. Это видно и из рассказа о скрибонах, посланных рекрутировать людей и скот и одновременно грабивших и обиравших у населения все, что было возможно.

Не приходится сомневаться в том, что рассказ об Анхиалосе изъят Михаилом из той же хроники Иоанна Ефесского. Чтобы прекратить движение склавен на Балканский полуостров и оттянуть их от столицы, «ромеи наняли народ антов» (ܐܢܛܝ), которые, по их указанию напали, ограбили и опустошили земли славян, находившиеся на запад от Дуная. Анты в течение долгого времени составляли общие со славянами орды. Здесь их сумели поссорить, противопоставить антов славянам и использовать их в качестве оружия самой Византии. При Тиверии, опасаясь мощи тех же славян, аварам были предоставлены послабления, чтобы они могли быть защитой для Византии. Узнав о разорении своей земли, славяне стали ожесточенно мстить. Не захватив столицы, войска кагана повернули к городу Анхиалосу, который славился своими теплыми источниками. Из дальнейшего очевидно, что полчища славян были связаны и, вероятно, возглавлялись каганом аварским. В Анхиалосе он надел на себя одежды из пурпура, принадлежавшие жене императора Тиверия, Анастасии, и рассматривал это как акт приобретения верховной власти: «Желал этого император ромейский или не желал, вот мне дано царство».[1]

Иоанн Ефесский (у Михаила Сирийца) сообщает, что склавены повсюду грабили церковные сосуды, которые в большинстве случаев представляли собою художественные произведения из ценных металлов, чаще всего из золота. С киборием Коринфской церкви они поступили еще так. Установили его на мощной, крепкой повозке, для того чтобы он мог перевозиться с места на место и заменял хану палатку, так что «он сидел под ним».[2]

Сообщение об Анхиале и разграблении его склавенами не отвечает тому рассказу о взятии Анхиала, который известен у Феофана под 6084 г., так как тут идет речь об аварах. К Феофану эти сведения могли попасть от Феофилакта Симокатты,[3] а факт взятия Анхиала аварами относится к 591 г., тогда как Иоанн Ефесский имеет в виду более раннее событие, в котором главными участниками были склавены.[4] Впрочем это может быть и не так, так как пурпуровые одежды одел на себя, по тексту Михаила Сирийца, каган, что в контексте может относиться только к аварскому кагану. Такие соображения высказал и Бьюри, отождествляя оба факта.[5] Но в таком случае жизнь Иоанна Ефесского пришлось бы считать на много более длительной, чем это обычно принято, так как в таком случае он сообщал бы о факте 591 г., а последняя дата в тексте его истории 585 г. (895 г.).

---

[1] Michel le Syrien, texte, t. 4, p. 380; trad. t. 2, p. 363.
[2] Michel le Syrien, op. cit., 10, 21, t. 4, p. 379; t. II, p. 361.
[3] Theophylactus Symocatta. Historia, I, p. 40. — Theophanes. Chronographia, a. 6084.
[4] Так думает Дьяконов (Иоанн Ефесский. СПб., 1908, стр. 312, примеч. 40а).
[5] Bury. op. cit., II, p, 127. Ср.: Ю. Кулаковский, ук. соч., т. II, стр. 448.

Некоторые исследователи высказывали сомнение в том, что рассказ Иоанна Ефесского относится ко времени начала царствования Маврикия и склонны были относить его сообщение к 591 г., так как к этому году относятся сведения хроники Феофана о походах, предпринятых аварским каганом, до Анхиала и его разграблении.[1] Сведения эти Феофан позаимствовал у Феофилакта Симокатты,[2] который был одним из его источников. Уже по самому содержанию сообщения Иоанна Ефесского (у Михаила Сирийца) и Феофилакта Симокатты не тождественны,[3] в чем нельзя согласиться с Бьюри, оценившего эти два рассказа, как трактующие об одном и том же событии.[4] Мне представляется необходимым подтвердить следующими данными этот неоспоримый факт. Феофилакт Симокатта знает о походе аварского кагана, в котором, очевидно, участвовали и склавены в самом начале правления Маврикия. Каган потребовал увеличения денежной дотации, а когда ему в этом отказали, он взял Сингидон и другие города в византийской Фракии и, наконец, дошел до Анхиала, грозя Долгой стене.[5]

Феофилакта повторяет Феофан, говоря: παρέλαβε δὲ καὶ τὴν Ἀνχίαλον, ἠπείλει δὲ καὶ τὰ Μακρὰ τείχε καταστρέψαι.[6] Выдающийся интерес приобретает для этого случая датировка Феофана. Посольство аварского кагана, по его данным, прибыло в Константинополь в мае 583 г. Расчет следующий: Маврикий воцарился еще при жизни Тиверия, умершего 14 августа 582 г. В мае следующего года было сильное землетрясение и в том же месяце авары прислали к Маврикию посольство. Дата май месяц заимствована не у Феофилакта, а из другого источника Феофаном. Поход кагана, не удовлетворенного в своих требованиях, относится Феофилактом к осени [7] и, следовательно, к осени 583 г. Следующий год Феофан начинает словами: «В том же году, в месяце декабре 25-го во 2-й индиктион», так как счет индиктионами начинался с сентября, то осень 583 г. по этому счету падала на первый год индиктиона. Предшествующий год у Феофана (6074) в месяце апреле отнесен к 15-му индиктиону, и, следовательно, 6075 год от сотворения мира соответствовал первому году следующего индиктиона. В тексте Михаила Сирийца дат нет, едва ли они имелись и у Иоанна Ефесского. Но сообщение его об аварах и склавенах следует за сообщением в 37-й главе о персидских послах, датированное 894 г., следовательно, 583 г. В сохранившемся же оглавлении в 44-й главе Иоанн говорит «о другой войне 3-го года». Так как в сирийском тексте стоит ܬܠܝܬܝܐ, несомненно, что это транскрипция греческого τρίτη, т. е. в третий год, очевидно, по счету индиктионами. Вслед за этим 45—49-е главы говорят об аварах и склавенах, не указывая дат.

Зная, что Иоанн не следовал строго хронологии, часто возвращаясь к уже сообщенному и не всегда излагая события в их хронологической последовательности, из указанного расположения глав нельзя сделать окончательного вывода. Но имея в виду, что третий год индиктиона будет соответствовать 585 г., из расчета 6074 г. греческого календаря соответствует 15-му индиктиону и 582 г. (год вступления на престол Маврикия) 6075 году — первому году индиктиона, и 583 г. 6076 году — второму году индиктиона, и 584 г. — третий год индиктиона соответствует 585 г. Отсюда следует,

---

[1] Theophanes. Chronographia, A. M. 6084, ed. De Boor, Lipsiae, 1883, p. 269.
[2] Theophylactus Symocatta, op. cit., VI, p. 5, ed. De-Boor. Lipsiae, 1887, p. 227, 228.
[3] Дьяконов, ук. соч., стр. 312, примеч. 40а.
[4] Bury, op. cit., II, p. 127.
[5] Theophylactus Symocatta, op. cit, I, 4, 1, 2, p. 46; I, 4, 7, p. 47.
[6] Theophanes. Chronographia, A. M., 6075, ed. De Boor, p. 253.
[7] Theophylactus Symocatta, op. cit., I, 4, 2, p. 46.

что если Иоанн не делал ошибок в летосчислении и 3-й индиктион соответствует 585 г., то это последняя дата, которая имеется в «Истории» Иоанна Ефесского. К этому году или к следующему (586) обычно относят и смерть Иоанна.

События 37-й главы датированы Иоанном 583 г., так как он указывает 894 г. селевкидской эры. А в 25-м рассказе Иоанн пишет: «до сего времени, до года 895» — по той же селевкидской эре, он, следовательно, писал в 895 г., т. е. в 584 г. Отсюда видно, что первые главы 6-й части «Истории» писались в 584 г., но автору были известны и события 585 г., иначе говоря — события первых трех лет царствования Маврикия. Поход аварского кагана, с которым были и славяне, на Анхиалос был подробно описан Иоанном. В достоверности его рассказа убеждает одно то, что он говорит, что сам был тогда в Константинополе, когда испуганное приближением полчищ к Долгой стене население столицы трепетало от страха. Из сказанного можно без особых колебаний отнести сообщение Иоанна Ефесского о нападении на Анхиал за счет факта, о котором сообщает и Феофилакт, не датируя его точным образом, но относя к началу царствования Маврикия, вслед за сообщением о его вступлении на престол. Феофан, как было выше указано, повторяет в сокращенном виде Феофилакта, но добавляет к его данным датировку, на основании которой поход следует отнести к 583 г. Не имея точной даты у Иоанна (= Михаила Сирийца), справедливо сохранить эту дату в виду того, что и Иоанн относит это событие к началу царствования Маврикия. Подтверждается присутствие славян в войске аварского кагана тем, что полководец Коментиол в следующем за походом году очищает от склавен окрестности Адрианополя и отгоняет их от Долгой стены.[1] Разорения, которые они причиняли, были следствием того, что требования посла Тафитая удовлетворены не были.[2] 584 г. и следующий 585 г. также заняты борьбой на Балканском полуострове, требующей напряжения от Византии, о чем говорят греческие авторы, прежде всего Феофилакт. У сирийских историков об этих походах и о нашествиях 595 и 597 гг. данных не сохранилось.

Известно и по другим источникам, что авары уступили под натиском тюрок. В данном источнике тюрки были побудительной причиной, заставившей аварского кагана возвратиться в Сирмиум, хотя давление тюрок на авар происходило в отдаленных от Дуная областях. Получив 8 кентенариев золота, варвары оставили Сирмиум.

Это последнее известие, которое можно с уверенностью отнести за счет Иоанна Ефесского в хронике Михаила Сирийца. Указывает на это прежде всего полное совпадение оглавления, сохранившегося у Иоанна Ефесского, с текстом Михаила. Первому, повидимому, не удалось написать заключительной главы к своему труду; по существу он остается не законченным, и его 49-я глава 6-й книги обрывается на событиях, которым ни в какой степени итог не подведен.

Из контекста Михаила Сирийца очевидно, что, начиная со слов «в то время», он приводит другой источник, который механически присоединяет к первому, т. е. к «Истории» Иоанна Ефесского. Этот второй источник, сообщающий о походах трех скифских братьев, требует особого анализа. Прежде чем к нему перейти следует остановиться на тех данных, которые сообщает Григорий Бар-Эбрей, писатель, использовавший Михаила Сирийца.

---

[1] Theophylactus Symocatta, op. cit., I, 7, 1, 3, p. 52. — Theophanes. Chronographia, p. 254, 3—13.

[2] Ю. Кулаковский, ук. соч., т. II, стр. 449.

В главе об XI династии своей «Истории» Бар-Эбрей излагает вкратце данные Михаила, уже однажды сокращенные этим последним из Иоанна Ефесского. Для Бар-Эбрея аварский каган уже становится хазарским, а нанятые ромеями анты — антиохийцами. Самое изложение кратко и не имеет достаточной ясности. Рассказ о трех скифских братьях повторяет и он. В анонимной сирийской хронике 1234 г.[1] этих сведений нет вовсе.

Псевдо-Дионисий Тельмахрский, переписавший Иоанна Ефесского, в своей 2-й части также не имеет этих сведений.

Михаил же Сириец излагает историю аваров, дважды приводя данные в той последовательности, в которой они ему встречались в «Истории» Иоанна Ефесского. Таковы глава 18 10-й книги[2] и глава 21 той же книги.[3] 18-я глава воспроизводит содержание сохранившихся у Иоанна Ефесского глав о движении аваров и склавен. 21-я глава излагает содержание несохранившихся глав и поэтому представляет интерес, как и конец этой главы, явно заимствованный из какого-то другого источника. В 20-й главе 10-й книги имеются две небольшие заметки, в которых сообщается об источниках Михаила Сирийца. Интерполятор, составивший вторую заметку, говорит, что она восходит к самому Михаилу. Но что заметка была переписана интерполятором, ясно из того, что он говорит о нем в третьем лице и называет его покойным. Первая заметка бесспорно составлена Михаилом. В ней он сообщает: «Иоанн Амидский, названный Асийским, начиная со времени Константина писал в 3-х частях до времени Маврикия, когда сам блаженный окончил свой путь».[4] Далее он говорит в первом лице о том, что использовал пятьдесят четыре истории о святых, составленные Иоанном. Речь идет о сочинении Иоанна «De beatis orientalibus», сохранившемся до настоящего времени. Вторая заметка имеет следующее содержание. «Захария Ритор в своем писании начинает со времени Феодосия до времени Юстина. Кир, священник Батнана, писал в Эдессе о времени Юстина до смерти Тиверия в 14 главах. Иоанн Амидский, называемый Асийским, начинает в своем писании со времени Константина, который построил Константин [ополь], и распространил свое писание в трех книгах, до времени Маврикия. Эти пять книг взял покойный патриарх Михаил и составил в своем писании до этих пор воспоминания о делах государственных и рассказы церковные».[5]

Источниками Михаила Сирийца были, следовательно, сирийская хроника Захарии Ритора и хроника Иоанна Ефесского, обе известные и дошедшие до нас. Что касается третьего автора — Кира Батнского, то сочинение его в четырнадцати частях или главах не сохранилось. Это было сочинение однотомное, что очевидно из дальнейшего указания на то, что Михаил использовал «эти пять книг». Иоанн Ефесский написал три тома, по одному тому приходилось на Захарию Ритора и Кира Батнского. Помимо этого, Михаил использовал хронологические сочинения, вернее синхронистические сводки Иакова Эдесского, «Иоанна отшельника, прозванного Литарбским»[6] и Игнатия Милитенского. Предполагать в этих хронологических сочинениях большие подробности не приходится, поэтому такого рода рас-

[1] Anonymi auctoris Chronicon ad annum Chr. 1234 pertinens, ed. Chabot, CSCO Sriptores Syri, Ser. III, t. 14. textus, Parisiis, 1920; Versio, Lovanii, 1937.

[2] Chronique de Michel le Syrien, editée par Chabot, t. 4, texte, p. 371; trad., t. 2, p. 346, 347.

[3] Michel le Syrien, op. cit., t. 4, p. 379; t. 2, p. 361.

[4] Michel le Syrien, op. cit., t. 4, p. 377.

[5] Ibidem.

[6] В тексте ошибочно стоит Yatreb вместо Литарб. Wright. Two Epistles of Jacob of Edessa, p. 1. Примечание Chabot. Michel le Syrien, t. 2, p. 357.

сказ, как сообщение о трех скифских братьях, едва ли есть основания, хотя бы и предположительно, отнести за счет одного из этих синхронистов. Возможно предполагать, что данные эти были почерпнуты у Кира Батнского, но против этого могут быть высказаны следующие возражения. Кир писал только до времени смерти Тиверия и был предшественником Иоанна Ефесского. Рассказ же о трех братьях помещен в сообщении о времени Маврикия, после окончания рассказа, изъятого из Иоанна Ефесского. Если этот рассказ вырван из Кира Батнского, то он, следовательно, перенесен в другое время, более позднее, а это предположить трудно, в таком случае и эта гипотеза должна отпасть и затруднение — за счет какого историка следует отнести упомянутую справку Михаила Сирийца — остается без разрешения. Интересно сопоставить с историей трех скифских братьев сходную традицию в китайском источнике Чжоу-шу о четырех братьях, связавших родственно-тюрок с гуннами. В различных названиях, как об этом говорят и сами источники, следует видеть названия племен, которые из соответствующей наивной потребности делаются братьями — предводителями этих племен.

Специально этим рассказом Михаила заинтересовался Златарский, а еще до него Маркварт.[1] Во всяком случае сообщение Михаила может быть поставлено в связь с аналогичным известием Агафия, писавшего во второй половине VI в. Агафий, сообщая о нашествии гуннов еще в эпоху императора Льва, говорит: «народы гуннов в древности жили вокруг Мэотийского озера, с восточной стороны, и находились севернее реки Танаис; как и прочие варварские народы, они сидели за (-внутри) горой Имаон, находящейся в Азии. Все они зовутся скифами и гуннами, отдельно же по племенам они (зовутся) котригурами, утигурами, ультизурами, а другие бургундами»[2]. Они и вообще, по мнению Агафия, имели и всякие другие имена на своей родине. Приходили они обычно к Эвксинскому понту, и в эпоху императора Льва Византия познакомилась с ультизурами и бургундами. Он тут же сообщает о переходе гуннов через Истр около 558 г. Это были котригуры под предводительством Забергана. Обо всех этих народностях Агафий говорит, как о выходцах из Азии и живших за горным хребтом Имаон. Еще в географии Птоломея под Имаоном подразумевался горный хребет Тянь-шань, по обе стороны которого жили упомянутые скифы и гунны, которых Агафий не разделяет. Он говорит о нападениях 376 г. и дает представление о направлении, в котором это движение гуннов происходило с востока к Меотийскому «болоту» и реке Танаис. Феофилакт Симокатта говорит о двух племенах — тарниах и котцагир, происходивших от народов вар (или Οὐὰρ — уар) и Χουννὶ гунну (ср. название вархонитов), которые «бежали» от тюрок и, прибыв в Европу, присоединились к «бывшим с каганом аварам»,[3] и относит это событие к 598 г.

Рассказ Михаила Сирийца о трех скифских братьях имеет, следовательно, общее с традицией греческих историографов, но с ней не совпадает. Приход скифских братьев в Европу отнесен Михаилом ко времени Маврикия, следовательно, между 582 и 602 гг. Конечно, источник напрасно полагает, что вселение «скифов» в Мезию и Дакию произошло с разрешения императора. Дело обстояло иначе, и только разрушительная сила их полчищ заставила Византию привлечь их на свою сторону. Самые факты представляются теми же, только несколько иначе изложенными. Что касается завоевания двумя другими группами прикаспийских

[1] Marquart. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge, p. 479—485.
[2] Agathiac historiarum libri quinque. V. 10 Bonnae,, 1828, p. 299—300.
[3] Theophylactus Symocatta, op. cit., VII, 8, ed. De Boor, p. 260.

областей со стороны Кавказа, то и здесь основные факты, сообщаемые Михаилом, всецело подтверждаются источниками. На основании заметки 555 г. в сирийской хронике Захарии Ритора известно, что племена гуннского происхождения, населявшие восточные части Прикавказья, примыкавшего к южнорусским степям, принимали христианство и что для них было переведено на гуннский язык писание. Факт, о котором говорит Михаил Сириец, что с приходом новой группы «скифов» они получили и новое название хазар, по имени Хазарига, может быть достоверным, так как имя хазар становится известным только в конце VI и в VII вв.

Вопреки Златарскому [1] сообщение Михаила Сирийца мне не представляется малоисторическим. Справедливо, что эти сведения не почерпнуты им у Иоанна Ефесского, но это не исключает вероятности того, что эта версия была им списана у другого, но вполне достоверного историка. Предположение Златарского, что это сообщение было заимствовано у псевдо-Дионисия Тельмахрского, совершенно отпадает, так как в настоящее время сирийский текст его истории напечатан, и известия об аварах, склавенах и т. д. в нем отсутствуют.[2] Хотя Златарский и говорит, что ему текст этого рассказа во многих случаях мало понятен, но мне это не представляется таковым. Примитивность изложения не является недостатком, а скорее достоинством изложения. Вопрос о том, откуда Михаил Сириец почерпнул этот рассказ, пока приходится оставить открытым.

Во всяком случае и для Прокопия гуннские племена, тревожившие Византию, концентрировались около Меотийского озера, у Танаиса, как он это повторяет неоднократно.[3] Но Златарский, который ищет болгар, каждую строку источника рассматривает с определенной точки зрения, почему краткая заметка Михаила Сирийца и не могла его удовлетворить. В двух последовательных работах Златарский рассматривает источники о гуннах, в которых он справедливо видит родственные болгарам народы.[4]

Не лишено интереса название Барсалия, которая лежала на Северном Кавказе и простиралась на юг до Дербента, а на север до рек Сулака и Терека.[5] В этой области несомненно жили аланы, которых и потеснили группы гуннских племен, принявших затем христианство,[6] о чем автору заметки известно. Исторический интерес представляет его сообщение о Каспийских воротах, под которыми подразумеваются Дербентские ворота. Источник применяет к ним название «ворот торайе» от обычного армянского названия этих ворот Чор, в греческом Τζούρ.

Подробность, что города Барсалии, ее укрепления были построены ромеями, отвечают действительности, так как укрепления в кавказских ущельях были возведены еще в римское время, а охрана их позже была предметом споров между Ираном и Византией, в общих интересах которых было создать на этой северной границе такое заграждение, через которое не могли бы проникать кочующие варвары.

Так заканчиваются в сирийских исторических сочинениях сообщения о склавенах и аварах.

---

[1] В. Н. Златарски. Извѣстието на Михаила Сирийски за преселението на българитѣ. Извѣстия на историческото Дружество въ София, кн. IV, 1915, 37—52.

[2] Chronicon anonymum pseudo-Dionysianum vulgo dictum. Ed. Chabot, Parisiis, 1927, I; 1933, II, CSCO, Ser. III.

[3] Procopius. De bello gothico, IV, cap. 5, p. 503—507.

[4] Златарски. История на българите. София, 1915. — Златарски. История на българската дьержава. София, 1918.

[5] Marquart. Osteuropäische . . ., p. 489, 490.

[6] В сирийской хронике Захарии Ритора приписка 555 г.

РУССКИЙ ПЕРЕВОД

ИСТОРИЯ ИОАННА ЕФЕССКОГО[1]

Книга вторая

Глава восемнадцатая

о том, что рассказывали в столице о католикосе города Довин, что находится в Армении Великой, Персидской и о прочих епископах, с ним бывших

Хотя мы и обещали писать только о том, что мы видели, и об испытаниях многочисленных, которым мы были близки и среди которых мы жили в течение всего времени, о котором сообщаем, теперь же нам показалось нужным привести заметку о воспоминаниях [ܐܬܪܥܝܬܐ] и о том, что не простыми и не ничтожными людьми было сообщено в присутствии многих в нашей столице ромеев о происшедшем в областях персидских. Хотя мы сами этого не видели и не знаем и засвидетельствовать истинность этого, как находящиеся далеко от мест, где это происходило, мы не можем, но каталикосом великим города Довина в Великой Армении, Персидской и прочими епископами, бывшими с ним, это было сообщено перед всеми. Когда они бежали, достигли и укрылись в христианском государстве, они были приняты победоносным императором с великой честью и с клятвою, в присутствии многих они сообщили о случившемся следующее.

Маги [ܡܓܘܬܐ],[2] которые являются и знатными [ܪܒܢܝܐ] персидского государства, узнали, что по приказу и желанию ромейского императора во всех областях и городах всей его державы он потребовал от всех, во всем его государстве, чтобы они подчинились и последовали его вере. Всех же тех, которые не послушаются и не подчинятся его приказу и его желанию, он приказал преследовать их, заключать, ограблять и, наконец, приговаривать к лишению жизни. И так как это действительно произошло во всех областях ромейских, то следует и нам — персам, чтобы это осуществилось и во всех наших областях, и обратить все религии, имеющиеся в нашем государстве, в нашу религию.

Глава девятнадцатая,

о том, что было сказано магами их царю Хосрою и [что было им] сделано

Тогда собрались все маги и сказали Хосрою своему царю: «Царь, здравствуй вечно! Вот мы узнали, что кесарь ромейский [ܩܣܪ ܪܘܡܝܐ ܗܘ]

---

[1] Перевод сделан с текста, изданного в Corpus scriptorum christianorum orientalium, Scriptores syri, series tertia, t. III. Iohannis Ephesini, Historiae ecclesiasticae, pars tertia, edidit E. W. Brooks. Parisiis, 1935.

[2] Магами сирийцы называли персидских жрецов.

от всех, кто находится под его державой [ܡܠܟܘܬܐ], требует, вынуждает и принуждает притти к его религии и вере. И многих во всех своих областях он принудил почитать свою религию, а всех тех, которые ему не подчинились, он изгоняет и гонит из своей державы. Пусть это прикажет и твоя божественность,[1] чтобы так было и в твоей державе, чтобы все религии пришли к твоей религии и все в твоей державе почитали то, что почитаешь ты. Те что осмелятся восстать против твоего приказа, жить не будут». Когда Хосрой царь услыхал это от магов, он согласился с их словами и принял их совет. Тотчас начал он с христиан и прежде всего послал взять трех епископов с многочисленным клиром, множеством народа и приказал им отречься от своей веры и почитать с ним огонь, солнце и прочие божества [ܐܠܗܐ ܕܢܘܪܐ ܘܫܡܫܐ]. Они же сопротивлялись и мужественно восстали против него. Они объявили и сказали: «Мы царства христианского, и бога, творца неба, земли, морей и всего, что есть в них, мы почитаем и чтим. И мы не оставим его, творца всего, чтобы поклоняться его твари. Не заблуждайся, царь! Над нашими телами ты властен и то, что ты желаешь, можешь с ними делать. Наши души же [принадлежат] ему и находятся в его руках, а у тебя над ними никакой власти нет». Когда царь услыхал все это и многое другое, достойное исповедания епископов, он приказал и тотчас их убрали [ܐܫܬܕܪ], и они умерли. Наряду со многим другим злом, причиненным им христианам, он разрушил множество монастырей и церквей, многих он связал и заточил. Сердцем он возгордился, хулил Христа, говоря: «Посмотрю-ка я, что мне сделает Христос, бог христиан. Я-то ведь не знаю ни кто, ни что он есть». Это и многое другое рассказывали эти епископы о том, что говорил и делал в то время персидский царь, до того как Армения подчинилась ромеям. По той же причине он приказал построить храмы огня во всей Персидской Армении.

Глава двадцатая

о] начале гонения царя персидского против христиан в Армении Великой и о прочем

«После всего этого», говорил католикос и бывшие с ним, «он [Хосрой] послал одного марзбана с 2000 вооруженных всадников, прибывшего прежде всего к нам, в наш город, доставив приказ построить там храм огня для почитания царя». Так рассказывал и говорил католикос: «Когда он показал приказ мне и горожанам, то я распалился ревностью и восстал против него, я со всеми горожанами. Мы сказали: «Хоть мы и рабы царя царей и платим ему подать, но мы христиане и в делах веры не подчиняемся, даже если нам придется умереть за истинность нашей веры. Ибо так было и во времена царя царей Шабора,[2] желавшего построить здесь храм, но жители собрались, и война длилась семь лет. Затем он установил закон и дал нам постановление, что вопрос о христианстве никогда больше не будет рассматриваться и исследоваться». Мы также показали ему и список [ܛܘܦܣ, τύπος] этого приказа царя Шабора. Но он не согласился с нами и, как было приказано, насильно приложил руку, чтобы очертить, углубить и заложить фундамент, и начал строить, совершенно

[1] Титул царя.
[2] Шапур.

готовый к (нашему) сопротивлению и войне. Хотя я многократно просил его, но он не послушался меня и не высказал мне внимания. Наконец, я послал [сообщить] во все места, всем жителям области. Когда они это услыхали, они распалились ревностью ради веры во Христа, собрались все, как один человек, около 10000 вооруженных для войны, чтобы жить или умереть ради Христа и не дать построить в их земле храм магизма и язычества». Когда собрались все богатые [ܪܝܫܐ] и главы [ܪܫܝ] земли, они отправились к марзбану, туда, где он начал постройку храма огня, и много говорили с ним; споря с ним, мы говорили: «Мы христиане, подчиненные царю царей, в делах же веры мы не можем подчиняться людям и не слушаемся. И даже если придет сам царь, прежде чем мы все не перемрем, никогда не будет построен языческий храм. Но без войны и резни уйди из [нашей] земли и пойди к царю, сообщи о нашем желании и относительно нашей веры. Он имеет власть приказать нам все делать, но пока мы все не умрем, мы не допустим, чтобы был построен храм магизма в нашей земле».

После того как многое они изложили друг другу, марзбан, как ему было приказано, приготовился к строительству. Он спорил с жителями и указывал им, говоря: «Смотрите, вы восстаете против приказа царя царей и вы его оскорбляете. Он может наказать вас злой смертью. Смотрите, что вы такое делаете». Когда марзбан увидел их решительность и настроенность против него и увидел также их мощь по сравнению с собою, он ушел, гневаясь и угрожая им. В великом гневе он отправился и сообщил все это царю; тот, когда узнал, возгорелся гневом, жестоко рассердился и обрек на смерть всех жителей [этой] области. Он послал на войну против них марзбана с 15 000 и приказал, если они будут сопротивляться его приказу, уничтожить их и построить там храм [ܒܝܬ, ναός] огня. Когда жители области узнали об этом, они собрались как один человек [в количестве] 20000, готовые к бою, чтобы биться за свое христианство до смерти. Когда те прибыли и расположились против них для боя, эти призвали имя господа Иисуса Христа и выступили на них. И смирил их Христос перед жителями области, и они перебили всех их, до одного человека. Они убили и марзбана, взяли его голову и отправили ее патрикию Юстиниану, жившему в то время на границе, в городе Феодосиополе».

Все это и прочее, что произошло в дальнейшем, слишком пространно для рассказа и сообщения.

Глава двадцать первая

о том, что произошло после этого в отношении Хосроя в Персидской Армении, как [жители] ее отпали от него и подчинили всю землю ромеям

Когда все это произошло и вся область Великой Армении увидела, что разразилась против них трудная война с нечестивым персидским государством, собралась вся область целиком, в качестве христиан. Они испугались и искали убежища у христианского государства, говоря: «Отныне мы рабы христианского государства и мы бежали, чтобы укрыться в ромейском государстве, чтобы спастись от свирепости магизма». Это и многое другое рассказывали католикос и прочие, бывшие с ним епископы перед нашими милостивыми императорами и всем сенатом (ܥܡ ܟܠ ܣܘܢܛܘܣ],

из чего только немногое я начертал для памяти. Затем о военных битвах и великом уничтожении бывших там в то время рассказывали они, и как затем вновь напали войска друг на друга, и что много раз были побеждены персы и от них были отняты слоны. Но так как всех этих (сообщений) много, мы в настоящее время оставим их в стороне.

Глава двадцать вторая

о том, что было рассказано католикосом и бывшими с ним и о прочем

Все это и еще многое другое в нашей столице ромеев было рассказано католикосом Довина, что [находится] в области Персидской Армении, им самим, епископами и многими свободными [ܚܪ̈ܝܪ̈ܐ ܒܪ̈ܝܟ̈ܐ], бывшими с ним, в присутствии многих. Когда прибыл он, прочие епископы и [некоторые] из знатных [ܪ̈ܫܝ̈ܢ ܡ̈ܢ] армянской земли с ним, все они были приняты с великой честью и получили царские подношения и подарки. Всем, которые прибыли с ним оттуда, были даны большие чины [ܪ̈ܫܝ̈ܢ ܪ̈ܫܘ̈ܬ̈ܐ], богатые дома, крепкие царские дворы. Тем же, что были в [своей] земле, было послано много золота и чины [ܪ̈ܫܘ̈ܬ̈ܐ], а также оставление [податей] на три года от императора ромеев. Было приказано, чтобы они оказывали помощь тем, что сражаются из-за них и из-за всей армянской земли с персами. Когда они захватили землю, долгое время спустя, много раз склонялся народ магов перед христианами, восставшими против них. Длилась эта война в течение шести лет. О дальнейшем мы сообщим в свое время немногое из многого [известного].

Католикос через два года умер в столице и не вернулся в свою землю.

Глава двадцать третья

о том, как сначала, когда армянские епископы прибыли в столицу, по простоте шли и приобщались в церкви синодитов

Сначала, когда прибыл католикос Армении и с ним прочие епископы и знатные, как людей, бежавших из нечестивого и языческого государства магов и прибывших укрыться в христианском государстве, когда они только приехали, их весьма почитали. Не расспрашивая, они пошли приобщаться с патриархом города, без достоверного рассмотрения, не беспокоясь по поводу разделения и споров, которые были во всех церквах ромейских земель, из-за порчи [= ереси] собора, бывшего в Халкедоне. Когда об этом услыхали в их земле, разгневались на них прочие епископы и все жители и написали им резко, но время требует, чтобы мы обошли это молчанием. Поэтому они разделились, отделились и образовали сами по себе общину в одном из больших дворов [ܒܝܬܐ], где жил один из их знатных. Там собиралась многочисленная община после смерти их католикоса.

Глава двадцать четвертая

о том, что случилось потом, когда армяне не подчинились, и о том, что мы отложим и оставим сообщение этой истории, так как она чрезвычайно обширна

Мы видим, что многое из того, что случилось в наше время и в наши дни, особенно же теперь, превосходит размеры написанного, особенно то, что

[произошло] после того, как подчинилась Персидская Армения ромеям, что было в 880 г. Александра.[1] Из-за этого со всех сторон возникли длительные и частые войны, ужасающее уничтожение и потоки множества крови. Так, маг,[2] в хитрости своей поднялся вновь и напал на ромейские войска в Армении, полагая уничтожить и погубить их. Когда он не смог этого сделать, он повернул и отправился в ромейскую Армению, надеясь осадить и захватить Кесарию Каппадокийскую. Но войска окружили его, удержали и перед Каппадокией напали на него, совершенно лишили его славы, и он повернулся посрамленный. Если бы военачальники были согласны друг с другом, он не вернулся бы и живым. Император ромейский вновь обогатил Армению подарками, дарами и войском, так что опять вся Персидская Армения отдалась, была осаждена и взята ромеями. Много раз они торжествовали, побеждали и попирали другие народы, которые они присоединяли. Но затем дурным управлением начальников [ܒܫܘܠܛܢ ܕܪܫܐ ܕܡܐܬ ܐܠܦ] или потому, что они многократно прогневляли бога, когда их было числом не менее 100 000, все это ромейское войско испугалось и бежало посрамленное, теряя оружие и коней от одного презренного марзбана, с которым было едва 30 000 [войска]. После этого выдвинулся и усилился перс, взял и захватил всю Армению. Но вся страна потребовала, чтобы он дал слово, и он дал его им.[3] Возвратились и подчинились ему все [жители] области, за исключением тех, что находились в Константинополе за семь лет до этого, восстали против него и боролись с ним. После этого вновь были посланы знатные послы от обоих государств, чтобы выяснить события, происшедшие между обоими государствами, а также договориться относительно мира. Так это и было. Больше года они заседали,[4] говорили, рассуждали, рядили друг с другом и ничего не решили. Сначала перс требовал, чтобы ему было дано золото, и тогда он заключит мир. Против этого император ромейский мужественно восстал, говоря: «Он требует от нас золота, как будто от тех, кто боится и подчинился ему. Но пусть он знает, что до сих пор он не получил ни одной драхмы [ܕܪܟܡ — μνᾶ] от нас и, пока мы живы, не получит. Если он не будет действовать с честью, достойной обоих государств, мы не заключим с ним мира». Наконец, перс с этим согласился, но ничего из этого не вышло.

Многое другое, подобное этому, о чем и многие книги не могли бы сообщить, и прочее о войнах мирских и церковных, благодаря их многочисленности, мы оставляем (в стороне).

Глава тридцатая

о том, что были разрушены церкви православных [5] во время гонения синодитов, [6] а спустя немного времени и те церкви, которые принадлежали синодитам [были разрушены], как бы по решению справедливости, так как варварами во всей Фракии, до стены, были разрушены и разбиты алтари церквей

Те, что имели власть светскую или церковную, выбрали и высмотрели себе — разрушать дома собраний [ܒܝܬ ܟܢܘܫܝܐ] верующих и разбивать их алтари. Немного времени спустя варварский народ, который по воло-

[1] 569/570 н. эры.
[2] Магом или персом автор называет Хосроя.
[3] Речь идет об обещании не строить храмов огня в Армении.
[4] Буквально: «сидели друг против друга».
[5] Автор подразумевает монофизитов.
[6] Сторонники Халкедонского собора.

сам своим называется аварами [ܐܒܪ], когда они готовились и шли на город [столицу] до внешней стены, они грабили все церкви, во всей области Фракии. Перед ними бежала вся область, алтари они ограбили и разрушили, вырвали их чаши [ܟܝܒܘܪܝܘܢ, κιβώριον, ciborium] и дошли до стены города.[1] Тогда некоторые люди поняли праведный суд и говорили: «То, что причиняли некоторые из наших сторонников тем, которые не были с нами согласны, было несправедливо. Их церкви были разрушены, а вот что нам причинил в гневе бог, разрушены и опустошены и наши церкви». По этому поводу всякий удивлялся и славил бога, воздающего каждому по делам его.

Книга третья

Глава двадцать пятая

о бедах, многочисленных войнах, окружавших царя Тиверия, когда он был еще кесарем

С тех пор, как кесарем стал милостивый Тиверий, при жизни императора Юстина, так как сам Юстин был в бедственном [положении] из-за различных болезней, кесарь сам вел войны, происходившие со всех сторон, как борьбу против персов и с прочими варварскими народами, восставшими против мощной ромейской державы. Ему угрожали со всех сторон, а после смерти Юстина еще больше восстали против него, особенно же проклятые народы склавены и те, что по волосам своим называются аварами [ܐܒܪ]. Особенно, когда он стал автократором, ему не дали вздохнуть и малое время от сообщений и слухов, которые с разных сторон множились около него. Многие из знатных [ܪܒܢܐ] и из малых [ܙܥܘܪܐ] сочувствовали ему, говоря: «В тяжкие бедствия, в трудные дни досталось этому государство. Днями и ночами он находится в борьбе и в заботе, чтобы собирать отовсюду войска и посылать их во все стороны на многочисленные войны».

Глава сороковая

о Мундаре бар Харит и обвинениях против него[2]

Когда на востоке войсками командовал комит Маврикий, он сговорился с Мундаром, царем арабским, что они вместе перейдут в пределы персидские. После того как они продвигались в течение нескольких дней и достигли [места] против Бет-Арамайе, где находится город царя персов, они нашли перед собою сломанным мост, так как [персы] предполагали, что они переправятся и осадят столицу. Тогда [Маврикий и Мундар] поссорились между собою, так как Маврикий полагал относительно Мундара, что это он послал к персам предупредить их, и они разрушили мост. И затем, когда вражда и ссора завязались между ними, они возвратились, ничего не сделав. С того времени они начали писать императору Тиверию друг против друга. Император всячески старался их примирить, но так как он этого не смог сделать, то Маврикий отправился к импертору и оговорил его [Мундара] зло и тяжко. Император принял его (слова) и сильно разгневалсяна Мундара и стал помышлять, как его обмануть и как сделать, чтобы его схватили и доставили в столицу. Тогда Магна сириец, куратор, так как он был другом Мундара и его патроном и (Мундар) надеялся на него, что он устроит

[1] До Константинопольских стен.

[2] Анализ исключительно ценных сведений об арабах, сообщенных Иоанном Ефесским, в связи с другими источниками, относящимися к их истории, дан мною в статье «Арабы VI в. по сирийским источникам». Труды второй ссесии арабистов.

его защиту перед императором, желая понравиться императору, сказал ему: «Если ты прикажешь, я доставлю его тебе связанным». Император обрадовался и послал (Магна). Получив приказ, он отправился на восток, в селение называемое Хеварин [ܚܘܪܝܢ], которое он устроил, как город, окружив его стеной и построив в нем храм. Он отправился под предлогом его освящения и взял с собою и патриарха антиохийского, для того чтобы еще более ввести в заблуждение Мундара относительно своего приезда. Затем с хитростью он послал [сказать] Мундару: «Так как я пришел для освящения этого храма и у меня был тягостный путь, то не я приду почтить тебя, но, так как я желаю осведомиться о твоем здоровье, я прошу тебя тотчас притти ко мне, не беря с собою большого количества войск. Я прошу тебя, чтобы ты пробыл у меня несколько дней и мы отдохнули вместе. Но не делай больших дорожных расходов с большим войском, но приходи с немногими».

Глава сорок первая

о приезде Мундара к Магну, его захвате и о прочем

Когда Мундар получил от Магна это приглашение, он обрадовался и тотчас, без промедления, доверчиво, как к любимому другу, отправился к нему без большого войска. А тот, чтобы не было открыто его злое предательство, принял его радостно, приказал устроит пиршество и сказал: «Отпусти тех, кто пришли с тобою». Мундар сказал ему: «Вот как ты приказал, я не пришел с большим войском, но когда я буду возвращаться, я не могу ехать без войска, хотя бы и малого». Магна сказал ему: «Отпусти их, а когда ты поедешь, я пошлю за ними и они придут». Но Мундар, так как он был муж большого опыта, то ему это дело не понравилось, и он начал бояться. Он послал к своему войску, чтобы они немного отдалились и ждали его. Когда они были отпущены, Магна приказал войску, которое было с ним, тайно приблизиться, а также и дуксу, которому было приказано быть при Магне. Затем в вечернее время он начал говорить ему [Мундару]: «Господин патрикий, тебя оговорили перед царем, и он приказал тебе притти к нему, защититься и убедить его, что неправда то, что возведено на тебя». Тогда Мундар ответил ему говоря: «После всех этих моих трудов, я не думаю, чтобы было правильно возводить на меня обвинения. Хотя я и слуга [раб — ܥܒܕ] императора, но нельзя требовать, чтобы я пришел; особенно в это время я не могу покинуть мой лагерь [мою хирту] так, чтобы не пришли персидские арабы, не полонили жен и детей и не захватили все, что я имею». В это время показалось ромейское войско, которое было вооружено. Разгневался на него Магна и сказал: «Если ты не пойдешь по своей воле, я наброшу на тебя цепи, посажу тебя на осла и так я отправлю тебя». Тогда ему стала ясна его хитрость, и он увидал, что он лишился своего войска. [А Магна] схватил его и отдал ромейскому войску, чтобы они его стерегли. Так он был унижен и потоптан, как лев пустыни, загнанный в пещеру. Когда его войско это узнало, оно окружило лагерь и приготовилось поджечь его; но когда они увидали, что ромеи появились и приготовились к битве, они удалились. Его же окружили ромеи, повлекли его, чтобы повести с многочисленной стражей, и привели его в столицу. Когда он прибыл, император приказал, чтобы он жил там, где жил прежде, и положил ему и тем, что были с ним, содержание [ܐܢܠܘܡܐ — ἀνάλωμα]. И так он оставался, не будучи принятым. При нем были одна его жена, двое сыновей и одна дочь.

Глава сорок вторая

о четырех сыновьях Мундара и о том, что они сделали

Четыре сына Мундара, особенно же старший, по имени Нааман, муж мудрый и боеспособный более Мундара собрали свои войска и напали на лагрь Магна, который также отправился к императору. Без того, чтобы брать в плен и убивать людей или жечь, они ограбили и забрали все — золото и серебро, медь и железо, всю одежду из шерсти и из полотна, зерно, вино и масло. Они захватили все стада скота всякого рода, которые попали в их руки, всех волов, стада баранов и коз. Надвинулись войска арабов и ограбили все деревни Аравии [ܐܪܒܝܐ] и Сирии [ܣܘܪܝܐ], бесчисленное множество имущества и добычи. Они удалились в глубь пустыни, разбили там большой лагерь [ܡܚܝܡܐ] и делили добычу, будучи бдительными, готовыми к битве и оберегаясь со всех сторон. И вновь они выходили, грабили, обирали и уходили в пустыню, так что в страхе перед ними была вся восточная область до моря, [люди] бежали в города и не осмеливались появляться перед ними. Когда же начальники области [ܪܫܝܟܐ ܕܡܕܝܢܬܐ] и главнокомандующие [ܪܫܝ ܫܠܝܚܐ ܕܓܝ] послали к ним [сказать]: «Для чего вы все это делаете?» — послали и они [сказать]: «Зачем император взял в плен нашего отца, после всех этих трудов, побед, подвигов, которыми он за него потрудился и был удручен? Он прекратил нам анноны [выдачу аннон ܡܢܝܬ ܡܙܘܢܐ], и нам нечем было жить и поэтому мы были вынуждены так поступить, но мы не убивали и не жгли». Наконец, они отправились на город Бостру, обложили его и сказали [жителям]: «Отдайте нам оружие нашего отца и прочее из его царских вещей, которые у вас. Если же вы этого не сделаете, то мы вырвем, сожжем и убьем все, что мы сможем в вашем городе и во всей вашей области [ܒܝܬ ܡܕܝܢܬܟ]». Когда услыхал это дукс [ܕܘܟܐ], который был мужем именитым и осведомленным, он разгневался, собрал все войско и выступил, презрев их, как арабов. [Последние] построились против него, превзошли его и убили его и многих из его войска. Когда жители города увидели то, что они наделали, они послали им [сказать]: «Прекратите [действовать] мечом. Ваше мы отдаем вам, примите с миром». Так они вынесли им вещи их отца. Они взяли их и возвратились в пустыню, в свой лагерь. Что касается грабежа и разбоя, то они не оставляли их в течение долгого времени.

Глава сорок третья

о вторичном приезде Магны и о смерти, которая его там постигла и прекратила его хитрости и злодеяния

Когда Тиберий услыхал относительно сыновей Мундара, он весьма разгневался и снова обратно послал Магна, чтобы тот сделал брата Мундара царем арабов вместо него, а сыновей Мундара, если может, хитростью или обманом, в восстании или в бою подчинил и захватил. Также было приказано судьям городов и дуксам с большим войском итти с ним. Таким образом, он отправился с большим торжеством и сначала поставил брата Мундара царем. . . , который через десять дней умер и затем. . .

[*Здесь текст обрывается, отсутствуют конец третьей и начало четвертой книги*].

Книга шестая

третьей части эклезиастики, содержащая вкратце повествования о войнах

Оглавление шестой книги повествования о войне

Глава первая о начале этой книги.
Вторая о войне патрикия Маркиана и о том, что с ним случилось впоследствии.
Третья о причине гнева императора на Маркиана.
Четвертая о том, что было написано императором Маркиану и Мундару.
Пятая о походе персидского царя и о взятии им Дары.
Шестая о пленении Апамеи и прочем.
Седьмая о двух тысячах девушек, которые утопились.
Восьмая о кратком мире, который был, и о войне Хосроя.
Девятая о войне в Каппадокии и о сожжении Мелитены.
Десятая о том, что случилось затем с ромеями в Армении.
Одиннадцатая о персидских армянах, которые предали себя ромеям.
Двенадцатая о ромейских послах и персидских и их переговорах.
Тринадцатая об опустошениях, которые тотчас произвели персы.
Четырнадцатая о комите Маврикии и о прочем.
Пятнадцатая о том, что впоследствии было совершено Маврикием.
Шестнадцатая о Мундаре бар Харит и Маврикии.
Семнадцатая об опустошении, произведенном персидским марзбаном.
Восемнадцатая о победе Мундара.
Девятнадцатая о том, что сделали с пленными в Антиохии.
Двадцатая о смерти Хосроя, царя персидского.
Двадцать первая о сожалении Хосроя, что мир был нарушен.
Двадцать вторая о сыне Хосроя, воцарившемся после него.
Двадцать третья о том, по каким причинам был нарушен мир.
Двадцать четвертая о гнусном народе, называемом аварами, и о мосте, который они построили.
Двадцать пятая о гнусном народе — склавенах — и об опустошениях, произведенных им.
Двадцать шестая о битве персов, бывшей у города Теллы.
Двадцать седьмая о Маврикии, бежавшем с битвы.[1]
Двадцать восьмая о битве, бывшей в Армении, и о победе Куриса.
Двадцать девятая об одном персидском самозванце, который выдавал себя за царского сына.
Тридцатая о большом городе Сирмиуме царства гепидов, который силой взяли авары.
Тридцать первая о путешествии спафария Нарсеса.
Тридцать вторая о том, как, наконец, не произошло того, на что надеялись, и город Сирмиум был отдан этим варварам.
Тридцать третья о пожаре Сирмиума, бывшем после того.
Тридцать четвертая о перечислении многих битв и, наконец, о битве Маврикия и пленении Арзуна.
Тридцать пятая о другой крепости, построенной Маврикием против Софены, называемой Шамкерт.
Тридцать шестая о другой крепости, называемой Акба, которая находится на Каллате в персидской земле.
Тридцать седьмая о персидских послах, посланных в это время к нашему императору ромеев.
Тридцать восьмая о путешествии ромейских послов для переговоров с царем персидским о мире.
Тридцать девятая о персидских послах, которые были вновь посланы к ромейскому императору.
Сороковая о многочисленных опустошениях, которые производили оба государства друг у друга, в течение долгого времени.
Сорок первая об усилении и затем падении главенства ромейских арабов.
Сорок вторая о тех из шейхов [ܫܝ̈ܚ̈ܐ] арабских, которые отправились и предали себя персам.
Сорок третья об известных людях [ܝ̈ܕ̈ܥ̈ܐ] из персидских марзбанов, которые были схвачены, посланы и заключены в столице.

[1] В оглавлении ошибочно говорится о бегстве Маврикия.

Сорок четвертая о другой войне третьего года [Маврикия] и победе, которую даровал бог ромеям.
Сорок пятая о гнусном варварском народе, который по их волосам называется аварами.
Сорок шестая о том, как вышли авары и захватили богатые города и многие крепости.
Сорок седьмая о страхе и ужасе, которые были в Константинополе, когда и мы там были.
Сорок восьмая о покорении и разорении страны славян.
Сорок девятая об опустошении города Анхиалоса и о его термах.

Рассказ первый

о начале этой книги

Нам не показалось неподходящим или ненужным присоединить к церковным историям краткие воспоминания о войнах, бедствиях, опустошениях и кровопролитиях, которые были в наши дни, для сведения тем, которые будут жить после нас, если будет еще существовать мир. Мы опишем и сообщим, насколько сможем и как понимаем, и то, о чем мы слышали. Вспомним также слова и поученья, полные жизни нашего спасителя, которые поучают нас, убеждают и свидетельствуют о последней кончине мира и о времени его пришествия, гласящие: «Смотрите, когда все это случится, знайте, что пришествие при дверях». Вот мы видим, что в наши дни все это случилось и исполнилось. Ныне справедливо ожидать страшного пришествия с великой силой и многой славой.

Рассказ второй

о войне патрикия Маркиана и о том, что с ним случилось впоследствии

Здесь следуют краткие заметки относительно того, что случилось в восточных областях. Мы начнем наше повествование со славного патрикия Маркиана, родственника императора Юстина, бывшего одним из полководцев, посланных в то время на восток. Он воспылал ревностью к христианскому государству, собрал войско, отправился и обложил город Низибию, которым все еще владели персы. С великой силой осадив его, с тем, чтобы захватить, он построил вокруг города вал [ܦܠܓܐ], а так как с ним были и механики, то он установил на нем механизмы высоких башен и мощные оплоты. Город был в опасности, и жители с войском персидским, которое было в нем, отчаялись сохранить свою жизнь, когда увидали, что он почти взят ромеями. В то время как те, что были внутри города, были испуганы, те, что были вне его, намеревались захватить город и опустошить его. Все ромеи надеялись и готовились войти в город, но императором Юстином был послан к Маркиану некий грубый муж, по имени Акакий Архелай, для того чтобы без основательной причины отрешить Маркиана от власти, срезать с него пояс [ܙܢܪܐ] и выслать из восточных провинций. Прибыв, он тотчас показал приказ, в то время, когда Маркиан с войском вели нападение на Низибию и надеялись, что на следующий день они войдут и возьмут город. Все войско ужаснулось и опустило руки, так как славный Маркиан усердно готовился и близко было взятие Низибии. Когда он услыхал приказ, он сказал Акакию: «Вот ты видишь, в какие затруднения мы попали, чтобы взять этот город. Теперь потерпи и предоставь нам только два дня, а тогда сделаешь то, что тебе приказано. Император властен требовать, чтобы то, что он приказывает, выполнялось». Акакий же рассердился на него, бранил его и гневался, повис на нем перед всем войском, таскал его туда и сюда, бросил его, срезал с него пояс, ругая его и даже, как рассказывали, нанес ему удар. Из-за

этого все войско взволновалось, и опустились руки у всех полков. Видя происходившую мерзость, проклиная, они взяли склонили стяг [1] и повернули его вспять. Затем все войска бежали, повернули обратно и удалились от города, огорченные, жалуясь на то, что случилось с их главой, мужем добрым и верующим, а также на то, что, когда они надеялись войти и взять город, им пришлось повернуть обратно, тогда как враги их не преследовали, и они стали посмешищем и презрением для ненавидящих их. Но когда персидское войско, которое было в городе, увидело распадение, внезапное обращение вспять ромеев и стяга Маркиана, они удивились, укрепились, вооружились и стали их преследовать. Они напали на войска пехоты, которые остались позади, уничтожили и побили многих из них. Так они вернулись в свой город, смеясь и издеваясь над тем, что из-за них случилось с ромеями. Они тотчас написали и сообщили все своему царю, говоря: «Удалось это сделать и победить ромеев, потому что великие боги — солнце и огонь привели к этому. Из-за приказа своего же императора они напали друг на друга, и несправедливо был отпущен Маркиан, а все остальные бежали и ушли себе прочь от нашего города».

Рассказ третий

о причинах гнева императора на Маркиана из-за Мундара, царя арабского

Для последовательности и для порядка в следовании рассказов друг за другом необходимо знать ясно и достоверно причину гнева императора Юстина сначала на Мундара бар Харит, потом из-за него на Маркиана. Несправедливо и без достаточного основания Юстин разгневался и дал приказы относительно обоих, но мы не знаем точно — на каком основании. На Мундара он разгневался по следующей причине. Перед Харитом, царем ромейских арабов, все персидские арабы находились в трепете и страхе великом; когда они узнали, что он умер, то они презрели и пренебрегли всеми его сыновьями, его знатными и его войском и полагали, что именно теперь попадет им в руки весь его лагерь. Тогда они собрались, отправились и вторглись в области семьи Харита [ܒܝܬ ܚܪܝܬ], где были все их стада, и забрали все табуны верблюдов. Когда об этом узнал Мундар, он очень разгневался, распалился жестоким гневом, взял всех своих братьев, сыновей, знатных, все свое войско и внезапно напал на них, когда те совершенно не ожидали, что они отважатся предстать перед ними. Они уничтожили и истребили их. Когда их царь Кабос увидал ужас опустошения, произведенного Мундаром и его войском, что они пришли, заняли господствующее положение и уничтожили почти все войско, то он уехал с немногими. Они обратились в бегство и бежали ни с чем. Мундар отправился и поселился в своей палатке. Он поднял выше [2] весь свой лагерь, имущество и все свои табуны. Он схватил и связал своих родственников и некоторых из знатных, а прочее уничтожил и забрал. Он отправился и разбил свою палатку в области Кабоса, в трех днях пути,[3] там, где были все стада и все имущество персидских арабов. Он оставался там долгое время. Когда пришли лазутчики [4] Кабоса и увидали палатку, раз-

---

[1] ܣܡܝܐ — τὸ βάνδον, σημεῖον, Banner (Sophocles. Greek Lexicon. Cambridge, 1914, p. 296).

[2] Очевидно, выше в горы, где безопаснее.

[3] ܡܢܣܝܘܢ — латинское слово mansio — statio itineris.

[4] ,ܡܣܦܩܪ — speculator.

битую в области Кабоса, они подумали, что в ней находится их царь Кабос; они доверчиво вошли и проникли в лагерь Мундара. Их схватили и убили, а самых известных из них связали. После того как они [византийские арабы] пробыли там известное время, сколько они пожелали сами, они вернулись оттуда с большой добычей, лошадьми, многими табунами верблюдов, оружием и прочим. Через некоторое время Кабос отправился, собрал большое войско и послал Мундару сказать, чтобы тот принимал войну. «Вот мы придем к тебе, ибо если ты и нападаешь на нас, как разбойник, и кажется, будто бы ты нас победил, так вот теперь мы открыто идем войной на тебя». Мундар же послал им сказать: «Из-за чего вы сердитесь, а вот я и сам приду». Он решился, приготовился и сделал дело соответственно слову. Встретив их внезапно в пустыне, когда они этого не ожидали, они напали на них, привели их в смятение, уничтожили многих и снова обратили их в бегство.

Так как и в предшествующее время, при других обстоятельствах, мы упоминали об этом, то и теперь мы сообщим о том, что произошло несправедливо и какой обман был подстроен Мундару, после большой славы и этой великой победы в двух войнах. Так как Мундар ожидал, что император его примет и похвалит, то он написал ему обо всем, что он сделал, и о своей победе. После этого он еще написал ему, чтобы он послал ему золота для оплаты войска, полагая, что все они вновь соберутся против него. Когда император Юстин услыхал, что он написал ему относительно того, чтобы он прислал ему золота, он рассердился, сильно разгневался, бранился, жестоко угрожал ему и задумал убить его тайно, хитростью.

Рассказ четвертый

о том, что было написано от императора Маркиану и Мундару

Император Юстин, исполненный как бы неким духом противоречия, написал письмо к патрикию Маркиану, втайне надеясь, что он убьет Мундара. Он написал ему так: «Вот я написал арабу Мундару, чтобы он пришел к тебе. Смотри, чтобы он сразу пришел, сними с него голову без промедления и напиши об этом нам. Мундару же я написал, что по некоему необходимому делу я написал патрикию Маркиану, чтобы он переговорил с тобою, поэтому без промедления отправляйся к нему и переговорите о деле». Как всякому человеку теперь известно, как бы неким действием божиим дело это было изменено и на приказе к Маркиану, чтобы он снял голову Мундару, было написано имя Мундара, а на том письме, что было к Мундару, было написано по ошибке имя Маркиана. Так магистриан получил оба приказа, вышел и доставил эти приказы лицам, к которым они были написаны. Так случилось, что Мундар получил приказ снять с него голову, который был обращен к Маркиану, а Маркиан получил мундаров, в котором было написано — «отправляйся к Маркиану, я написал ему, чтобы он переговорил с тобою». Когда Мундар получил приказ и прочел его, он сильно взволновался, говоря: «За мои труды и тягости за ромейскую землю я вознагражден тем что с меня хотят снять голову. Разве я это заслужил?» Он исполнился гнева, собрал все свое войско и предложил ему быть на стороже, говоря: «Если вы увидите тех, что император ромейский послал ко мне, то если их немного, схватите их и стерегите их вне лагеря. Если же их много, то тотчас в битве противьтесь им настойчиво. Не слушайтесь того, что они вам будут говорить и не давайте им приближаться к месту собрания лагеря». Так ночью и днем собравшись стояли

вооруженными все роды арабов, настороженные и готовые к бою с кем бы то ни было, кто придет к ним от ромеев. Когда об этом услыхали персы и персидские арабы и узнали, что опасаться им Мундара нечего, что он не будет стараться в войне ради ромеев, которые желали его убить, то они совершенно приготовились, для того чтобы им отправиться — и персам, и арабам — в ромейскую землю. Уничтожая и сжигая, они достигли пределов антиохийских, захватили много пленных, опустошили, разрушили и сожгли в антиохийской области и других много селений, таких же больших, как города. Они полонили и разрушили все эти области и возвратились в свою землю с большой добычей. Мундар же был огорчен и опечален хитростью, которая была ему подстроена, разрушением, которое произвели враги, и тем, что они обогатились в ромейской земле. Сам он взял свое войско, отправился и поселился в пустыне. Все те, которые услыхали о несправедливости, которая была без основания причинена ему, были весьма недовольны, осуждали и жаловались на то, что это было приказано без рассуждения и без справедливого суда. Когда император услыхал об этом со всех сторон и узнал также, что Мундар избавил себя от всякой заботы за ромейские земли, он послал к главам [ܪܫܝ̈ܐ] и военачальникам [ܓܕ̈ ܣܛܪ̈ܐ] на Востоке, чтобы они пошли к нему, убедили его и примирились с ним. Так как многие посылали к нему, желая притти к нему, он послал сказать каждому из них: «Да будет вам известно, что всякого мужа из ромейских пределов, который придет ко мне, я встречу войной, или он убьет меня или я убью его. Горе мне, если когда-нибудь еще доверюсь мужу из ромейских пределов. Моя голова взята от вас и от вашего царя, в этом я превзошел ромеев». Так в течение двух или трех лет ему писали много просьб, но он не допускал ничьего прихода, послав приказ, который показывали всем. На Маркиана же император был в гневе за то, что Мундар жив и бежал и достиг того, что открыл и выяснил секрет, а предполагаемое дело не осуществилось. Всякому человеку было ясно, что хитростью, лукавством, без богобоязненного решения был вынесен ему этот приговор. После того как царь Мундар был так разгневан, он противостоял со всем своим войском, со всей настороженностью и осторожностью, против всех знатных и войск ромейского государства в течение времени около трех лет. Как муж христианский, он был, однако, огорчен за ромейскую землю и исполнился гнева на персидских арабов за то, что они осмелились пройти с персидским войском до Антиохии, уничтожать, жечь, брать в плен и возвратиться в свою страну с большой добычей и бесчисленными пленниками. Он склонился к примирению и к борьбе за ромейское государство. Действительно, через многих знатных ему были посланы писания императора, в которых император отрицал свою вину и говорил, что без его ведома было написано о Мундаре, чтобы его умертвили. Он же остался при своей осторожности, не дал себя убедить, не принимал писаний и никого из тех, что были посланы к нему, готовый к бою против всякого, кто осмелится приблизиться к месту собрания лагеря. Наконец, он послал к патрикию Юстиниану, сыну Германа, который был главой и повелителем над всеми полководцами ромейских войск, что были на Востоке.[1] Он послал сказать ему следующее: «С самого начала я слыхал и знал о коварстве ромеев, теперь же я познал в действительном опыте это смертоносное коварство, которое за мои труды проявлено ко мне. Отныне я никогда не решусь доверить себя одному из ромейских глав. Тебя же, как мужа христианского, благородного, богобоязненного, я знаю; если

[1] Magister militum per Orientem.

ты придешь к храму блаженного мар Саргиса в Ресафе и пришлешь мне сказать, то я приду туда со своим войском, вооруженным, как будто бы для войны. Если меня встретят мирно и ты мне будешь говорить правду, то мы с тобою разойдемся в мире. Если же я обнаружу коварство, то я надеюсь на бога, в которого я верую, что он не оставит меня и не ослабит моих рук». Когда патрикий Юстиниан получил это известие, он весьма обрадовался и послал ему сказать: «Не сомневайся во мне: вот бог христиан между нами; приходи в такой-то день к храму святого мар Саргиса и ты найдешь меня там, твое же войско не утруждай, так как я надеюсь на бога, что в мире, согласии и любви мы расстанемся друг с другом». Когда Мундар получил этот ответ, он изменил свое мнение, тотчас вышел с немногими и отправился к нему. Оба они встретились перед ракой с останками святого мар Саргиса. Они переговорили между собою о многом, что не входит в это писание, прося и предоставляя слово друг другу по желанию. Так доверчиво и мирно они расстались друг с другом в великой радости. Когда об этом узнал император Юстин и прочий синклит [сенат], и они обрадовались весьма, что Мундара убедили примириться. После того были [посланы] грамоты мира и примирения с обеих сторон друг другу. Сильный и мужественный царь Мундар, через немного времени исполнившись гнева на дерзость персидских арабов, пожелал возвратить и вернуть обратно добычу, которую они захватили в ромейской земле. Он тихо собрал братьев, весь свой род, сыновей и все войска, которые должны были тотчас быстро приготовиться, вооружиться, быть готовыми к походу и на второй день все собраться к нему. Когда они собрались и были совершенно готовы, он открыл им тайну, говоря: «Теперь, когда ни один из нас не отделился и не отсутствует, все мы, как один, нападем на Хирту Наамана в персидских пределах. За их гордость и страшнейшую дерзость перед христианами бог предаст их в наши руки». Затем поспешно все отправились, достигли Хирты и внезапно напали на нее, когда ее жители отдыхали и покоились в полном заблуждении. Они уничтожили и погубили все войско, которое там нашли, уничтожили, разрушили и сожгли все, кроме церквей. Мундар разбил палатку среди Хирты и жил в ней дней пять, он схватил и связал всех, кого мог схватить из арабов. Он забрал всю добычу Хирты и всю добычу, которая была взята и увезена из ромейской земли. Все табуны и все стада верблюдов он забрал и возвратился в свою землю с большим торжеством и мощной победой. Слава и богатство особенно возрастали у него потому, что он много раздавал и дарил монастырям и церквам православным [1] и нищим. Он был весьма прославлен всеми. Два государства удивлялись и поражались могучей храбрости этого мужа и победам, которые он совершил.

Рассказ пятый

о походе персидского царя и взятии им Дары в восемьсот восемьдесят четвертом году и прочее

Персидский царь, тотчас как он узнал, что Маркиан пал, а войско бежало из-под города Низибии, с мощными войсками сейчас же достиг его и нашел все машины, механизм и баллисты, которые воздвиг Маркиан патрикий против Низибии. Затем он отправился и осадил Дару, взяв все приспособления, которые были у Маркиана под Низибией; он привез их и поставил против города Дары. С ним были и всякие инструменты. Прежде

[1] Оказывал поддержку монофизитам, к которым принадлежал автор.

всего он послал каменщиков и других, чтобы срезать восточную гору, что вне водопровода, для того чтобы отвести воды от города. Как говорят, они нашли твердую скалу, развели на ней огонь, затем прибавили уксуса и таким образом размягчили ее. [Персидский] царь поставил против города все машины, которые построил Маркиан против Низибии, осадил ее, применяя к ней осадные орудия в течение шести месяцев, чтобы захватить ее. Он построил также против нее две насыпи, но ромеи перехитрили [персов], уничтожили и сожгли их. Когда город был взят, в нем были знатные: Иоанн стратилат, сын Тимостарта, муж воинственный, и Саргис сын Шафни, который также был стратилатом, и другие. Саргис, как говорят, был ранен стрелой и умер. Затем царь персидский поднялся и раскинул палатку на северной горе над городом; живя там, он видел все, что в нем происходило. Он приказал, чтобы там был построен вал, против башни, которая была выше всех прочих башен и называлась Гераклом. Внутри они ничего не могли сделать, извне же они укрепили насыпь и расположили против города. Еще до этого он увидел, что его усилия не устрашили города, и он приказал построить также стену, окружающую внешнюю стену города, для того чтобы, если жителям города случится сделать вылазку, она им воспрепятствовала. Когда он увидал, что все его ухищрения, как уже сказано, напрасны, он заболел и даже боялся, что умрет. Тогда он послал в город, чтобы ему прислали человека, чтобы он мог с ним поговорить. Там был один знающий и известный человек, толмач ромеев и персов, по имени комит,[1] его-то и послали к нему жители города. После того как он о многом поговорил с ним, он сказал ему, чтобы тот передал жителям города, что если они дадут ему пять кентенариев [2] выкупа за город, то он удалится от него. Надеясь на то, что город не будет взят, [комит] не передал им этого, хотя в заключение и обещал это царю. Когда же царь увидал, что условные дни прошли, его презрели и не дают ему ответа, он еще более заупрямился и исполнился большого гнева и снова взялся за город, увеличил и укрепил насыпь, которая была сделана последней. Но ромеи смеялись над ним и издевались, говоря: он стыдится и прочее. Поэтому они пренебрегли боем на стене; особенно когда холода были тяжкими и сильными, они спускались за стены и отправлялись по домам есть и пить. Когда персы увидели, что стена свободна от римского войска, а насыпь, которую они устроили, возвышается над стеной, они хитро связали деревья, склонили их на стену, и войско перешло, заполнило целиком одну сторону стены и спустилось внутрь города. Когда внезапно раздался крик: «Вот захвачен город! Войско персов возобладало над ромеями!» — все были испуганы и потрясены, и все вместо побежали к городским воротам, чтобы спастись от них [от персов]. Когда же персы увидали их количество, и они испугались, ужаснулись, попрятались и предоставили ромеям бежать и не чинили им препятствий. Ромеи бежали ко всем воротам, крича о ключах, они искали и не могли найти ключей, потому что их спрятали главы [ܪܫܝ̈ܐ]. Когда ромеи увидали, что персидское войско сильно и что город ими заполнен, что их со свсех сторон давят, задерживают и они не могут бежать, то они сами собрались, насмерть или на жизнь, и бросились на персидское войско. Они косили и уничтожали их, как косари колосья, также и те их. Жестокий бой произошел внутри города, и они уничтожали друг друга, хотя город уже был взят, в течение семи дней, пока не напол-

[1] Это не имя собственное, а звание комита.

[2] Кентенарий—мера веса, равная 32.6 кг.—P a u l i — W i s s o w a. Realencyclopädie. Halbband 21, Stuttgart, 1921, p. 179.

нился город трупами и не засмердел; по необходимости их растаскивали и бросали в реку и в цистерны. Когда персы увидали, что они будут уничтожены и не смогут проникнуть и овладеть добычей города,то и они испугались ромеев, бежали и поднялись на стену и стали рассуждать, как употребить против них хитрость. Они послали коварно [сказать] ромеям: «Зачем мы так вырезаем и уничтожаем друг друга? Лучше приходите, дадим друг другу слово, сложим оружие с обеих сторон и заключим друг с другом мир». Так как ромейские войска не надеялись [спасти] свою жизнь и видели, что попали в беду, то они приняли предложение, дали слово, заключили мир, положили оружие и доверчиво приблизились друг к другу, как в мир [ных условиях]. Ромеи, полагаясь на слово, без опасения доверчиво находились с мощным персидским войском. Обе стороны смешались друг с другом, как в мире, и обе стороны начали с грабежа города. Но тут стали ясны лживость и коварство персов. Они извратили и изменили своему слову, схватили ромеев, многих уничтожили, а прочих связали одного за другим и привели к царю знатных мужчин и женщин, и глав города с ними. Он приказал всех их потопить. Он приказал также, чтобы каждый, у кого есть золото, принес его к нему и всякий, у кого найдут золото или серебро, явился к нему. Так он собрал множество золота. Как говорят, ему собрали свыше ста или двухсот кентенариев. Так как мы этого точно не знаем и не хотим сообщать лжи, не зная точно, мы промолчим об этом. Когда царь увидал все это золото, он призвал всех знатных и сказал им: «С вас спросит великий бог небесный кровь всех этих душ, что погибли из-за вас и из-за нас. Если бы сотую часть всего этого золота, что собрано здесь теперь, вы дали выкупом за город, я бы удалился от него. Я этого не желал, как я и послал вам [сказать] через комита, но вы меня не послушались». Когда они это услыхали, они поклялись, что никогда не слыхали таких слов. Он позвал комита, чтобы мучить их, и сказал ему: «Разве не через тебя я послал это [сказать] им?» Он сказал: «Да, господин мой.» [Царь] сказал: «А ты им передал?» Он сказал: «Господин мой, я не сказал им, потому что страшился». В гневе [царь] присудил ему смерть, но сказал ему: «Так как ты старался для двух государств, я не убью тебя», и приказал выколоть ему оба глаза. Он забрал в городе бесчисленное множество добычи, полонил, опустошил его, [взяв] всех его жителей. Часть своего войска он оставил там и возвратился в свою землю с бесчисленно большой добычей серебра и золота, захваченного у жителей города, церквей и у прочих. С собою он взял также множество добычи и пленных. Мы насчитываем от времени построения [города] царем Анастасием до покорения и отдачи его в руки ассирийцев [ܐܬܘܪܝܐ][1] около семидесяти двух лет.

Рассказ шестой

о покорении города Апамеи и его опустошении, бывшем в том же году, когда царь персидский осаждал Дару

Когда царь персидский еще осаждал город Дару, он увидал, что никто ему не препятствует, он послал марзбана, по имени Адармахана, с большим войском против города Апамеи. Этот подчинил Кастру[2] [ܩܣܛܪܐ], разрушил и сжег большие и мощные селения, отправился и достиг Апамеи. Так как персы заняли Антиохию, то он обложил Апамею, вынудил ее; сдалась ему и Апамея, получив от него предварительно обещание. Когда

[1] Ассирийцы, библейские враги, здесь иранцы.

[2] Имя собственное. Honigmann: L'histoire ecclésiastique de Jean d'Ephèse. Byzantion, 1939, XIV, 2, p. 623.

туда въехал царь и увидал в ней цирк [ܩܪܩܣ], он не разрушил и не сжег в нем ничего. Поэтому жители надеялись, что и в будущем им не будет причинено зла. В надежде на это, вышли к [марзбану] знатные [ܪܫܝܢܐ] города и епископ и поднесли ему подарок. Он же сказал им коварно: «Так как теперь город наш, откройте мне ворота, чтобы я мог войти и осмотреть его». Эти, надеясь на него, и не предполагая, что может случиться что-нибудь дурное, открыли ему, и он вошел в город. Он тотчас занял ворота, начал хватать и вязать мужчин и женщин и грабить город. Всю добычу вывезли, а все население поставили вне города; и разграбили весь город Апамею, которая была полна богатства с давних времен и была гораздо роскошнее многих [других] городов. Все население ее, всю добычу, а с ними и епископа они вывезли, а затем развели огонь и подожгли ее со всех сторон. Так они забрали всех пленных и всю добычу из нее и из других [мест] и отправились к царю, который осаждал Дару. Перед царем сосчитали пленных, которые были взяты оттуда и из других [мест] — двести девяносто две тысячи; их поделили и отправили в персидские области. После того как царь покорил Дару и ограбил ее, он и в ней нашел бесчисленное богатство, которое было свезено из других городов и отовсюду, как в неприступную крепость. Он вывез своих бесчисленных пленных, забрал [добычу] и вернулся в свою землю.

Рассказ седьмой

о двух тысячах прекрасных дев, которых царь приказал выбрать и послать в подарок варварам, и об удивительном и ужасном, что совершили эти девы в ревности к христианству

Персидский царь, опьяненный славой, возгордившийся от множества добычи и пленных, захваченных в пределах ромейских, приказал отобрать из пленных две тысячи дев, совершенных фигурой и красотой. Когда они были отобраны по его приказу и приведены к нему, он приказал, их, как невест, украсить роскошными одеждами, удивительными подарками, золотом, серебром, драгоценными камнями, жемчугом и послать их в дар варварам, живущим за его землей, называемым [тюрками], чтобы им угодить, их успокоить и подкупить их. Когда все было выполнено, как он приказал, и они были богато украшены, он дал войско с двумя марзбанами, приказал [выдать] им богатое содержание и послал их, распорядившись не торопить их в дороге, чтобы они путешествовали в покое и отдыхали, и не похудели, и не подурнели. Эти девушки не только тосковали из-за разлуки с родителями, братьями и всеми родственниками, но и о своих душах, что они погибнут для христианства, и о телах, что будут преданы в грубые руки врагов-варваров. Когда они в слезах и горьких стенаниях, как сестры, языком сказали об этом друг другу, все, как одна, просили смерти вместо жизни. Все это стало известным и было открыто относительно них другим пленным сирийцам, их соотечественникам, мужам, бывшим с марзбанами, и прочим, приставленным, чтобы сопровождать их и прислуживать им. Как соотечественникам, тайно, им стало известным то, что затем стало известным всем. Узнано [все] было от них, от их соотечественников, имевших общий с ними язык. Когда они достигли [места] в пяти мансионах [1] от этих варварских народов, которым их посылали, они узнали, что достигли тех земель, куда они были посланы. Там протекала и текла одна большая река, очень мощная, которую перейти было весьма трудно. Как было при-

[1] Iter X parasangorum (Brockelmann. Lexicon Syriacum, p. 396).

казано тем, которые начальствовали над ними, чтобы они отдыхали, и они их не гнали, они остановились на один день у этой реки. Все они друг с другом советовались, и у всех у них была эта одна мысль, сильная и мужественная, что они пренебрегают смертью. Все они бегали друг к другу, рассуждали между собою и говорили друг другу: «Как одна, все мы понимаем, что если мы омрачим наши души язычеством, ядением нечистых животных, мертвичины и удушины с варварами, мы погубим наше христианство. В конце концов всех нас они предадут смерти, а затем мы предстанем на суд мучений.[1] Теперь же все мы, как сестры, как христианки и дочери христиан, мы не будем отделяться друг от друга, но у всех нас будет одно желание, одна душа, одна мысль, одно суждение. До того как варвары помрачили наши тела и осквернили наши души, теперь же мы пойдем на смерть, пока чисты наши тела, убережем наши тела от скверны, ради имени и во имя господа нашего Иисуса Христа. Чистыми мы приблизим ему наши души и тела, если мы теперь же предадим себя смерти. Этим мы спасемся от врагов и будем жить вечной жизнью, ради христианства, [причинив] себе мучения на один час, и убережем чистоту наших душ и тел». Так они все сговорились между собою, одним словом, одной тайной и обещанием поклялись друг другу и, как одна, все бросились в эту реку. Все до одной захлебнулись и не попали в руки варваров, потому что всеми ими одинаково была одобрена и избрана эта мысль. Стерегшие их смотрели за ними, они втайне заметили их секрет, когда наблюдали за ними некоторое время, и остались с ними. Те сказали: «Если вы разрешите, мы хотели бы выкупаться на берегах этой реки». Эти, как им было приказано, желая дать им отдохнуть, согласились, чтобы они выкупались. Те сказали им: «Мы стыдимся купаться, когда вы стоите около нас и смотрите на нас; отдалитесь немного от нас и тогда мы выкупаемся». Тогда те оставили их и отдалились от них. Они же все друг друга укрепляли и поддерживали, осенили себя во имя господа нашего Иисуса Христа и бросились все, как одна, в сильнейшем экстазе в ту реку и потонули. Когда стерегшие их поглядели в реку, они увидали, что некоторые из них плывут и двигаются в реке, как груз, часть тонет. Они добежали до места, где те просили у них выкупаться, и увидали, что нет ни одной из них в живых. Горько жалуясь, все они бегали туда и сюда, чтобы вытащить некоторых из них, и не смогли; хотя они и бежали, они не успели. Те же, сильные мощью во Христе, ради христианства, сами себя так предали в руки божии и спаслись духом и телом от осквернения и грубости варваров.

Рассказ восьмой

о кратком мире, который был в сирийских областях в течение трех лет, о походе персидского царя в ромейскую землю, в Армению и Каппадокию

После всего того, что случилось, мир в сирийских областях длился три года, причем за эти годы выплатили три кентенария. В Армении же война шла с двух сторон. Относительно причины, почему персидские армяне предали себя ромеям, краткое сообщение мною было дано в прочих церковных историях. Теперь мы обратим нашу речь к последующему. Персидский царь был упоен гордостью оттого, что он взял Дару, и гордость эта ввела его в заблуждение. Полагаясь на то, что в сирийских областях у него не было войны, он собрал войско и доверчиво отправился в Армению, обратившись к Феодосиополю, что на границе его [Персидской] Армении, к Кесарии Каппадокийской и к прочим городам. В то время как это про-

[1] На Страшный суд.

исходило, Феодор силентиарий был послан к нему в посольстве и увидал, что он выезжает на войну. [Царь] взял его с собою, а когда он стал просить его отпустить, он посмеялся и сказал ему: «Поезжай со мною в Армению. Отправишься со мною в Феодосиополь, будешь купаться, отдохнешь там, и тогда я отпущу тебя». Так он взял и увез его в Армению, будучи твердо уверен, что без труда войдет и возьмет город. Когда ромейские войска узнали об этом, несмотря на то, что они трепетали перед именем царя, они хорошо приготовились против него. Когда он увидал эти мощные войска, он очень обеспокоился, так как говорили, что их было более ста двадцати тысяч. Они его удерживали и готовились к бою с ним, а он испугался, повернул от них [в сторону] и отправился против другого города. Но и туда они направились против него, нагнали и прогнали его оттуда. Испытав его войска, они считали себя гораздо сильнее его и презирали его. После того как он увидал, что ничего не выходит соответственно его желанию, он отправился на северную гору, в направлении к Каппадокии, чтобы притти и покорить Кесарию. Когда ромейские войска увидали это, они выступили против него и опередили его и в Каппадокии. Они выстроились против него и удерживали его на Каппадокийских горах, препятствовали, не давая ему пройти. Так они находились друг против друга в течение многих дней, и он не осмеливался вступить с ними в сражение. Когда он увидал, что они многочисленнее и сильнее его, что он не может обойти их, чтобы итти на Кесарию, он весьма взволновался, испугался и стал ухищряться, чтобы, если возможно, пройти и бежать в свою землю. Но его маги [1] осудили его и поспорили с ним; тогда он повернул, отправился в Каппадокию против Себасты, тогда как все они трепетали перед ромейскими войсками. От стыда и для того, чтобы не бранили его, что он не смог сделать ничего из того, что предполагал, он набросился и сжег огнем Себасту. Ни добычи, ни пленных он не нашел, потому что вся область бежала от него. Оттуда он направился в обратный путь, обратившись на восток, чтобы, если возможно, бежать к себе. Презрели его ромейские войска, испытав его войска, и пренебрегли ими, будучи сильнее их. Когда он увидал, что они окружают его и наседают со всех сторон, он был вынужден спешно бежать в горы, оставив весь свой лагерь, павильон [ܦܪܘܓܐ], т. е. свою палатку, все свои пожитки, богатство в виде золота, серебра, жемчугов, все великолепные царские одежды, и бежать ни с чем [пустым]. Тогда поспешили и пришли ромеи, захватили весь лагерь, умертвили всех, которых там настигли, завладели всем его имуществом и имуществом его знатных, почитаемым им храмом почитания огня, и лошадями, которые возили и переносили его. Люди там разбогатели, так как некоторые из ромейского войска, найдя, брали царское имущество и, захватив то, что находили, бежали, и больше их не встречали и не видали. Те же, которые бежали и спаслись из лагеря персов, пришли к царю и плача говорили: «Господин, на нас напали ромеи, многих из твоих рабов убили и весь наш лагерь разграбили и забрали». Он же, когда это услыхал, ответил им: «Пустите их». Он приказал, чтобы его окружило все войско и сделали стену из щитов. Он поставил их рядами, проезжал между ними верхом и упрашивал их, показывая свои седины, говоря: «Братья мои и сыны мои, пожалейте мои седины и воюйте за царство персидское, чтобы оно не было презрено и осмеяно. Я сам в качестве рядового всадника, как один из вас, буду воевать вместе с вами». Ибо его знатные постоянно спорили с ним, говоря: «Будем ли мы жить, умрем ли, дурную славу [ܫܡ — имя] получит

[1] Маги у сирийских писателей V—VII вв. — жреческое сословие Ирана.

из-за нас Персия. Ни один из персидских царей никогда не делал того, что сделал ты — завел нас, чтобы мы умерли в этих горах». От одного из них узнали ромеи, что говорилось между ними. Вновь повернули персы, направились в другую сторону, чтобы бежать в какой-нибудь город. Они направились против Мелитены, где, если бы не зависть и ссоры ромейских глав друг с другом, они уничтожили бы его и все его войско, примирившись друг с другом, сговорившись друг с другом, разделившись и окружив его. Персы стали наступать на Юстиниана патрикия, сына Германа. Юстиниан же испугался и бежал от них, а товарищи не подошли помочь ему. Когда это увидал сам [царь] и его войско, они уверились и укрепились, пошли к Мелитене и подожгли ее.

Рассказ девятый

о сожжении Мелитены и о прочем, что случилось после того

Когда перс вошел в город Мелитену, он тотчас приказал, чтобы всю ее сожгли огнем. Затем он вышел, чтобы перейти Евфрат, и направился в свою землю. Ромейские же полководцы послали ему [сказать] следующее: «То, что ты сделал, пришел и сжег город, не царское это дело, как и произвести опустошение и повернуть. И для нас, которые только рабы царя, было бы весьма мерзким, если бы мы сделали то, что ты сделал; тем паче тебе, потому что ты не только царь, но мнишь себя и царем царей. Ибо не пристало царю подобным образом приходить шайками, чтобы грабить и обращаться в бегство, разводить огонь и сжигать. Царю подобает мощно, уверенно, царственно, стать открыто в бою, и если победит, то как царю и прославиться, а не как вору притти, причинить вред, обворовать и бежать. Теперь приготовься, чтобы нам стать в бою друг против друга публично, чтобы и другим было явно и известно — чья победа и чье поражение». Когда он это услыхал, он приказал быть бою на следующий день, на Кампо[1] [حمحفه] с восточной стороны города, в отдалении от него. На утро дня обе стороны расположились друг против друга, на небольшом расстоянии. Они стояли в порядке и смотрели друг на друга, с утра до шести часов, и не тронулся ни один человек с места. Царь стоял в тылу войска, и так они смотрели друг на друга, кто из них первый начнет [битву]. Те люди, что рассказывали нам все это, были переводчиками у персов и ромеев и они поклялись нам, [что все это правда]. Наконец, [говорят], трое из нас ударили коней, выехали из ромейских рядов в середину между частями, доехали быстро до предела персидских рядов и вновь вернулись поспешно. Не приближаясь к ним, трижды мы промчались во всю скорость лошадей и напряженно следили за нами обе стороны; мы же вызывали их выйти в бой. Но ни один из них не сдвинулся с места и не вышел против нас, хотя они построились подобно стене и стояли, и словом не обменялись друг с другом. Наконец, он послал [сказать]: «Теперь уже не может быть боя сегодня. Время прошло». И так разошлись оба лагеря. Ночью же, перед тем как настало утро, царь и его войско находились уже на берегу Евфрата, стремясь и пытаясь перейти реку, которая находится в шести милях от Мелитены. Ромеи последовали за ними, чтобы у реки их принудить и уничтожить. Так они и сделали. Персы были встревожены, а когда увидали персидские войска, что ромейское войско зашло им в тыл, они бросились с конями в реку. Потонуло и захлебнулось больше половины войска, прочие же с трудом выплыли на лошадях, спаслись, перешли и поспешно направились в Ромей-

[1] Honigmann. op. cit., p. 623.

скую Армению. Хотя они проходили спешно, он приказал, чтобы все селения, которые им встретятся, сжигать огнем. Он повернул к высоким горам Карха, на которых никогда не было дороги, и был вынужден послать вперед войско, чтобы оно устроило ему дорогу. Они рубили деревья, и им случалось снимать и срезать горы, чтобы сделать ему дорогу. Так, взволнованный и встревоженный, он едва спасся из рук ромеев в свою землю с большим трудом. Тогда он издал приказ и установил закон, чтобы сам царь на войну не ходил, если против него не вышел [другой] царь.

Рассказ десятый

о том, что затем случилось с ромеями в Персидской Армении

Ромейские полководцы после больших побед, одержанных ими во многих боях, перебили множество из тех, которые были против них посланы, взяли верх и подчинили все те северные народы, которые были подчинены персам. Они вторглись и производили опустошения в областях персидских на расстоянии многих миль [1] и в трех милях от персидской столицы они грабили и забирали слонов персидских, так что наполнили и Константинополь слонами. Они победили и во многом другом, что выходит [из рамок] этого повествования, так что вся Персия опасалась их. Наконец, когда царь персидский вернулся в свою землю в год восемьсот восьмидесятый Александра [Македонского),[2] то ромеи были беззаботны и упоены славой, как люди, победившие и устоявшие против царя. С тех пор они существовали без страха, полагая, что теперь они освободились и могут отдохнуть от всех войн и битв. Все войска стали беспечно отдыхать, отложив оружие, а всех лошадей отправив на пастбище. И вот неожиданно пришли их σκουλκάι, т. е. их лазутчики, и сказали: «Вставайте, вооружайтесь, вот идет на вас персидское войско с марзбаном Там-Хосроем, остерегайтесь». Когда они услыхали это, они стали смеяться и издеваться над ними, говоря: «Да разве они могут осмелиться показаться к нам». И они не позаботились и не приготовились. Когда они еще так говорили, персидское войско уже выступило на них, не готовое еще к битве с ними, а только с тем, чтобы показаться им. Они же, когда увидали, что они разворачивают большие, как стены, ряды и идут, напали на всех сразу трепет и страх; они были в волнении, так как и лошади их не были собраны. Одни рассеялись, чтобы есть, пить, наслаждаться, другие разбрелись. Все кто увидали [персов], затрепетали и начали поспешно бежать; другие, видя, что эти бегут, пугались и сами бежали. Полководцы, когда увидали, что войска их покинули и бежали, то и сами бежали. Всякий, кто мог захватить оружие и взять лошадь, тот садился на нее и бежал. Если кто бежал пешим, неся оружие, то, устав от пути, клал оружие на дорогу и бежал безоружным. Если кто ехал на лошади с оружием, то, устав, бросал свое оружие. Если уставала лошадь, то [всадник] сходил с нее и бежал. Персы же ехали за ними не спеша, не преследовали их, но смеясь, издеваясь и посмеиваясь над ними, что вот-де тех сто двадцать тысяч, а их не более тридцати тысяч, и они так их испугались, что бежали, тогда как их царя они не испугались и не бежали от него. Так, наконец, покрыли себя позором и дурной славой ромейские войска с их полководцами, тогда как персы и меча против них не обнажили, не натянули лука и не бросили копья. Они собрали все их оружие, кольчуги, панцыри, щиты, шлемы, копья, мечи, луки и колчаны с бесчисленным

[1] ܐܡܐ — iter X parasangorum (B r o c k e l m a n n. Lexicon syriacum, p. 396).

[2] 880 г. = 569 г. н. э. Менандр относит это событие к 576 г. н. э.

количеством стрел. Наконец, стали рассказывать, и каждый говорил, что это случилось потому, что прогневили ромеи бога. Когда они пришли в эти северные области [Ирана], которые были христианскими, то священники, взяв евангелие и кресты, выходили навстречу, а они не глядели на них. Ромеи так распалялись без страха божия, что брали младенцев, одного-двух лет, хватали один за одну, другой за другую ногу и кидали их вверх, как могли, а когда они падали, принимали на копья и мечи, пронзали их и бросали собакам. Они также оскорбляли, убивали и грабили монахов, выводили затворников, мужей древних и почтенных из затвора, в котором они были много лет. Они вешали их, мучили, мечом отрезали им срамные члены, говоря: «Дайте золото и серебро». Они мучили также монахинь и доводили их до горькой смерти. Этим злом, которое они причиняли, они, как говорят, разгневали бога, и он осрамил их и унизил перед врагами, и они не могли устоять перед ними.

Рассказ одиннадцатый

о персидских армянах, которые предали себя ромеям

О причине, по которой персидские армяне пришли и предали себя ромеям, о времени многих войн, опустошениях, которые там были, о том, что они отправились в столицу, были приняты императором, были почтены великой честью и многими подарками и о прочем, подобном этому, мы уже кратко упоминали в первых главах. Теперь же мы хотим сообщить, что наш император ромейский всю эту борьбу, которую он имел с персами, вел ради того, чтобы не предать тех христиан, которые пришли к нему [искать] убежища. После того как, так сказать, всех армян император обогатил подарками и богатыми дарами и установил отмену подати [συντέλεια] на три года, то послал ему Перс сказать: «Выдай мне моих рабов, которые восстали против меня». Но он не послушался его. Тогда Перс схитрил и написал слово к армянам, что он не сделает им зла и не будет поминать их глупости. Тогда они отпали от ромеев, пошли и отдались ему. Вся область, за исключением тех знатных, которые находились у императора в Константинополе, вся область около двадцати тысяч, отпала, пришла и отдалась персам. Он возвратился и взял Армению [в подчинение], как прежде. Что касается глав [ܪܫܝ̈], одного из них, по имени Вардана, прочих бывших с ним вместе и с царем народа, по имени Горгоний, который также жил в столице с большой честью, то со всем своим народом они передали себя ромеям. Они пришли и отдались императору Юстину в пятый год его царствования, который есть год восемьсот восемьдесят второй Александра. Из-за этого вновь на целые годы возникла война.

Рассказ двенадцатый

о послах ромеев и персов, которые сошлись из обоих государств на границе для того, чтобы обсудить и рассмотреть друг с другом все то, из-за чего начались войны и в чем они обвиняли друг друга

В году восемьсот восемьдесят седьмом были посланы в посольстве на границу три сенатора [1] — Федор патрикий, сын Петра Магистра, Иоанн и Петр, ипаты [ܐܦܛܘܣ] из рода императора Анастасия, вместе с Захарией главным врачом и софистом.[2] От персов же пришли мобед и прочие и распо-

[1] ܣܘܢܩܠܝܛܘܣ — члены синклита, сенаторы.

[2] ܪܒܐ ܕܐܣܝܐ, ܣܘܦܣܛܐ.

ложились около Дары, которая была взята персами, для того чтобы обсудить и рассмотреть друг с другом то, что случилось в обоих государствах. Каждая сторона возражала другой, говоря: «Вы преступили условия таким-то и таким-то образом». Также и другие приводили иные обвинения, говоря: «Вы нарушили мир между обоими государствами, пришли и опустошили наши области». Те же говорили: «Ваши арабы перешли и уничтожили все у нас». Так они сидели друг против друга, приводя взаимно такие обвинения, вины и положения, пока не дошли до споров и ругательств. Так, в разговоре и в слушании прошло больше одного года, и каждая сторона осведомляла своего царя. Благочестивый кесарь Тиверий давал и принимал ответы [ܡܫܬܕܪ], так как император Юстин был болен. Хотя обе стороны и желали мира между собою, но каждая выказывала другой упрямство, чтобы не подчиниться другой и не обнаружить слабости. Кесарь ромеев послал сказать персам: «Миру мы радуемся больше, чем опустошению; если ты желаешь мира, мы не отвернемся, если же ты хочешь войны, то мы не унизимся перед тобою, но приготовимся [итти] против тебя». Перс же, видя, что ему было дано три кентенария за то, чтобы он заключил мир на три года, надеялся на то, что, если будет заключен мир с ромеями, за каждый год он получит кентенарий. Когда об этом узнал кесарь, он написал и послал ему [сказать]: «Ты весьма заблуждаешься, если ты надеешься, что ромейское государство даст тебе за мир хотя бы одну мину,[1] и также если полагаешь, что мы покупаем мир за золото. Но если ты желаешь, чтобы с честью, достойной обоих государств, был между нами заключен мир, то пусть он будет заключен; если же нет, принимай войну». Когда перс получил такое заявление, он был немало взволнован этим словом и согласился, чтобы мир был достойный, без [оплаты] золотом. Когда кесарь принял этот ответ, он написал обратно: «Да будет тебе известно, что ромейское государство никогда слабым не было, но оно сильно и никому не подчинено, и я не знаю, почему прежние императоры унижались, давая персам золото, пять кентенариев каждый год. Да будет тебе известно, что впредь ромейская держава пяти мин ни тебе, ни кому-либо другому не даст. Хвалились твои послы перед варварским народом — тюрками, говоря: «Ромеи наши рабы и как жалкие рабы платят нам дань». Если ты этого не запретишь [говорить], мира с тобою у нас не будет». Когда многое уже было решено, он не только согласился, но сейчас же приказал снять подать, изготовил грамоту мира и послал ее на границу к послам. Когда кесарь далее увидал, что он [перс] покорился и этому, он послал ему [сказать]: «Отдай нам теперь город Дару и мы заключим мир». Когда перс получил это [известие], он весьма взволновался и написал, что «Дару я взял по законам войны, ты же области наших рабов армян взял не войной, а удерживаешь их. Отдай мне Армению, а я дам тебе Дару». Кесарь был возмущен по поводу предложения выдать армян, так как они христиане и по этой причине отдали себя христианскому государству. По этой причине послы обеих сторон пришли в такое большое взаимное раздражение, что вооружились, чтобы выйти с мечами. Так они и разошлись друг с другом, взаимно озлобленные; мир был совершенно прекращен, так как оба государства готовились к войне. Персидский посол прислал начальников [ܐܡܝܪ] и предупредил их, говоря: «Отправляйтесь оберегать границы: ромеи не заключили мира».

---

[1] ܡܢܐ — μνᾶ.

Рассказ тринадцатый

об опустошении, которое произвели персы в ромейских областях в ближайшие дни

Великий марзбан Персии Адармахан, который вел переговоры о мире с ромейскими послами, как только было решено, что мира больше не будет, в гневе, что его обругали послы, озлобленный собрал войска, вышел, опустошил и совершенно сжег области Дарийскую, Телльскую, Тельбешмайскую, Решайнскую, большие селения, церкви, монастыри и все области. Уничтожая, сжигая, убивая, он достиг Теллы и сказал им [ее жителям]: «Сдайте нам город, чтобы с вами не было, как с жителями Дары, которые погибли. Где же ваши послы, что угрожали нам? Пусть они придут теперь и выйдут против нас». Жители же Теллы ответили им: «Мы не можем теперь сдаться вам, потому что мы получили письмо, что вышел, чтобы притти сюда, патрикий Юстиниан, а с ним шестьдесят тысяч лангобардов. Если мы теперь сдадимся вам, то он придет и сотрет нас с лица земли». Тогда они ушли от них и сожгли большой и мощный храм богородицы, что вне города, и с прочими злодеяниями повернули к Даре, насмехаясь над ромеями и хвалясь разрушением, которое они произвели, пленными, которых они полонили, и многочисленной добычей, которую они увезли.

Рассказ четырнадцатый

о комите Маврикии и о прочем, и о лукавстве и опустошениях персов

Полководцы ромейских войск не сближались друг с другом, а писали друг против друга кесарю. Когда увидел это боголюбивый кесарь, он призвал мужа, по имени Маврикия, которого он назначил на место комита экскубитора [ܩܘܡܝܛܐ ܕܣܟܘܒܛܘܪ], — его поэтому и звали комитом, — и приказал ему отправиться на восток в качестве главы всех полководцев.[1] Он дал ему власть управлять, распределять и назначать всех стратилатов и трибунов всего войска. Никто не смел преступить его приказаний и слов его уст. Он дал ему власть ставить и освобождать от должностей, по своему усмотрению, и отослал его с большим количеством кентенариев для прокормления войск. Перед тем он послал епарха претория, по имени Григория, для того, чтобы он управлял и заботился о расходах, так как он отличился во всяких делах в Армении. Славный Маврикий, как ему было приказано, когда он был послан, отправился в область Каппадокии, тем более, что и сам он был каппадокийцем. Он тотчас собрал для военной службы многих ромеев, также многих скубитариев,[2] и скрибонов,[3] и солдат, которых находил, брал с собою. Также из уртайе [ܐܪܬܝܐ] и из сирийцев он собрал для военной службы у себя многих. Он отправился расположиться между Арменией и Сирией, т. е. в Китаризе. Он послал собрать сюда всех полководцев, беседовал с ними, установил порядок, приказывал, подбодрял их и затем отсылал их. Он прожил там около двух месяцев, его имя стало известно, и страх напал на всех персов, которые видели ромейские войска, ставшие многочисленнее и сильнее их. Пока они там были, напал на них страх, и они пустились на хитрость, бросились на Персидскую Армению и послали [сказать] тем, что жили в Феодосиополе: «Через три дня приготовьтесь и принимайте войну». Когда ромеи получили это известие [ܒܗܠܐ],

[1] Magister militum per Orientem.
[2] Excubitores.
[3] Scribones.

они послали его комиту Маврикию, который приказал приготовиться всему войску к войне. Персы же, после того как они послали это известие, стали пытаться хитростью провести ромеев. Они приготовились, собрали свои войска, прошли по своей земле, пошли и отправились тайно в направлении Майферката на ромейскую землю. Они начали опустошать и сжигать всю область Софиану, особенно все церкви и монастыри, всю Амидскую область и всю землю. Они достигли Амида, сожгли все окрестности, до его стены, все церкви и богатые монастыри в округе и осаждали город в течение трех дней. Когда они увидали, что могут овладеть им, и также, так как они боялись, чтобы Маврикий с войском не настиг их и не уничтожил, они сожгли и ограбили всю область Месопотамии, как воры, затем повернули и возвратились в свою землю. Когда ромеи были готовы к сроку битвы, персы их обманули. А сами выходили как на воровство или на грабеж, жгли, уничтожали, брали в плен по всей Месопотамии. Это случилось в году восемьсот восемьдесят восьмом Александра. В том же году Маврикий выехал из столицы, поэтому персы с большой поспешностью забрали пленных и все, что у них имелось, и в страхе перед ромеями бежали в свою землю. Они повернули после того, как восемнадцать дней они творили весь этот ужас.

Рассказ пятнадцатый

о том, что было потом сделано Маврикием

Когда это услыхал комит Маврикий, он весьма обеспокоился, разгневался, собрал все войско и направился в Арзун, богатую персидскую область, в горячем гневе на то, что он был осмеян и обманут персами, что они пришли, опустошили, уничтожили, забрали у них множество пленных и, подчиняя, дошли до Тигра. Он отправился, взял в плен, уничтожил и пожег всю область. Но так как жители были истинные христиане, без лукавства, они вышли навстречу войскам и полководцам с сосудами, крестами и евангелием, взяв с них клятву, что они оставят их в живых, говоря: «Пожалейте нас, потому что мы христиане, как и вы, и готовы нести повинности для христианского царя». Когда услыхали это Маврикий и прочие от многих из них, они оказали им пощаду, говоря им: «Каждый из вас, который желает остаться в живых и работать императору христианскому, пусть возьмет свое имущество, заберет всякий скот, который у него есть, и пусть живет, и мы его не убьем. Если же мы найдем его здесь через два или три дня, то он будет умерщвлен». Так многие избежали уничтожения, бежали и отправились в ромейские области из Арзунской области. Когда об этом узнал император, он приказал их отправить на остров Кипр, где их распределили во всех селениях всего острова, и там они жили. Те же персы, которые прокрались и перешли в ромейские области, боясь Маврикия, чтобы он в скорости не настиг их, поджигали, вредили и жгли, где могли, в течение пятнадцати дней. Затем они беспокойно бежали и вернулись в свою землю, прежде чем их нагнал Маврикий.

Рассказ шестнадцатый

о Мундаре бар Харит и о Маврикии, которые после этого снова вместе вошли в персидские области [1]

Снова Маврикий и Мундар бар Харит, царь арабский, собрали вместе свои войска и вошли в персидские земли по дороге пустынь. Они вошли

[1] 580 г. н. э.

и проникли в персидские земли на много миль [ܡܐܬ ܫܓܝܐ] до [области] Бет-Арамайе. Когда они достигли большого моста в Бет-Арамайе, через который они надеялись перейти и покорить богатые города персидского царства, они нашли мост сломанным. Когда персы узнали, [что они идут], они его сломали. В этом они и их войска усмотрели для себя великое унижение, особенно ромеи. Между ними произошли споры, и они повернули обратно, не получив никакой выгоды, и с трудом, униженные, они смогли спастись, достигнув ромейских областей. Они стали писать против друг друга злые обвинения, так как Маврикий полагал относительно Мундара, что он послал весть персам, а они разрушили мост, чтобы те не могли перейти. Но это была ложь и императору стоило больших трудов, послав глав (ܪܒܐ), примирить их друг с другом. Наконец, Маврикий отправился к императору, но неизвестно оговорил ли он Мундара.

Рассказ семнадцатый

о персидском марзбане, который пришел и сжег вторично области Телльскую, Эдесскую, Харранскую и прочее

Когда персы увидали, что Маврикий и Мундар пришли в их область, и заметили, что эта область лишена войск, то персидский марзбан, по имени Адармахун, с большим войском перешел в ромейские области. Он достиг областей Теллы и Решайны; он разрушил и сжег то, что осталось после первого раза, и отправился в область Эдессы, богатой провинции. Он сжег, разрушил и опустошил всю область Осроены. Возвращался он в свою землю спокойно, без страха, как будто, он в своей земле прожил много дней, хотя он не оставил стоящим ни одного дома повсюду, где он ни проходил, издеваясь над всем ромейским войском, которое не могло удержать его. Наконец, когда Маврикий и Мундар вышли из персидской области усталые и он услыхал, что они желают итти против него, он послал им [сказать], издеваясь: «Так как я слыхал, что вы готовы притти ко мне, то не трудитесь приходить, так как вы утомлены тягостью дороги. Отдохните, а я приду к вам сам». После опустошения, грабежа и захвата, который он произвел, он брал в плен и делал все, что желал; он услыхал, что они намерены итти против него, тогда он взял всю добычу и всех пленных, которых он захватил, ушел из области Эдессы и отправился в свою землю. Из двухсот тысяч ромеев, которые ели [хлеб] императора, никто его не преследовал, когда он начал уходить. Они вышли, чтобы итти против него, а так как не смогли нагнать его, сказали, что он бежал.

Рассказ восемнадцатый

о Мундаре бар Харит и победе, которую он одержал

Против Мундара бар Харит собралось все войско персидских арабов; с ними вместе готовилось и персидское войско, для того чтобы выступить и напасть на Мундара, после того как он выйдет из персидских пределов. Когда он [Мундар] узнал об этом, то как не лишенный мужества [человек] он тотчас собрал свое войско, выслеживал их в пустыне и, разослав лазутчиков, узнавал, где и как они. Он напал на них внезапно, когда они этого не ожидали, смутил и испугал их, уничтожил и умертвил их. Некоторых из них он схватил, связал и заковал, так что лишь немногие из них бежали. Оттуда он направился на их лагерь [Хирту], уничтожил и сжег его и отправился обратно с большой добычей и многочисленными пленными, весьма прославленный.

Рассказ девятнадцатый

о том, что случилось с пленными, заключенными в Антиохии, которую построил Хосрой в персидских пределах и куда он заключил всех пленных из ромейских областей до сего дня

После того как были захвачены Дара, Апамея и прочие [города], персы перевезли в пределы персидские всех пленных, число которых, когда их считали в Назибии перед царем, было двести семьдесят пять тысяч, и прочих, которых не считали. Он перевез их и заключил в Антиохии, которая была им построена, когда он покорил и захватил Антиохию [ромейскую]. По ее имени он построил в [своей] земле город, в котором он заключил всех пленных, захваченных в Антиохии и во всей ее области [χώρα]. Там он заключил и взятых в Даре и Апамее и всех прочих пленных, которых он захватил после того. Но и в своем заключении, при суровой охране, которая их сторожила, они [ромеи] не оставили своих заговоров, которые, как они надеялись, окажут им помощь. Они связались тайно с одним из персов, из тех, что стерегли их, оберегая стену; собрали зузе [1] и дали ему пятьсот, чтобы он спустил двоих из них на веревке ночью, в том месте, где он стерег. Случились там благочестивые мужи, арабы-монахи; имя одного было Вениамин, другого, бывшего его учеником — Самуил. Они намеревались, если они выйдут и бегут оттуда, тотчас направить свой путь к ромейскому императору, чтобы сообщить о пленных, много тысяч которых заключено в Антиохии. Также и все пленные послали через них [сказать]: «Вот здесь нас заключено больше чем тридцать тысяч, а персов, что нас стерегут, не более пятисот мужей. Если будет послан один из ромейских начальников [ܪܫܝܢ] и только покажется вне города, мы перебьем персов, выйдем и убежим в ромейскую землю». После того как это было втайне передано от всех пленных блаженному, перс, который взял мзду, спустил его и того, кто был с ним, ночью на веревках, со стены. Они бежали и спаслись в ромейскую землю. Сначала они сообщили это ромейским начальникам [ܪܫܝܢ], и те записали и послали это к императору. Когда они пришли в столицу к нам,[2] об этом узнал магистр, он пошел сообщить об этом императору Тиверию, [но тот] пренебрег и не посчитал это за правду. Таким образом, было задержано и отложено дело освобождения всех этих притесненных пленных.

Рассказ двадцатый

о смерти Хосроя, царя персов, о времени его царствования и о прочем

Нет ничего неподобающего в том, чтобы написать и сообщить о жизни и о смерти Хосроя, царя персов, хотя он маг и враг [нам]. Как свидетельствуют его дела, он был осторожным и мудрым и усердно в течение всей своей жизни изучал философию. Как говорят, у него была забота собрать все книги всех религий [ܟܬܒܐ ܕܟܠ ܕܝܢܐ ܘܟܠ ܕܐܠܗܐ]. Он их читал и все обдумывал, чтобы знать, которые из них истинные и мудрые и которые безрассудны, полны вздора и пустых басен. После того как он все прочел и рассмотрел, он хвалил больше всех книги христиан и говорил: «Эти истинные и мудрее всех религий». В этом он был весьма тверд, читал и верил их словам, а поэтому и не проявил себя ненавидящим христиан. Если маги

---

[1] ܙܘܙܐ — δραχμή, nummus (Brockelmann, p. 191).

[2] Иоанн Ефесский говорит о себе и, следовательно, он лично виделся и говорил с этими монахами, бежавшими из персидского плена.

и натравляли его на христиан, то он не поддавался этому так, чтобы отдать приказание о гонении против христиан. В наше время католикос несториан, который постоянно жил у него, принес жалобу на немногих православных [1] епископов, которые были в персидских пределах, так как все епископы во всей Персии — несториане и среди них находится немного православных. Когда католикос возвел на них тяжкие обвинения, то царь приказал, чтобы они перед ним повели спор друг с другом о своей вере, чтобы и он знал и сам рассудил, что о них и между ними говорится, понял их слова и знал, которые из них разумны. Когда пришли православные, он приказал, чтобы, как они есть, обе стороны собрались и явились к нему. И стали обе стороны перед ним, тут и там. Главой православных был епископ, святой муж, по имени Ахудеме. Царь приказал, чтобы они спорили и обсудили друг с другом все, что они имеют относительно своей веры. Тогда начали католикос и бывшие с ним говорить с православными; католикос высказался, начал и кончил. Затем говорили [православные]; они отразили все его слова, смутили его, а судьей взяли самого царя. Но так как многое между ними было сказано в споре и не легко это писать, мы оставим это. Царь Хосрой принял и похвалил то, что было сказано православными и сказал католикосу: «Эти знают то, что они говорят, и могут постоять и оправдать свои слова, которые и мне кажутся весьма истинными, ваши же неясными, путанными и лишенными основания. А так как вы не показываете и не стоите за свои слова, и мне не кажется, что в них есть основа и правда, как в тех, которые были сказаны теми. Теперь я узнал, что вы обвинили их передо мною несправедливо и без причины. Так как я сам слышал и видел, то я приказываю, чтобы впредь вы их не обходили и не обижали». Когда он это приказал, все православные упали ниц из почтения и благодарили его, говоря: «Господин, они преследовали нас, нападали на нас, грабили нас, вырывали наши церкви и монастыри, не давая нам возносить в них молитвы и моления богу об утверждении и сохранности твоей жизни и твоего государства». Он же приказал им твердо: «Идите себе, стройте свои церкви и свои монастыри, и впредь никто не посмеет вас обижать». Они почтили его, помолились за него и возвратились во-свояси с великой радостью. С большим дерзновением и без страха возвратились все православные в персидские области. Когда они получили тот приказ, они осмелились сделать большое дело через блаженного Мар Иакова, епископа православных, — поставили католикоса и они, чего никогда прежде не случалось в персидской земле. С того времени и доныне избирали и ставили католикоса верующие.

Рассказ двадцать первый

о том, что Хосрой показал, что он огорчен и жалеет о разрыве мира между государствами и что и после многих опустошений, бывших в обоих государствах, он желал заключить мир и был весьма уступчив

Люди не должны думать, что мы, желая прославить мага, привели его историю для памяти, но как говорится в загадке Самсона «из поедающего вышла пища, а из горького вышло сладкое». Он-то был весьма горек. И что больше можно сказать о муже язычнике и заблуждающемся? Но что было необходимо для смысла повествования, мы привлекли к изложению его истории.

Когда мир между границами был нарушен, он показал, что он расстроен и огорчен. Как говорят, когда он направлялся на Дару, грамоты мира

[1] Православными Иоанн Ефесский называет монофизитов.

между ними [государствами] несли перед ним, связанные и простертые к небу, а он говорил: «Зри, боже великий; ты ведаешь, что я не желал и не желаю этого опустошения и пролития человеческой крови, которое было в обоих государствах». И также, когда была близка его смерть, он показал, что он согласен и желает, чтобы был мир. Он полагал, что за каждый год мира, который он установит, он получит кентенарий [1] золота, как это было обычно в течение трех уже истекших лет. Когда ромейские и персидские послы собрались на границе, чтобы обсудить и переговорить относительно мира, то, как мы об этом поведали выше, победоносный Тиверий, который тогда еще был кесарем при жизни Юстина и его боялись все персы, проявил свое мужество; он встал и сказал: «Ромейское царство не унижено и не в подчинении у царства персидского. За то, чтобы был заключен мир, мы не дадим и одного кентенария. И если не будет мира, достойного [нашего] государства, то я вовсе никогда не заключу с вами мира». Это немало испугало персидского царя, он собрал своих магов и сказал им: «Теперь мы узнали, что кесарь ромейских пределов человек молодой и воинственный, а я, как вы видите, стар и не смогу переносить тягостей войны. Заключим мир с ромеями, так как мы не можем их победить». Так они совещались и послали сказать: «Не думайте, что я взираю только на золото и предпочитаю золото миру. Заключим мир, достойный обоих государств, прекратим уничтожение и я ни о чем более не прошу». После того как это было им отослано, немного спустя послал ему победоносный кесарь Тиверий сказать: «Не думай, что из того золота, которое ты до сих пор получал из ромейских пределов, ты получишь еще хоть одну мину,[2] ибо не так слабо ромейское государство, чтобы платить дань персам». На это персы послали сказать: «Золото, которое мы получали, посылалось прежними императорами, и не ты это установил. Но да будет тебе известно, что мир мне милее чего бы то ни было, я оставляю и эти кентенарии и заключу мир». Когда кесарь увидал, что перс так подчинился и идет на это, он послал ему сказать: «Если ты не отдашь нам Дару, мы не заключим с тобою мира». На это персы разгневались, разорвали мир и удалились от границ в ссоре, даже вооружившись друг против друга. Тотчас начались опустошения в обоих государствах. В это же время царь Хосрой умер, в год восемьсот девяностый [890 г. = 579 г. н. э.], и воцарился его сын. Как полагают, Хосрой царствовал сорок восемь лет.

Рассказ двадцать второй

о сыне Хосроя, царе персидском, по имени Хормизде, который воцарился после него

Когда умер царь Хосрой, после него воцарился один из его сыновей, по имени Хормизд, который был юноша страстный, грубый, малообразительный, как об этом говорят его бесстыдные выходки [3] и поясняют самые его дела. Когда он воцарился, он был так горд и не умен, так высокомерен и нахален, что даже не послал ромейскому императору, по царскому обычаю, символа царствования [ܣܡܠ ܡܠܟܘܬܐ]. Тогда как кесарь Тиверий, хотя государства и были в ссоре и войне, не пренебрег послать символ цар-

[1] В тексте множественное число.

[2] ܡܢܐ — mina, pondus.

[3] ܒܙܘܝܐ — в данном случае никак не победы, а производное от ܒܙܝ — непристойный, бесстыдный, impudicus, бесстыдные выходки.

ствования, по обычаю, но тотчас же как он стал кесарем, послал дары символа царствования Хосрою. Так поступил, воцарившись, и Хосрой по отношению к Юстиниану, который начал царствовать года на три раньше него. Этот же неумный гордо говорил: «Для чего я буду посылать подарки моим рабам». Так он и не послал. И не только это. Послы ромейские, которые были посланы к его отцу с подарками и царскими грамотами, достигнув Антиохии, узнали, что Хосрой умер и что воцарился его сын. Когда об этом узнали наши миролюбивые ромейские императоры, они отдали приказ послам, что их посылают к тому, кто воцарился, и чтобы они к нему и отправлялись. Он же, высокомерно разрешив им войти, принял их с бранью, чинил им долгое время притеснения, заключил их, теснил, так что они были близки к тому, чтобы ослабеть и кончить свою жизнь. Наконец, по совету магов, он отпустил их, не позволив им даже ехать по прямой дороге, но, послав с ними человека, приказал их вести по высоким и отвесным горам, чтобы они там скончались и умерли. Они говорили даже тем, которые их сопровождали: «Если вы желали убить нас, почему вы сразу не убили нас открыто, но привели нас сюда, чтобы мы от усталости умерли в этих горах». Но бог помог им, и они спаслись, и было сообщено императору и всем людям о жестокости и малом уме [Хормизда].

Рассказ двадцать третий

о том, по каким причинам сначала возникли неприятности и был нарушен мир между обоими государствами

Первой причиной, по которой был разорван мир, было подчинение Персидской Армении ромеями. Второй причиной жестокой вражды было то, что ромейский император отправил послов к варварским народам, называемым тюрками, живущим внутри персидских областей. Это, вместе с многими другими причинами, привело персов к противоречию и вражде. Ибо император Юстин отправил в седьмой год своего царствования к так называемым тюркам послов и среди них мужа из начальников, по имени Земарха. До того никогда посольство ромеев не посылалось к этим богатым и могущественным народам. Как сообщает этот посол, когда он достиг их земель через целый год, то об этом узнал один из царей этих народов, (у них есть дальше в глубине (страны) другие великие восемь царей), что к нему прислано посольство ромеев; он тотчас испугался и впал в жестокую грусть и в горькие слезы. В особенности же, когда он принял и увидал послов, которые стояли перед ним долгое время, и никто не осмеливался заговорить с ним. Как сообщали другие: «Когда он так горько плакал, ни один из его знатных не осмеливался заговорить с ним; мы упали перед ним ниц и сказали переводчику, чтобы он сказал ему: «Мы спрашиваем тебя, царь, почему, увидев нас, посланных к тебе твоим братом императором ромейским, почему ты так плачешь?» Когда он это услыхал, он снова стал горько плакать и еще долгое время [плакал] и не мог сказать нам ни слова в течение двух часов. Когда несколько стихли его рыдания, он сказал нам: «Так как вы желаете знать причину моего огорчения и слез, то я скажу ее вам. От давних времен и поколений мы получили такое предание: когда вы увидите в этих областях послов из ромейских пределов, то поистине вы будете знать, что вся вселенная прошла и кончилась и что все царства погибли, а все люди в эти времена тотчас уничтожат друг друга. Ныне когда я увидал вас, я вспомнил это и потому стал горевать и плакать». После того мы много говорили в его присутствии, а затем достали и поднесли ему много даров из золота, серебра, жемчуга и великолепные одежды.

Когда он их увидел, он удивился, принял их и, выбрав из них самые богатые и роскошные, сказал: «Видно, что они от великого царя». Случилось там быть персидским послам. И спросил царь [1] ромейских послов: «Правду ли сказали мне персы, что-де ромейский император — наш раб и как раб платит дань». Когда Земарх это услыхал, он ответил: «Это они лгут. Многие ромейские императоры приходили, опустошали и полонили их землю. Когда Траян, император ромейский, пришел, он так подчинил и покорил их, что до сего дня они боятся и дрожат перед статуей, воздвигнутой ему в их земле, так что доныне не осмеливается ни один из них проехать перед ней верхом. Пусть их позовут, и мы лично обвиним их, а они не смогут возражать. Тогда он велел им притти и сказал им: «Разве вы не сказали мне, что император ромеев — ваш раб? А вот, как говорят эти, даже статую ромейского царя, воздвигнутую ему в вашей земле, вы до сего дня почитаете и боитесь ее. Как же они ваши рабы, если вы перед статуей царя ромеев дрожите и почитаете ее? Правда это?» Они ответили ему: «Да, господин, это правда. Есть в нашей земле его статуя». Он же сказал им: «Зачем же вы лгали и обманывали меня?» И он поклялся, что «если бы я был подобен вам, я бы тотчас снял ваши головы». И так он отпустил их в гневе. Когда они возвратились к своему царю, они сообщили ему, что встретили там ромейских послов и они упрекали нас из-за статуи Траяна, а когда мы не смогли отрицать этого, то он рассердился на нас и отпустил нас в гневе». Когда об этом услыхал перс, он взволновался и разгневался и приказал по этой причине опрокинуть статую Траяна и стал еще настойчивее в своей вражде. Ибо он полагал, что ромеи возбуждают против них эти народы, особенно же потому, что ромеи поднесли им много подарков. Все это произошло так, как сообщили послы, из чего немногое мы написали. Эти ромейские послы возвратились через два года, сообщив много удивительного относительно многих из этих народов, о достопримечательностях этих земель, о их порядках [ܢܡܘܣ] и устоях нравственности [ܢܡܘܣ ܕܚܝܐ].

Рассказ двадцать четвертый

о гнусном народе, называемом аварами

Этот народ, который по своим волосам называется аварами, пришел и показался в ромейских пределах в дни императора Юстиниана. Он принял их послов, одарил их золотом, серебром, одеждами, золотыми поясами и седлами и прочее дал им и послал через них их вельможам. Они были поражены и вновь послали других, и этим он дал в изобилии. В течение долгого времени под разными предлогами они посылали их, и не по одиночке, но составляли группы и приходили, и он всем давал и одаривал их, и они отправлялись. Он надеялся, что их руками он сможет победить всех своих врагов, пока не стали выражать неудовольствие и сенат, и весь город — он-де опустошает государство и отдает все варварам. Когда он скончался и воцарился Юстин, сын его сестры, случилось, что одна из их шаек пришла, чтобы по обычаю быть одаренной и уйти. Несколько дней спустя они пришли к Юстину и сказали ему: «Дай нам, как давал нам покойный, и отпусти нас, чтобы мы отправились к нашему царю». Но император Юстин, как один из тех, которые были недовольны и роптали на то, что они только берут и уносят из государ[ственной казны], сказал им: «Вы ничего более не получите от государства, чтобы уйти, не принеся нам никакой пользы. От меня вы ничего не получите и уходите». Когда они

[1] В сирийском тексте ошибочно стоит множественное число.

стали угрожать ему, он разгневался, говоря: «Вы, мертвые псы, смеете угрожать ромейскому царству? Знайте, что я прикажу сбрить вам волосы и затем сниму вам головы». Он приказал их схватить, бросить в лодки и вывезти их из города. Их перевязали и заключили в Халкедоне, а было их около трехсот мужей. Там установили войско со скрибонами и схолариями, которые стерегли их в течение шести месяцев. Наконец, он отпустил, освободил их и, пригрозив, сказал: «Если я увижу кого-нибудь из вас здесь, или во всем моем государстве, то вы не останетесь в живых». Они испугались его, ушли и больше ему не показывались. Наконец, они послали ему послов, выражая дружбу, подчинение и обещая выполнить то, что он прикажет. Так, они остались дружественными во все его дни. Будучи народом могучим, более богатым и сильным, чем многие северные народы, они победили и уничтожили их. На переправе большой реки, называемой Дунаем [ܕܢܘܒܝܣ], они напали на другой могущественный народ — гепидов, уничтожили их и завладели их областью, поселились и расположились на хорошей земле. В качестве друзей они отправили послов к императору Юстиниану с хитростью. Их царь просил, чтобы он послал ему механиков и строителей, чтобы они построили ему дом — дворец и баню. Он послал их ему, они пришли и построили ему дворец и баню. Окончив, они просили, чтобы он их отпустил, и они могли вернуться домой. Но тут он обнаружил свою лживость и показал хитрость своего сердца. Он схватил их, обнажил меч, говоря: «Если вы не перекинете моста через Дунай, чтобы мы могли переходить, когда пожелаем, то ни один из вас не будет жить, я тотчас сниму ваши головы».

Когда он так принуждал их, они сказали ему: «Как можно и как когда-либо будет возможно перекинуть мост через реку, подобную морю? И даже, если бы мы смогли это сделать, это было бы направлено против ромейского государства, царь которого нас бы убил. И жить ли нам, или умереть, мы не можем этого сделать». Тотчас царь отрубил головы у двоих из них. Прочие испугались смерти и пообещали: «Если вы привезете нам много большого и твердого дерева, мы сделаем это вам, чтобы не быть умерщвленными». Тогда вышло много народа, и они вырубили множество твердых и больших деревьев. Под угрозой смерти от меча они постарались и перекинули весьма крепкий мост.

После тринадцати лет царствования скончался император Юстин, после него стал автократором победоносный Тиверий, который был в течение четырех лет совместно с ним кесарем. Он и все государство были немало огорчены тем, что случилось в третий год его царствования после смерти Юстина, и всячески пытались разрушить мост, но сразу не смогли этого сделать, так как, захватив его, засели, спрашивая с него, чтобы он отдал им город Сирмиум, на этом берегу реки, чтобы им поселиться в нем, угрожая тем, что в случае отказа, они будут воевать с ним и станут опустошать его государство. Но он не соглашался им подчиниться, стал собирать [войска] и следить, когда наступит время, чтобы можно было вести войну. Они построили также другой мост, чего, как говорят, никогда прежде не было; сделали они это, готовясь к плохому.

Рассказ двадцать пятый

о народе склавенах [славянах] и о войне, которую они вели во Фракии в третьем году царствования мирного царя Тиверия

В третий год после смерти императора Юстина, в царствование императора Тиверия вышел проклятый народ славяне и прошли всю Элладу,

области Фессалоникии и всю Фракию. Они захватили много городов и крепостей, опустошили, сожгли, полонили и подчинили себе область и поселились в ней свободно, без страха, как в своей собственной. Так было в течение лет четырех, пока император был занят войной с персами и все свои войска посылал на восток. Поэтому они расположились на этой земле, поселились на ней и широко раскинулись, пока бог им попускал. Они уничтожали, жгли и брали в полон до самой внешней стены и захватили много тысяч царских табунов [конских] и всяких других. И до сего времени, до года восемьсот девяносто пятого [895 = 584 г. н. э.] они расположились и живут спокойно в ромейских областях, без забот и страха. Они берут в плен, убивают, сжигают, они разбогатели, имеют золото и серебро, табуны коней и много оружия и обучены воевать более, чем ромеи. Они люди грубые, которые не осмеливаются показываться вне лесов и защищенных деревьями [мест]. Они даже не знали, что такое оружие, за исключением двух или трех λογχάδια —[копий], т. е. копья для метания [ܕܪܘܬܐ дротик].

Рассказ двадцать шестой

о войне ромеев и персов у города Теллы в месяце хазаране [июне] года 892 [581 г. н. э.]

После того великого опустошения, которое было в обоих государствах — ромейском и персидском, с обеих сторон просили договориться относительно мира между двумя государствами. Договорились через посредство епископов Низибии, Решайны и прочих и через Захарию Софиста [из города] ромейской стены. Наконец, осмелился один слепой марзбан персидский, который, надеясь на свое войско, гордый и славный своей храбростью и сказал царю: «Не уступай ромеям, не заключай с ними мира. Я тотчас отправлюсь, всех уничтожу, захвачу все из области и проведу в Антиохии зиму». Царь, понадеясь на его хвастовство и сам будучи гордым, пренебрег переговорами о мире. Этот марзбан, имя которого было Там-Хосрой, собрал войска и выступил против Теллы Маузалат, в которой были великие стратилаты и военачальники, достиг и осадил город. Стратилаты вышли ему навстречу, особенно же муж сильный и боеспособный, по имени Константин. За день до этого он схватил мужа, одного из их шпионов, и выспросил его: каков собой Там-Хосрой, в каком именно месте войска он едет и находится. Когда он это узнал, он вышел на бой с той именно стороны и увидал марзбана среди войска. Он разогнал себя и с силой проник в середину персидского войска, направился против Там-Хосроя, поразил его копьем [κοντάριον — hasta], свернул и сбросил его с лошади, повернул копье, ударил и проткнул его. Но персы окружили и убили там и самого Константина, мужа христиански верующего и боеспособного. Когда персы увидали, что убит тот, на которого они надеялись больше, чем на самого царя, который хвастал, что тотчас, штурмом возьмет город и поселится в нем, и что их со всех сторон окружают ромейские войска, они начали отступать; их преследовали ромеи и арабы, уничтожили и поразили многих из них, как говорят, много тысяч человек. Так как мы не знаем этого достоверно и избегаем лжи, мы не можем указать этого с точностью. Все же известно, что многие из них пали. Также говорили, будто бы, у них было убито трое других начальников [ܪܫܝܐ] и была посрамлена вся их гордость. Они бежали и сначала пришли к реке, называемой Бетваши (Бебас), и жили там около трех месяцев, ожидая возможности битвы. Но когда они не смогли устоять против ромеев, они возвратились со срамом в свою землю, не выполнив своего намерения, которое они имели, так как произошло все сказанное выше.

Рассказ двадцать седьмой

о Маврикии, который стал над всеми военачальниками Востока [1]

Это Маврикий, о котором уже была речь выше. Когда Константин патрикий, сын Германа, который был назначен над всеми военачальниками Востока, скончался, а военачальники друг другу не подчинялись, то милостивый император Тиверий послал Маврикия начальником над всеми стратилатами и ромейскими военачальниками, которые были на всем Востоке. Маврикий был с ними вместе нотарием, и потому, когда Тиверий воцарился, он его возвеличил и дал ему должность comes execubitorum. Он дал ему власть над всеми боевыми войсками, назначать и отпускать, и делать все, что он желает. Когда он получил это назначение, он выступил с большим войском, с экскубиторами и скрибонами, и достиг области Каппадокии, из которой он был родом, из города Арабиссуса. Из этой области он набрал много юношей, чтобы они служили [воинами], как ромеи, а также из области Ханзит армянской и из Сирии, когда он туда прибыл. Прежде всего он расположился у города Китариза, и в страхе была вся персидская земля от первых слухов о нем. Марзбан, который оберегал Персидскую Армению, когда услыхал о нем, испугался и, желая под каким-либо предлогом бежать от него, с хитростью послал сказать начальникам, засевшим в Феодосиополе: «Доколе мы будем сидеть и стеречь друг друга? Через тридцать дней приготовимся к битве и ударим, чтоб знать, кто победитель и кто побежденный». Сказанное начальники послали сообщить комиту Маврикию, а он приказал, чтобы они ответили: «Мы готовы». Ромеи положились на этот ответ. Марзбан же со своим войском ночью бежал оттуда, прошел свои области, двинулся далее, перешел в ромейские пределы против Майферката и начал опустошать, сжигать, убивать и брать в плен во всей области Софанены и в области Амидской. Они достигли Амида, обложили и засели вокруг него на три дня, а когда увидали, что не могут его покорить, они стали просить, чтобы им дали золото выкупом за город — и тогда они не станут жечь его окрестности. Они не поверили им, думая, что дадут ли они, или не дадут, они все равно будут жечь. На это персы разгневались и сожгли все церкви, все монастыри, богатые и бедные, и все прочее вне города, побывав всюду, где возможно. Так в течение пятнадцати дней они грабили, брали в плен, а затем возвратились в свою землю поспешно, в великом страхе перед ромеями. Комит Маврикий, когда, наконец, узнал об этом, разгневался, взял свое войско и отправился в Сирию, преследуя их, но не настигнув их. Ромейские войска в негодовании и гневе бросились в область Арзун, опустошали, жгли, уничтожали и брали в плен во всей области и перебрались затем в ромейские пределы, как мы об этом сообщили в предшествующем рассказе. Все пленные, которые были привезены оттуда, по приказу императора были посланы на остров Кипр и были распределены между городами и селениями и находятся там до сего времени.

Рассказ двадцать восьмой

о войне, бывшей в Армении, и о прочем, что там произошло и случилось

Так как большинство войск ромеев было направлено с двумя стратилатами Иоанном и Курисом против Персидской Армении, то и персы выставили войска против них. Как мы уже сообщали выше, ромейские войска раз-

[1] Magister militum per Orientem.

делились, и из них стали отдельно около пятидесяти тысяч, гневаясь и возмущаясь, говорили: «Пока мы не получим наше жалование [ܣܘܢܝܬܐ συνήθεια] полностью [ܫܠܡ πλήρης] и нам не будет известно количество для каждого из нас, чтобы мы могли надеяться оставаясь на наших местах, ни один из нас не выйдет в бой и мы не станем ни с кем воевать». Когда об этом узнал император Тиверий, он тотчас, без промедления, послал туда куратора, эконома дворца Хормизда, по имени Домдзолуса, дал ему много золота, чтобы он их наделил, умиротворил и успокоил их и таким образом они были бы готовы к войне. В это самое время персидские марзбаны послали сказать ромейским начальникам: «Для чего мы сидим так друг против друга, как женщины? Выйдем на равнину и будем биться друг с другом». Когда услыхал об этом Курис, ромейский военачальник, как мудрый муж из числа бывших с великим Нарсесом, проделавший с ним много кампаний в ромейских областях, он послал им сказать следующее: «Нынче мы не можем биться, потому что и всего нашего войска здесь нет, но если вы пойдете на нас, то, насколько наш бог даст нам силу, мы встретим вас». Когда народ магов получил этот ответ, они выступили с большой уверенностью, ничуть не остерегаясь и не боясь ромеев. В этот же день Курис, спокойно приготовив свое войско, всего около двадцати тысяч, вышел ночью, когда на востоке еще было темно и те, беззаботно расположившись, отдыхали и спали, напал на них, как огонь, оставленный в лесу, как пламя, пожигающее горы.[1] Он поразил, смутил их и уничтожил их, так что только немногие из них бежали. Многих он захватил в плен, взял также одного марзбана и его сына, ограбил весь их лагерь и вернулся с большим торжеством, при своем оружии и своих конях.

Рассказ двадцать девятый

об одном персидском самозванце, который выдавал себя за царского сына

После смерти персидского царя Хосроя воцарился его сын Хормизд и, по древнему обычаю тех, которые там воцарялись — убивать всех своих братьев—и он одних из братьев убил, других ослепил. Один же, как говорят, которого его отец желал посадить на царство, а весь их синклит [сенат — ܣܢܛܪܘܢ] презрел и не желал принять этого, как утверждают, Хосрой снабдил его в дорогу и отослал еще при жизни, говоря: «Иди себе, мой сын, беги пока я жив, чтобы тебе не быть убитым». Так как он бежал, то о нем было множество толков, в разных местах были надежды и слухи среди его соплеменников, что он существует. Один ловкий обманщик из персов, молодой юноша, появился, указывая на доводы и приводя доказательства, так что ему поверили, что он бежавший сын Хосроя. Он пришел к ромейским военачальникам Персидской-Армении и сказал им, что он желает подчиниться ромейскому государству и «если признает меня император ромейский и даст мне войско, я покорю все войска и области Персии. А брата моего Хормизда, который похитил мое царство, я привезу его связанным и предам его ромейскому императору». После того как ромейские военачальники всесторонне рассмотрели это дело, они поверили, так как многие люди свидетельствовали о нем, что он сын царя, бежавший от своего брата. Они написали императору Тиверию его слова, обо всех розысках, которые они делали, о том, что находятся люди, которые его знают и свидетельствуют о нем, что он сын царя, и о том, что он ничего не имеет. Когда победоносный царь

[1] Псалом 83_{14}, по Пешитте.

Тиверий получил и уверился во всем том, что было ему написано военачальниками, он тотчас отправил с послами много золота, серебра, много прекрасных одежд, лошадей, много мулов, чтобы почесть и одарить его. Он также приказал, чтобы ему оказывались почести во всех областях и городах, всеми судьями [1] областей, когда он будет ехать в столицу. Так и было. С многими почестями и великой честью, как царь, он проезжал области, и еще ему было послано много подарков. Когда он достиг Халкедона, чтобы переправиться в столицу, было приказано, чтобы он подождал, так как император сам полагал рассмотреть тщательно все дело. Был некий спафарий царя персидского, который прибыл для переговоров о мире; они и те послы, которые прибыли с ним, знали его. Император приказал им отправиться к нему и посмотреть, знают ли они его, и не обманщик ли он, чтобы не быть ему [императору] осмеянным. Когда они его увидели, то они его не узнали. Спафарий же, сам перс, обо многом распрашивал его, и тот не мог оправдаться. Он сидел на высоком престоле, как царь; спафарий же схватил его рукой за волосы, поднял и поверг вниз, говоря: «Ты, обманщик, достойный смерти, ты сидишь на высоком престоле, а знатные царства стоят перед тобой». И он ударил его еще по шее и так раскрыл его обман, а он не мог защититься и доказать о себе правду. Император приказал, чтобы его поселили в некоем месте, но не наказал его, как обманщика, но приказал выдавать содержание [ܦܰܬܳܢܳܐ, δαπανή] ему и бывшим с ним. Император не повидался с ним, но говорят, что ему выдавали более трех кентенариев. Впоследствии он стал христианином.

Рассказ тридцатый

о Сирмиуме, большом городе государства гепидов, который авары захватили силой

Этот варварский народ, авары, собрались и захватили те два места, которые были построены, засели и угрожали войной и опустошением ромейским областям. Они послали сказать императору Тиверию: «Если ты желаешь иметь нас друзьями, отдай нам Сирмиум, чтобы мы поселились в нем по твоему согласию; если же нет, то мы возьмем его вопреки твоей воле и будем твоими врагами». Император же отделался от них словами и разными обещаниями, никак не желая отдать им город, а сам тайно послал посольство к лангобардскому народу и к другим народам, чтобы их раздражить и поднять в тылу против них. Когда те стали принуждать его, чтобы он выразил свою волю, он послал к ним Нарсеса, великого спафария государства, чтобы переговорить с ними и задержать их. Нарсес взял с собою много золота — своего и государственного, а ему было тайно приказано не спешить с приездом, чтобы, когда придут те народы, принять их и ударить вместе [на аваров] и, если возможно, уничтожить их. А [аварам] послали сказать: «Вот мы посылаем именитого Нарсеса, нашего спафария, который приедет, переговорит и заключит с вами мир».

Рассказ тридцать первый

о путешествии спафария Нарсеса

Славный спафарий Нарсес выехал из столицы с большой пышностью, многочисленным войском, изобилием золота и различными одеждами.

[1] ܫܠܝܛܐ — судья, эгемон, как и в хронике Иешу Стилита, высшее должностное лицо города.

Много кораблей было наполнено всяким имуществом и направлено в путь через опасное море Понт. Один корабль с множеством золота и всего прочего, с одним из магистров [μαίστρος] и прочими евнухами, которые сидели на нем для того, чтобы оберегать то, что было на корабле, в первый же день своего пути потонул. Нарсес узнал об этом, после того как вступил из моря в устье реки Дуная, и от беспокойства впал в тяжкую болезнь. После горьких мучений через некоторое время его постиг конец, и он мучительно умер. Пропали все его [замыслы], и ничто из них не было выполнено. Все остальное множество оставшегося после него имущества вернули с трудом.

Рассказ тридцать второй

о том, что не произошло того, на что надеялись, и город Сирмиум был отдан этим варварам

Так как Нарсес ничего не выполнил, а те народы [лангобарды] не пришли, то император был вынужден послать другого человека, по имени Калистерия, епарха претория [praefectus praetorii], к аварам. Он отправился и сдал им город, так как он считал, что это лучше, чем если он будет взят с боя и силой, после двух лет притеснений и такого тяжкого голода, что после всех животных и всякой живности ели даже кошек и тому подобное, в горькой нужде, которая была не меньшей, чем бывшая в Самарии, как поучают нас писания. Говорили также о жалости, которую выказывали эти варвары к людям, измученным там голодом, которая была удивительна и служила обличением для христиан, которые не жалеют своих товарищей и не имеют милости к своей плоти. Потому что, когда они вошли в город и увидали смертельные мучения народа, который в нем был, они пожалели их и дали хлеба для еды и вина для питья. Но так как они были истощены голодом в течение долгих двух лет, они жадно ели и тотчас внезапно умирали. Те, что были в живых, удалились и ушли из города, а варвары взяли город и поселились в нем.

Рассказ тридцать третий

о происшедшем затем пожаре в Сирмиуме

Как говорят, после того как варвары захватили христианский город и прожили в нем около года, один бог знает, каким образом напал огонь на город Сирмиум и внезапно весь его разрушил и сжег. А так как варвары не знали, как его прекратить и затушить, они все бежали ни с чем и покинули его, так что он весь сгорел и разрушился. Многое было бы достойно упоминания в рассказе о нем, но по пространности многих рассказов мы большинство оставили в стороне.

Рассказ тридцать четвертый

о перечислении многих сражений, о битве комита Маврикия и о пленении Арзуна

О том, что случилось в предшествовавших битвах, мы пытались тщательно проследить и кратко сообщить. Мы описали также бой славного

патрикия Маркиана против Низибии и что там случилось, затем о переходе Хосроя с его войсками в пределы ромейские, о покорении Дары, а также и города Апамеи и о прочем. Затем [мы рассказали] о поездке победоносного Маврикия на восток с большим торжеством, о страхе, который напал на народ магов, и как они надеялись обойти их; они украдкой перешли в ромейские пределы со стороны Майферката, пожгли и прошли с большим страхом в пятнадцать дней в область Софены [ܣܘܦܢܐ] и подошли к Амиду. Видя, что они не могут покорить город, с варварским гневом они развели огонь и сожгли все окрестности, церкви, монастыри и прочее. Забрав добычу, они спешно возвратились в свою страну. [Мы рассказали] также, как об этом узнал комит Маврикий, пришел в жестокий гнев, бросился преследовать их, но не настиг их, и как он спешно повернул на область Арзун, сжег, разрушил, взял в плен и увел все население Арзуна. Тех, которых он не убил, он привел в Ромейскую землю, и все они были посланы на остров Кипр. Он осаждал там крепости и захватил одну, по имени Пум, и посадил в нее ромейское войско. В другой крепости, по имени Климар, где персы ему противились, он взял выкуп и оставил ее. Они находились там друг против друга, но они заключили соглашение, отдавали и брали друг у друга без страха.

Рассказ тридцать пятый

о другой крепости, по имени Шамкерт, которую построил Маврикий против Софены

Комит Маврикий также постарался и построил крепость на высокой и мощной горе Шамкерт, по которой и эта крепость была названа Шамкерт. Он установил в ней ромейский [гарнизон], определил ему анноны и всячески снабдил. Этот Шамкерт находился на ромейской земле. Он предоставил ее постройку механику и заканчивал ее, будучи сам в персидской земле.

Рассказ тридцать шестой

о другой крепости, называемой Акба, которая находится на [реке] Деклат в персидской земле

На берегу реки Деклат, на границе против Майферката, находится крутая гора, на которой с отдаленных времен злонравный народ магов предполагал построить крепость. Но так как между ромеями и персами был договор, что в таком-то количестве миль [ܡܝܠ] от границы ни те, ни другие не имеют права строить, ромеи им противились и не давали им возможности строить, и в течение долгого времени они начинали строить и прекращали. Но еще до того времени, о котором мы сообщаем, персы нашли возможность, построили крепость и засели в ней. Через несколько лет поднялись против нее ромейские войска и обложили ее под началом стратилата, по имени Аулус. В течение долгого времени она была окружена и в осаде, так что голод и жажда измучили тех, что находились в ней, и они были близки к тому, чтобы кончить жизнь. Когда они увидали, что больше не могут терпеть, они просили дать им слово, кто их не убьют, не схватят, не возьмут в плен и не увезут в пределы ромейские, тогда и они сдадут им крепость и выйдут из нее. Вожди так сделали и дали им слово. Они открыли [ворота] и вышли все из нее. Когда они вышли и нашли воду, то стали пить ее, но упали и тотчас умерли, так что только немногие из них

вышли и смогли уйти. Стратилат же и его войско поднялись и разрушили всю крепость и не оставили камня на камне, не свернув его и не сбросив вниз с горы. Также и другие начальники [ܐܡܝܪ] и множество войска собрались туда, засели в разных местах и наблюдали друг за другом.

Рассказ тридцать седьмой

о персидских послах, которые были посланы в это время к нашему ромейскому императору

В это время, когда была захвачена Акба, был год восемьсот девяносто четвертый [894 г. = 583 г. н. э.] и были посланы к нашему ромейскому императору персидские послы и начали переговоры о мире. Послы были отпущены с любовью и начали посылать. . .[1]

---

[1] На этом текст последней, шестой, книги «Истории» Иоанна Ефесского обрывается.

ХРОНИКА ЗАХАРИИ РИТОРА

(Главы, относящиеся к гражданской истории)[1]

Книга седьмая

Седьмая книга в пятнадцати содержащихся в ней главах сообщает о том, что случилось в царствование Анастасия: в 1-й главе о начале царствования и о том, как был изгнан епископ Евфимий; во 2-й главе о восставших исаврийцах и о том, как возглавлявшие их тираны были схвачены и убиты; в 3-й главе о городах Феодосиополе и Амиде, которые были взяты; 4-я о том, как был захвачен город Амид; 5-я о голоде, бывшем в нем, и как вышли из него персы; 6-я как был построен город Дара; 7-я об уходе Македония, изгнанного из Константинополя; 8-я послание пресвитера Симеона, сообщающее о его уходе; 9-я о Тимофее, бывшем после него, и как в его дни в Константинополе проповедывали «распныйся за ны»: 10-я о соборе, бывшем в Сидоне, в дни епископа Флавиана и Ксенайи, в пятом году, то есть в 823 г. греков; 11-я о петиции [δεήσεως], поданной синоду восточными монахами и Кузьмой Антиохийским; 12-я о бывшем в Тире в дни Севера и Ксенайи соборе, который с большим дерзновением [παῤῥησια] проклял Халкедонский собор и томос Льва; 13-я глава о смерти царицы Ариадны и о тиране Виталиане, взявшем в битве Ипатия; 14-я глава о смерти Тимофея и бывшем после него Иоанне, о бесах, вошедших в египтян, александрийцев и арабов, когда они пришли на праздник освящения [ܚܢܘܟܐ] в Иерусалим, и лаявших на крест, и затем вышедших; 15-я о том, кто были епископами [ܐܦܣܩܘܦ] в дни императора Анастасия. Анастасий умер в 829 г. греков в Олимпиаду 324-ю.

Глава I-я той же седьмой книги

сообщает о царствовании самодержца [αὐτοκράτορος] Анастасия, воцарившегося после Зенона, и о тамошнем епископе Евфимии, который был изгнан.

После того как Зенон процарствовал 17 лет, как об этом написано выше, в 6-й книге, в ее главах, он умер в 317-ю Олимпиаду, в год 802 греческого счисления, в индиктион 14-й, в среду великой недели, и воцарился Анастасий, бывший декурионом и силентиарием. Этот муж был из города Дуркана,[2] мужественного вида, здоровый духом и верующий. Когда он служил, он имел влияние [παῤῥησία] [3] на царицу Ариадну; она пожелала и согласилась на его воцарение. За несколько дней до его воцарения один муж, по имени Иоанн Схоластик, брат Дита из Амида, человек твердый, верный, богобоязненный, далекий от зла, и по свободной воле прилежный в служении, схоластик церкви, бывший в Константинополе — в посольстве [πρεσ-

[1] Русский перевод сделан с сирийского текста, изданного в Corpus scriptorum christianorum orientalium Scriptores syri, series tertia, tomus VI. Historia ecclesiastica Zachariae Rhetori vulgo adceripta, edidit E. W. Brooks. II.

[2] Диррахиума.

[3] Буквально: дерзновение.

βείας], по поводу своего города имел видение однажды и во второй раз, что воцарится силенциарий Анастасий. Он призвал его и сказал ему: «За широту, добродетель и красоту твоей души, чтобы ты исполнил благую волю божью, если ты будешь, кротким, спокойным, смиренным, справедливым и покажешь себя для всех спокойным и снисходительным, для пользы всех людей, твоих родственников, и не потому, чтобы я нуждался в тебе, или льстил, я открою тебе, что ты скоро воцаришься». Так как этот Иоанн был знаменит, был почитаем за свои качества, а также был известен многим, потому что он был красноречив, Анастасий поверил ему, присоединился и был постоянно с ним там во время церковных служб. Случилось, что когда он воцарился, он пожелал выразить благодарность и показать расположение подарками, которые желательны и приятны людям. Но Иоанн ничего из них не принял, но тотчас покинул город и вернулся в свою землю. Ему было достаточно документов [= хартий], сделанных ему Зеноном, и только для того, чтобы они были приняты, он взял подтверждение [ܬܬܝܒܬܐ] от Анастасия. . . [*Конец главы опускаю*]

Глава 2-я той же седьмой книги,
сообщающая нам о восставших исаврийцах

Исаврийцы процветали в дни Зенона, который бежал от тиранов Василиска и Марка и скрылся [найдя] убежище в тамошней [разумеется исаврийской] крепости, называемой Салимон [ܫܠܝܡܘܢ]. В дни Зенона они пользовались влиянием в государстве, так как он был им признателен и удостаивал их от себя всякого рода милостями, но они не были благодарны. Они возгордились и стали хитрыми, а когда воцарился Анастасий, они подняли против него восстание, поставили себе тиранов, а начальников, посланных Анастасием, не приняли. Они не только не согласились платить ему подать [ܡܘܟܣ, φόρον], но и подняли соседние епархии [ὑπαρχίας]. Когда заявления [ἐκβοήσεις] и прошения [ἀναφοραί] на них были представлены императору, он, вооружив, послал войска против них. В войне исаврийцы были побеждены, оказались слабыми, были подчинены, а тираны были убиты.

Земля потряслась. Налетела саранча на Ароб в Месопотамии, и случился в девятом году [ܫܢܬ ܬܫܥ] голод, о котором написал рассказ Иаков, учитель Батнский, в одиннадцатом году Анастасия. Многие [жители] Ароба[1] умерли в Амиде, и куда они бежали, и во всех других местах.

Глава 3-я той же седьмой книги,
сообщающая о Феодосиополе в Армении, который был взят, и об Амиде, городе в Месопотамии[2]

Когда Пероз, царь персидских пределов, воцарился в своей земле в тринадцатом году Анастасия, гунны вышли через «ворота», которые охранялись персами, и через тамошние горные места достигли персидских пределов. Пероз испугался, собрал войско и вышел им навстречу. Когда он осведомился у них о причине их вторжения и прихода в его страну, они сказали ему: «Нам недостаточно того, что дает нам персидское госу-

[1] Brooks (Versio latina, II, p. 40) ошибочно полагает, что речь идет о кочевниках арабах; подразумеваются здесь жители Ароба вообще.

[2] Главы 3-я, 4-я, 5-я и 6-я седьмой книги Захарии Ритора были привлечены мною в исследовании «Месопотомия на рубеже V и VI вв.»

дарство, как бы подать людям-варварам, которые подобно злосчастным зверям изгнаны богом в северо-западную страну. Мы живем оружием, луком и мечом и подкрепляемся всякой мясной пищей. Император ромейский через послов, которых он прислал, обещал нам умножить подать, если мы разорвем дружбу с вами, персами. Поэтому мы запаслись и приготовились в путь. Или дайте нам, сколько [дают] ромеи, и мы утвердим с вами союз, или, если вы нам не дадите, принимайте войну». Когда Пероз узнал намерения гуннов, хотя их было и много меньше, чем его войско, он пожелал солгать и обмануть их и пообещал, что даст им [подать]. Собралось четыреста мужей из гуннских начальников, а с ними был Евстафий [ܐܘܣܛܐܬ], купец апамейский, муж лукавый, с которым они советовались. Собрался также Пероз с четырьмя стами мужей, поднялись на гору, установили договор, ели друг с другом и поклялись, простирая руки к небу. Немногие [из гуннов] остались с четырьмя стами мужей, чтобы взять количество собранной подати. Прочие же гунны были отпущены, чтобы они отправились в свою землю. Дней через десять Пероз нарушил [договор] и приготовился к войне как против гуннов, которые рассеялись, так и против тех четырехсот, которые остались, и тех, что были с ними. Евстафий же купец укреплял гуннов, чтобы они не боялись, хотя их и много меньше [персов]. На месте, где были принесены клятвы [ܡܕܒܚܐ], на пылающие угли они вылили мускус и ароматы и принесли их богу, по совету Евстафия, чтобы победить лжецов. Они начали битву с Перозом, убили его и множество его войска, полонили персидские области и возвратились в свою землю. Труп Пероза не был найден, а в своей земле его прозвали лжецом.

Воцарившийся после него Кавад и его знатные [ܪܒܢܐ] были в гневе на ромеев и говорили, что приход гуннов, полон и разорение их земли вызваны ими. Кавад собрал войско и выступил на Феодосиополь, что в ромейской Армении, и осадил этот город. С его жителями он обошелся милостиво, потому что они его не поносили, но он захватил Константина, начальника [ܪܝܫ] их города. В месяце тешри он достиг Амида в Месопотамии. Непрерывными ударами острых стрел лука и баллистами били в стену, чтобы она упала. Кожаные покрышки предохраняли тех, что собирали, складывали насыпь [1] и равняли ее в высоту со стеной. Но в течение трех месяцев, изо дня в день в бою, он не взял города, тогда как бывшему с ним народу досталось много тяжелого в труде и битве, а он собственными ушами слышал ругательства со стены от людей не регулярных,[2] их издевательства и насмешки. Он пришел в большое огорчение, был в досаде и раздражении, что наступила суровая зима и что персы, затрудненные своими одеждами,[3] показали себя слабыми, а их луки весьма ослабели от влажности воздуха. Их баллисты не повредили стены и не сделали в ней пролома, потому что те [амидийцы] прикрепили к зубцам матрацы постелей цепями и на них принимали удары баллист, препятствуя им пробить стену. Из толщи насыпи они [амидяне], пробив стену, выносили землю оттуда и подпирали деревом впадину снизу. Когда на насыпь поднялись вооруженные, отборные мужи — персы, они приставили стволы к стене, чтобы взойти. Были также и вооруженные, а со стороны приблизились царь и его войско и помогали им оружием, метанием стрел, ободряли криком, а он поддерживал и пособлял им своей близостью и присутствием. Было их около пяти-

[1] ܟܘܠܐ — mulus, как у Прокопия λόφος.

[2] ܒܪ ܐܢܫ ܕܠܐ ܓܝܪ — люди, не принадлежавшие к регулярному войску.

[3] Одетые в шарбала, длинное, широкое одяние.

сот мужей. [Осажденные] со стены сбросили на дерево шкуры, только что снятые с быков, и греческое сено, пропитанное нефтью, вылили по шкурам сок греческого сена, чтобы сделать их скользкими, и развели огонь во впадине над насыпью. После того как они бились друг с другом часов шесть и [персам] воспрепятствовали войти, огонь разгорелся и сжег деревья впадины, и тотчас разрушилась остальная толща от воздействия огня, насыпь подломилась и упала. Бывшие на ней персы погорели и были побиты камнями тех, что находились на стене. Царь повернул со стыдом и горечью, еще более осмеянный и пристыженный нахальными, гордыми и хвастливыми людьми, так как в городе не было епископа, который бы их наставил и установил порядок. За несколько дней до этого умер епископ Иоханан, муж скромный, славный и добродетельный. Он был призван из монастыря Картаминского, пришел, будучи избран, и стал епископом, но своего поста, аскетического образа жизни он не изменил, а был тверд в его выполнении днем и ночью. Богатых города [ܩܕܡܝܐ ܩܪܝܐ] он предупреждал и уговаривал, говоря, что во дни голода и нападения арабов и чумы не следует хитрить с зерном в бедственное время, но продавать и давать нуждающимся, чтобы, удерживая его, они не сберегли его врагу, по слову писания, что и случилось на деле. Ему явно явился ангел, который стоял со стороны жертвенного стола и предварил его о приходе врагов и о том, что он, как муж праведный, отойдет до врагов. Он открыл это слово, сообщив его перед городским народом, чтобы он обратился и спасся от гнева.

Глава 4-я той же седьмой книги
сообщает, как был взят город Амид и что случилось с его жителями

Когда различные нападения Кавада и его войска, которые он совершал на город, не удались, а многие из его воинов умерли, у него опустились руки; тогда он попросил, чтобы ему было дано небольшое количество серебра, и он уйдет от города. Но Леонтий бар Паппий глава сенаторов,[1] эгемон Кир и Павел бар Зайнаб казначей [2] через тех, что они послали к Каваду, спросили с него стоимость насаждений садов, которые поели его войска, и за прочее зерно и вино, собранное и увезенное ими из деревень. Он был этим весьма угнетен и уже был готов со стыдом удалиться, когда, как он рассказывал впоследствии, ему явился в ночном видении Христос и сказал ему, что через три дня он предаст ему жителей города за то, что они согрешили против него. Случилось это следующим образом. С западной стороны города, у Трипиргия, стража была из монахов, поставленных из монастыря Иоанна Ортайского, настоятелем которых был перс. Против этой башни, которую они стерегли, снаружи расположился некий марзбан канарак [3] хромой. Он усердно сторожил изо дня в день; ночью и днем он был внимателен и осторожен, ухищряясь, как бы взять город. Человек некий, которого звали в городе Кутрига [Котрига, ܩܘܛܪܓܐ], муж охотник [ܩܝܣܛܪܝܐ — στασιάριος], вздорный и вор, он всяческим образом сильно раздражал персов, осмеливался захватывать у них скот и имущество, так что и они, как они обычно слышали, что его зовут находящиеся на стене, стали звать его Кутрига. Его-то и заметил канарак и понял, что из водопроводов, связанных с Трипиргием, он выходил, хватал и уходил. Персы и в этот раз допустили, чтобы

---

[1] ܪܒ ܣܘܢܩܪܝ — ἀρχὶ βουλευτῆς.

[2] ܩܕܡܝ — major domo.

[3] Канарак — звание персидского военачальника.

он выполнил свою волю; различая и рассматривая его действия, они последовали за ним и высмотрели, откуда он выходит и входит.

Случилось, что в ту ночь, когда был взят город, были мрак и темнота от облаков и моросил мелкий дождь. Монахам, стерегшим Трипиргий, кто-то по дружбе устроил угощение, напоил вином поздним вечером, поэтому их одолел сон, и они не бодрствовали на страже так тщательно, как обычно. Следуя за Кутригой, канарак с немногими из его войска приблизился к стене, но монахи не стали кричать и не бросали камней, так что этот муж понял, что они спят, и послал за лестницами и за войском. Те, что были с ним, вошли в водопровод, поднялись на башню монахов и убили их, захватили башню и вал,[1] повесили лестницы на стену и послали к царю. Когда соседи, сторожившие другую башню, это услыхали, они закричали и хотели притти к монахам, которых убивали, но не смогли, и некоторые из них были поражены стрелами персов и умерли. Когда эгемон Кир услыхал это известие и прибыл, его сопровождали факелы, и поражены были стрелами те, что несли факелы, и он был легко ранен стрелой, персами, стоявшими в темноте, так что их не могли поразить метавшие стрелы. Раненый [Кир] удалился. Когда наступило утро, царь и войско прибыли на место. Лестницы повесили на стену, и [царь] приказал войску подняться. Многие из тех, которые поднялись, умерли, пораженные стрелами и камнями, брошенными копьями [κονταρίοις lancea]. Те, что из страха поворачивали обратно с лестниц и спускались, по приказу царя были убиты, как трусы и бежавшие с битвы. Поэтому персы осмелели и жертвовали собою, чтобы или торжествовать как победители и покорители города или чтобы быть ранеными в битве и не быть обвиненными их царем и убитыми. Сам он находился близко и был зрителем их битвы. Жители города захотели разрушить снизу сводчатые арки башни, на которой были персы. Они начали разрушать подпорки. Но пока это происходило, была взята другая башня, а затем еще одна, а защищавшие стену были убиты.

Петр, видный муж, геройски [2] один удерживал вал, с одной стороны. Он был одет в железные доспехи и не давал персам взойти, а тех, что нападали снаружи и изнутри, он поражал и сбрасывал копьем. Он сопротивлялся и стоял, как герой, пока с другой стороны не было захвачено пять или шесть башен; наконец, бежал и он, и не был убит. Сначала персы взяли всю стену и захватили ее; они убивали и поражали стерегших [в течение] ночи и дня и еще одной ночи. Затем они спустились, открыли ворота, и вошло войско с приказом царя вырезать всех, всякого возраста и положения, мужчин и женщин, в течение трех дней и трех ночей. Одну церковь, называемую великой, сорока мучеников, переполненную народом, выпросил у царя и спас один христианский царек из земли Аран. После трех ночей и дней резня была прекращена по приказу царя, и вошли мужи, чтобы оберегать сокровища церкви и богатых города, чтобы то, что там найдется, принадлежало царю. Он также приказал, чтобы трупы убитых на улицах [3] и распятых были собраны и отправлены в северную [часть] города, чтобы мог въехать царь, находившийся вне, с южной стороны. [Трупы их] собрали и вынося сосчитали, 80 000 было их, кроме тех, что сложили в лавках, брошенных в водопроводах и оставленных во дворах.

---

[1] ܦܕܛܘܪܐ — πεδατοῦρα, vallum.

[2] В рукописи ܓܒܪܐ Brooks предлагает читать ܓܒܝܐ или ܕܒܪܝܐ. Последнее мною и принято.

[3] ܫܘܠܛ — πλατεῖα, platea.

Затем царь вошел в сокровищницу церкви, увидав там изображение господа нашего Иисуса, нарисованного в виде галилеянина, он спросил — чье оно. Ему сказали, что оно бога назареев. Он склонил свою голову перед ним и сказал: «Этот сказал мне, подожди и возьми у меня город и его жителей, согрешивших передо мной». Он взял много серебра, святых сосудов и золота, драгоценные одежды, доставшиеся незадолго перед тем церкви по наследству от ипата, Айсехака бар Барай, богатого мужа города. Он нашел там и прекрасное вино, засохшее в отстой; его выносили и держали на солнце в течение семи лет, и, наконец, оно высыхало. Его брали экономы, когда бывали в дороге, клали в маленькие чистые полотняные мешочки и бросали его немного в питье и пили. Оно имело сладость и вкус вина. Незнающим они говорили, что это «хенана».[1] Царь этому весьма удивился и взял это вино. С того времени прекратилась эта штука чревоугодия церковников.

Золото, серебро, красивые одежды были собраны из домов богатых и были отданы казначеям царя. Сняли и все статуи [ανδριαντας] города, часы, мрамор, собрали бронзу и все, что хотели, сложили в лодки из дерева, которые они сделали, и отправили по реке Деклат [Тигр], который протекает на востоке города и течет в их землю. Царь спросил старшин [ܪܫܝܐ] города и его управителей, и к нему привели Леонта, Кира эгемона, который был поражен стрелой, и прочих знатных. Павла же бар Зайнаб, эконома, персы убили, потому что они нашли у него много золота, и боялись, чтобы он не открыл этого царю. Леонта же и Кира одели в грязные одежды, набросили им на шеи свиные веревки, навьючили на них свиней и тащили их, возвещая и провозглашая о них, говоря: «Правители, которые нехорошо управляют своим городом и не удерживают народ, чтобы они не оскорбляли царя, достойны подобного издевательства».

Затем их связали. Собрали богачей, всех глав ремесленников [=мастеров]; они были отделены, как пленные царя, и были отосланы в его землю с войском, которое их повело. Известные люди из войска царя приблизились и сказали ему: «Наши близкие и братья убиты в бою жителями города», и они просили его, чтобы он выдал им каждого десятого из мужей для удовлетворения мести. Собрали, посчитали и дали им из простого народа; они умертвили их, убивая их всякими способами.

Царь купался в бане Павла бар Зайнаб и после зимы покинул город, оставив в нем военачальника Эглона [Глона], двух марзбанов и около трех тысяч войска, чтобы оберегать город, а Иоханана бар Хабалаха, из богатых, и Саргиса бар Забдони, чтобы управлять им. Затем летом прибыли ромеи и военачальники: великий стратиг Патрикий, муж старый, прямой, верующий, но малого разума; Ипатий, магистр Келер и, наконец, Ареобинд. С ними был и комит Юстин, тот, который воцарился после Анастасия. Они собрались и обложили город, устроили башни из дерева, подкопы, всякие машины, подожгли ворота города, называемые храмом мар-Зеоры, чтобы проникнуть к персам. Но им препятствовало то, что они отдыхали, и они не вошли, потому что персы их заперли. Ромеи не захватили города и не отобрали его у них с боем, хотя люди, находившиеся в нем, были измучены повседневным голодом до того, что ели друг друга. Хотя это и ужасное сообщение, но достопамятно, так как оно истинно, как я расскажу еще в этой пятой главе той же книги.

---

[1] Благодать, милосердие. Порошок, изготовлявшийся как благодатная пища, лепешки с медом и с землей с могилы мучеников тоже называются у сирийцев хенана.

Глава 5-я той же седьмой книги,
которая сообщает о голоде, бывшем при взятии Амида, как из него вышли персы и отправились в свою землю

Царь Кавад, как было сказано выше, когда он отправился со своим войском из Амида в свою землю, он оставил в нем мужа Глона, военачальника, двух марзбанов и около трех тысяч войска, чтобы оберегать город, двух, трех богачей и частных людей. Между тем эти ромейские военачальники не смогли взять город и захватить его. Но Патрикий отправился в Арзун персидский, захватил пленных и взял в нем крепости, а Ареобинд и Ипатий к Низибии, но они не взяли ее и показали себя слабыми в битве, хотя жители города и были расположены к ромеям. Когда услыхал [об этом] царь Кавад, он с войском пошел на ромеев, а они бежали от него, оставив свои палатки и бывшее с ними имущество, Ареобинд из Арзама,[1] что у Ападны, а из крепости Теллы [ܬܝܠܐ] Ипатий, Патрикий и другие.

Они потеряли много лошадей и бывших на них всадников, которые упали со скал гор, разбились, умерли и покалечились. Один только Фарзман, муж воинственный, имел успех в боях известное время; он был славен, и персы его боялись; его имя ужасало их, его дела уничтожали их и сокращали их [численно]; перед ним они оказались трусами и пали. Этот под конец пришел с пятьюстами всадников к Амиду и подстерегал персов, выходивших в деревню, некоторых из них убивал и забирал бывший с ними скот и лошадей. Явился к нему один хитрый муж, по имени Гадона, из селения Акхара, я знал его, и заключил с ним соглашение, что он ухитрится под каким-нибудь предлогом вывести ему Глона, военачальника персов, с тремястами или четырьмястами всадников. Был же муж этот, упомянутый Гадона, охотником на лесных зверей, дичь и на рыбу. Он имел обыкновение свободно входит к Глону, держа в руках подарок для этого мужа с охоты, ел перед ним хлеб и получал от него что-нибудь из города, равное по цене. Наконец, он сказал ему: «Ромеи, около 100 мужей и 500 лошадей, пасут [скот] в семи милях от города, в месте, называемом Афта [ܐܦܬܐ]». Как друг, он посоветовал ему выйти и захватить скот, убив ромеев, и составить себе имя. Тот послал лазутчиков, которые увидали немногих ромеев, а также лошадей; они вернулись и сообщили ему. Он приготовился, взял с собою четыреста человек всадников и этого Гадону на мул. Он привел его, оставил посреди стражи ромеев, в их засаде, и так вырезали ромеи персов, а голову Глона послали в Теллу. Это вызвало огорчение, гнев, опасения у сына Глона и бывших там марзбанов. Они не давали жителям, оказавшимся запертыми в городе, выходить на базар, который собирался со стороны стены. Крестьяне из деревень приносили вино, пшеницу и другие плоды и продавали их персам и горожанам. К ним присоединялись всадники, счетом принимали их и вводили. По прекрасному закону персов никто не смел отнять что-нибудь от деревенских, и они продавали, как хотели, плату и вещи из города. Собирались они на базар охотно. Базар прекратился из-за убийства Глона и его всадников. Богатые, оставшиеся в городе, были схвачены и около десяти тысяч мужчин были заключены в стадион. Их стерегли, и у них не было съестного. Они ели грязь и свой кал, пили свою мочу и, наконец, бросились друг на друга. Когда они почти [все] погибли, то были отпущены, как мертвые из гробов, в город, те, что оставались еще в стадионе. Голодные женщины, находившиеся там, шайками за-

[1] Procopius. De bello persico, I, 8, 10.

бирали некоторых из мужчин прельщением, хитростью, обманом; они подстерегали их, убивали и поедали их. Больше пятисот мужчин было съедено женщинами. Ужас великого голода, бывшего в этом городе, превзошел взятие Самарии и разрушение Иерусалима, о которых писано в писании и сообщено Иосифом.

Наконец, к городу явился Фарзман и заключил договор с находившимися в нем персами, также ослабевшими. Сели начальники [ܪܫܝ̈ܐ] ромейские и персидские у ворот города, и персы выходили, неся на себе, что могли, и их не обыскивали. Если к ним присоединялся кто-нибудь из горожан, то их спрашивали, желают ли они остаться или хотят уйти с персами; таким образом выходили из города. Каваду через магистра Келера было дано одиннадцать кентенариев золота за освобождение города и за мир. Когда была составлена грамота, список ее представили царю, чтобы он приложил руку. Царь спал и ему было сказано в видении, чтобы он не заключал мира. Когда он проснулся, он разорвал хартию и, забрав золото, удалился в свою землю.

Фарзман остался в городе и управлял его жителями и областью. От императора было дано освобождение от налогов на семь лет, и в отношении жителей города император проявил милосердие, а тех, что возвращались из плена, удостаивали щедро подарками и принимали миролюбиво, каждого по его положению [ܟܝܢ ܕܟܝ]. Город успокоился и заселился, к стене

были добавлены строения. В город был послан муж спокойный и мягкий, Фома монах, советник,[1] милосердный епископ, по совету Дайата.[2] Также промысл божий призвал и привел туда праведного Самуила из монастыря Катарра, мужа чудотворца и узоразрушителя, поддерживавшего город своей молитвой и помогавшего его жителям.

Глава 6-я той же седьмой книги

о селении Дара в Месопотамии, как оно было построено на границе ромеев с персами, в дни императора Анастасия и Фомы, епископа города Амида

Стратигам и военачальникам ромейским, прибывшим в столицу после боев на войне с персами, император Анастасий предъявил не мало обвинений, что они, вопреки его желанию, соответственно нашему господу, не были счастливы и не преуспели в войне, не победили персов и даже выгнали их из Амида только подарками и золотом, посланными им. Они защищались, говоря, что трудно стратигам воевать с царем, что хотя, по слову божию, он ассириец и враг, но послан господом в ромейскую землю в наказание за грехи, и что с ним было множество войска. Также не было им легко взять Низибию, в виду ее дальности, так как у них не было подготовленных машин [ܡܟܢܐ] или убежища для отдыха, что крепости отдаленны, малы, чтобы вместить войско, и в них недостаточно воды и прочих продуктов [ܡܙܘܢܐ]. Они стали просить его [императора], чтобы был построен по его приказу город со стороны гор, как убежище для войска, для его отдыха, для подготовки оружия и для защиты области Арабайи от разбойников, персидских и арабских. Одни говорили ему относительно Дары, другие об Амудине. Он послал к Фоме, епископу Амида, который отправил меха-

---

[1] ܒܘܠܐ — βουλευτής советник, сенатор.

[2] См.: Zacharias, Rhetor, 12,7, ed. Brooks, II, p. 202. — Ahrens, 251. — Brooks, lat. II, 23, Dyt.

ника, изготовил план [σχάριφος], с которым этот святой Фома направил его к императору. В глазах императора и знатных казалось хорошо отстроить Дару в качестве города. В то время дуксом был Филициссимус, муж могучий и мудрый, не был одержим сребролюбием, но был прям и любил крестьян и бедных [ܡܣܟܢܐ ܥܠܝ]. Царь Кавад воевал с Тимурайе и с другими врагами своей земли.

Император дал золото епископу Фоме, стоимость селения, принадлежавшего церкви, и купил его для казны.[1] Всех присельников,[2] бывших в нем, он освободил и утвердил каждому его землю и его двор. На постройку церкви в городе он дал известное количество кентенариев золота и обещал с клятвой, что все, что потратит епископ, он отдаст щедрой рукой, не оспаривая. Наконец, он составил грамоту бесспорную и без ограничений, по слову епископа, что этот город должен быть тотчас построен. Ремесленники, рабы [3] и крестьяне, занятые там собиранием материала, имели достаток и были благополучны. Он послал много каменотесов и каменщиков и приказал, чтобы никто не был обижен в оценке труда, так как он ясно понимал и хитро уразумел, что при этом условии он сможет быстро построить город на границе. Когда они достигли этого с помощью нашего господа и начали, то там были надсмотрщиками и блюстителями над работами Кир Адон и Евтихиан, священники, Пафнутий, Саргис и Иоханан, дьяконы, и прочие из Амидского клира. Часто находился там и епископ и наблюдал. Золото давалось в изобилии, без какого-либо ущерба для ремесленников и всякого рода работников.[4] Так, получал работающий за день до четырех кератионов, а если с ним был осел, и до восьми. От этого приобрели и разбогатели многие. Когда стало известно, что это дело прямое и что мзда выдается, с востока до моря собрались [работники] крестьянство и ремесленники. Надсмотрщики над работой также получали хорошо и наполнялись их карманы, так что они находили мужа [епископа] благосклонным, спокойным, ласковым, равно доверяющим императору и обещанному им ему. В два, три года город был построен; так сказать, внезапно вырос на границе. Когда Кавад услыхал об этом, он хотел его разрушить, но не смог, потому что поставлена и отстроена была стена как защита для спасающихся за ней. Были построены большие бани [ܡܚܡܐ], прекрасная житница, акведук, идущий с края горы, удивительная цистерна в середине города, принимавшая воду. Часто приходили контролеры от императора к епископу и все приносили хорошие сведения о его справедливости и праведности. Он был весьма благодарен этому мужу и посылал золото в ответ на его запрос и соглашался без возражений. Под конец кентенарии, которые он посылал, были сосчитаны, а епископ написал и послал царю, что он говорит, как перед богом, что тратил на работу, что он ничего не оставил в своих руках и не передал своей церкви. Тотчас тот послал ему грамоту [ἀμεριμνίαν], что казна [5] приняла при строительстве, что было в городе, все то золото, которое было послано от него, и она наполнилась. Дара была названа по имени верного императора Анастасиополем, и он поклялся своим венцом,

---

[1] ܬܡܝܐ — ταμιεῖον.

[2] ܦܪܘܣܐ — πάροικοι.

[3] Brooks полагает, что упоминание рабов здесь совершенно невозможно (Versio latina, II, 24, note 11).

[4] ܒܟܠ ܝܘܡ ܥܕ ܐܪܒܥ ܩܪܛܝܘܢ.

[5] ܬܡܝܐ, ταμιεῖον — казнохранилище, казначейство.

что не будет логотесии [ܠܘܓܘܬܝܣ] [взиматься] с Фомы и его церкви ни им, ни теми, что станут императорами после него. Там он поставил и посвятил первым епископом священника Евтихиана, мужа усердного и опытного в делах, и дал законную самостоятельность [προνόμια] его церкви от власти церкви Амида. К нему присоединился Иоханан, скромный муж, ромей из Амида. Его-то и постриг Евтихиан, сделал его священником и ксенодохарием, а когда тот отправился в столицу, он был с ним. Когда он повидался с императором, тот дал имущество [ὐσίαν] его церкви. Но Абрахам бар Кайли из Тельбнаде был в то время нотарием [ܢܝܛܪܐ]; Бар Афрем из Теллы, присоединился к Евтихиану епископу, и тот сделал его священником. Он был послан надсмотрщиком над работой и строительством бань, а затем стал экономом церкви. Император дал Евтихиану в подарок священные сосуды и золото для постройки большой церкви, чтобы ее построить в городе, и отпустил его. Епископ пожил недолгое время и умер. После него были там Фома бар Абдона из Решайна, который был ромеем и был экономом церкви Амида, и он был опытным и усердным в делах. Его поверенным и другом был тот Иоханан ксенодохарий, бывший мужем верным и скромным. Когда смиренный Фома покинул свой престол из-за ревности к вере, к нему присоединился этот верующий Иоханан, которого он сделал хорепископом. Он был около семнадцати лет на чужбине, в разных местах, но правде своей он не изменил и умер в третий [год], когда Хосрой отправился в Антиохию. Он сошелся с монахами, которые ушли из Марде от врагов, был погребен в монастыре Бет Тирай и был положен с епископом, умершим перед тем.

Глава 13-я той же седьмой книги,

сообщающая о смерти царицы Ариадны, как появился тиран Виталиан, который в битве захватил Ипатия

Царица Ариадна, жена Зенона, после смерти своего мужа сошлась с Анастасием и воцарила его; в состоянии второго брака она управляла государством известное количество лет, около сорока, и умерла в 824 г. греков.[1] Муж ее остался, оберегая истину святости, и так вошел в года, заботясь о делах своей державы. Он был в беспокойстве и заботе из-за Виталиана, человека гота, мужа стратига, воинственного, сильного, смелого и искусного в бою. К этому дикарю присоединились многие, и он щедрой рукой раздавал им золото, а тем, от которых отнимали властью Анастасия, он его вновь давал. Хотя долгое время и был в согласии с императором, Виталиан лгал, он восстал, вредил ромейской державе, оскорблял и уничтожал царскую [власть]. До предместий [προάστεια] Константинополя он не побоялся самовольно достигнуть с боем. Однажды против него были посланы Анастасием войска, а Ипатий во главе их; они были им уничтожены, а Ипатий был захвачен. Он очень унизил его, презрел, заперев его в свиной хлев; он возил его среди войска с большим позором. В свое время Ипатий схватил жену Виталиана и изнасиловал ее. Это горе возбудило последнего против него, ибо этот Ипатий в расцвете молодости был плотским и сладострастен к женщинам. Под конец большим количеством золота, посланного за него, он был выкуплен и вернулся из плена у Виталиана. Испытание есть мудрость.

---

[1] 824 г. греческой эры = 824—311 = 513 г. н. э.

Глава 14-я той же седьмой книги

. . .[*Отрывок*]

Анастасий умер 9-го таммуза, а после него был Юстин, который выступил с войском и со стратигами, когда Кавад, царь персидский, пришел к Амиду. Он [Юстин] был старцем, красивый видом, в седине; он не был учен и был единомыслен в вере с сынами Рима [ܒܢܝ ܪܘܡܝ], потому что он был из этого государства, из крепости Муриана,[1] с дурной водой, превращающейся в кровь, когда она кипит.

В этой книге [заключается] время жизни Анастасия 27 лет и 3 месяца с половиной.

Книга восьмая

Глава 1-я — Юстин. Глава 2-я — Виталиан [*пропускаю*].

Глава 4-я той же восьмой книги,

сообщающая о водах, вторгшихся в Эдессу; о том, что прекратилось течение воды Силоама в Иерусалиме, что Антиохия потряслась и сгорел храм Соломона в городе Баальбеке

Асклепий бар Мельхе, брат Андрея и Демосфена, бывшего там епархом после Павла, который показывал себя православным, был в Эдессе. Муж этот телом был прекрасен и чист. В дни Флавиана, когда тот был епископом, перед Асклепием, он составил ему письмо, чтобы не проклял его собор, потому что он был его синкелом. Это писание попало в руки святого Севера, который был после Флавиана; и когда этот Павел прибыл, чтобы приветствовать его, он отдал его ему и простил ему его вину по любви божией. Когда он исповедывал себя православным, этот мудрый муж не раскрыл его, чтобы покрыть рассуждение, как написано [выше]. Сначала в дни этого императора он настаивал не принимать собора при поддержке эдесситов, которые из-за этого изо дня в день сердились и бранились. Только когда он был сослан в Евкайту, он согласился и вернулся в Эдессу. Но он стыдился, что несколько колебался, и вскоре умер, а после него был Асклепий. Этот муж был несторианин. Он был справедлив в своих делах и любил крестьян земли [земледельцев — ܐܝܟܪܐ ܕܐܪܥܐ], был к ним снисходителен, не был жаден к подаркам. Телом он был скромен, церкви своей во всем происходившем он очень помогал, покрыл и долги. Он был рачителен и горяч с верующими, и многие из них были гонимы и были преследуемы всякими страданиями, или умерли мучимые Либерарием, мужем готом, суровым начальником [ܓܘܬܝܐ], называемым «поедателем быков».

Так было в Эдессе, когда в 836 г. греков, в третий [τρίτη], 22 нисана [2] вода переполнила реку Дайсан, которая входит и протекает по городу. Она наводнила, разрушила обе стороны стены и потопила многих, так как было время обеда; и когда еще их пища была у них во рту, настигли их воды наводнения Дайсана. Асклепий же и Либерарий были спасены.

Прекратилось течение воды Силоама, что находится в Иерусалиме, с южной стороны, на пятнадцать лет. Есть храм Соломона в Баальбеке городе, лесничестве Ливана, о котором упоминает писание, что его построил Соломон и положил в нем оружие. На юг от него находятся три удивительных камня, на которых он ничего не построил. Они были связаны между

[1] Бедериана.
[2] 22 апреля 525 г.

собою, соединены, едины и следовали один за другим; они были известны тройственным соединением и были весьма велики. Как бы таинственно они были положены у храма, как исповедание веры в почитаемую троицу и для призвания народов и проповеди евангельской вести. Молния упала с неба, когда шел маленький дождь, она ударила в храм и разбила его камни пожаром, разрушила его колонны [ܥܡܘܕܐ], разбила и развалила его. Трех камней она не коснулась, и они стояли целыми. Теперь там построили часовню девы Марии, святой богородицы.

На следующий год, четвертый [ܪܒܥܝܐ], случилось в Антиохии сильное землетрясение, необычайное, и умерло в ней бесконечное множество народа. Время было летнее; они ели, и их пища была в их устах; рухнули их дома на них, как на сыновей Иова во время искушения сатаны. Евпрас был там главой священников [ܟܗܢ ܪܫܐ], после Павла, его называли иудеем, он упал в котел с кипящим воском и умер. После него был Ефрем амидиец, бывший в то время комитом востока [κόμης ἀνατολῆς]. Этот муж был в управлении, которое он вел в одних и других местах, справедлив в своих делах, не был жаден к подаркам, был мудр и находчив.[1] Несколько лет он был болен учением диофизитов, из-за книг, которые унаследовала его мать Мака от некоего человека Бар Шелома, теллейца, из последователей Диодора и Федора. Он многих соблазнил и погубил, одних умом и смирением, других, угрожая императором, который любил его и слушался, что бы он ему ни писал.

Глава 5-я той же восьмой книги,

сообщающая о трактатах, заключенных на границе, о Мундаре, царе арабов, который отправился в область Эмессы и Апамеи, захватил много пленных и забрал с собою, об епископах восточных, верующих, которые были изгнаны и бежали из своих церквей

Персидский царь Кавад настойчиво просил о выплате подати по пяти кентенариев золота, которая выплачивалась ему императором ромеев на содержание [ἀνάλωμα] персидского войска, сторожившего ворота перед гуннами. Поэтому он посылал от времени до времени своих арабов в ромейские земли; они опустошали и брали в плен. [Так что араб Мундар прошел и полонил всю область Лимитон, т. е. Белиха и Хабора.] [2] Также и ромеи переходили и наносили вред его земле Арзун и области Низибии. Поэтому были [заключены] соглашения, и оба царя послали, Юстин — Ипата и старца Фарзмана, а Кавад аштабида. На границе они вели длительные переговоры, которые сообщались обоим царям их знатными через почтовых [βερεδάριος — veredarius]. Относительно мира между ними ничего не было установлено, между ними возникла вражда. Арабский царь Мундар отправился в области Эмессы и Апамеи и в область Антиохии однажды и вторично, и многих взял и увел с собою. Четыреста девушек, взятых им внезапно в плен из общины [ܥܕܬܐ] апостола Фомы в Эмессе, он принес в жертву для почитания Уззы. И Дада, монах, старый муж, полоненный из той же общины, видел это своими глазами и рассказал мне. [Стр. 77_4—78_4 пропускаю.]

В девятый [ܬܫܥܝܐ] же, в год пятый царствования этого светлейшего императора Юстиниана, в наши дни [ܒܥܕܢܐ], подвигнутый богом, нашим господом, имеющим провидение о своих рабах, [император] решил должное и приказал вернуть [людей] всех званий из ссылки и из областей, куда

[1] Один лист в рукописи вплетен неверно. Ahrens этой ошибки не заметил.
[2] Взятое в скобки см.: Michel le Syrien, ed. Chabot, texte, p. 270.

они бежали по горячности веры. Верующих епископов он призвал к себе, чтобы они прибыли.

Это было в девятом (году), а в десятом множество гуннов пришло в ромейские области; они перебили тех, что нашли вне городов. Они перешли реку Евфрат и достигли области Антиохии. Итак, по усмотрению божию, как сказано: «Народ мой, иди в твою горницу и спрячься, пока не пройдет гнев мой»,[1] так собрались и верующие востока по приказу императора. Но Иоханан отшельник из Анастасии, муж почтенного нрава, был убит гуннами в пустыне, а Шемон отшельник, называемый рогатым, не был тронут.

Книга девятая

Эта девятая книга сообщает о царствовании Юстиниана, который стал соправителем [ܐܢܛܝܟܣܐ — ἀντικαισαρ] в пятый день последней недели поста, после того, как он управлял в течение трех месяцев вместе с Юстином, его дядей, умершим в исходе [месяца] Тамуца, приблизительно в конце пятого [года]. Юстиниан стал автократором в 838 г. греков, в 327-й олимпиаде. То, что случилось до пятнадцатого года, в течение десяти лет, находится в этих главах, написанных ниже, в этой девятой книге глав 26; о его воцарении написаны ниже главы следующие. Глава 1-я той же девятов книги сообщает о войне, бывшей летом пятого [года] против Низибии и персидской крепости Тебет. Глава 2-я той же книги сообщает о войне, бывшей в пустыне Таннурин. Глава 3-я той же книги сообщает о войне, бывшей у города Дары, что у границы. Глава 4-я той же книги поучает о войне, бывшей у Евфрата в девятом [году]. Глава 5-я напоминает о Гадаре кудишие, военачальнике персидском, и о том, как он был убит, а Яздегерд, сын сестры ефтахша[2] Арзана, был взят в плен. Глава 6-я сообщает о войне, бывшей у Майферката, у границы, и о множестве гуннов, перешедших в ромейские пределы в десятом году. Глава 7-я сообщает, как был заключен мир летом одиннадцатого [года] между ромеями и персами через послов Руфина и магистра Гермогена. Глава 8-я той же девятой книги сообщает о самарянах в палестинской земле, которые восстали и поставили себе тиранов.

Глава 1-я книги девятой,

сообщающая о начале царствования Юстиниана и войне, бывшей с Низибией и с крепостью Тебет

В пятом году, когда царствовал Юстин старец, о котором мы повествовали выше, происходивший из области Иллирики, он сделал соправителем [ܐܢܛܝܟܣܐ] сына своей сестры, который был стратигом. Юстиниан стал соправителем в четверг последней недели поста. После того как он управлял три месяца, его дядя умер, в конце [месяца] Тамуза, и он стал автократом, в 838 г. греков, в 327-ю олимпиаду. Свою крепость Муриану он приказал отстроить большим городом, дал ему самостоятельность церковную [ܩܕܡܝܐ, προνομία], поместил там войско, а воду провели туда издалека, потому что там дурная вода. И вот с начала его царствования и до настоящего времени он заботится о постройках, по областям обновляет, строит города, по местам обновляет стены, чтобы оберегать свою державу. Из-за вражды, бывшей между персами и ромеями, в то время когда Тимострат был стратилатом и дуксом на границе, его военачальники собрали к нему войско, чтобы

[1] Исаия 26_{20}.

[2] Префекта [πιτάξης πιτυάξης см.: Brockelmann, p. 564].

воевать с Низибией. Они осадили ее, но не взяли и отправились оттуда к крепости Тебет. Войска обложили стену и пробили ее, но время было жаркое, летнее и по этой причине они были в затруднении и не взяли крепости, которая находится в парасангах пятнадцати от Дары. Войску было приказано вернуться в Дару. Так как они были жадны к пище, изготовленной из свиного мяса, то многие пешие умерли в дороге от жажды. Из войска погибли те, что бросились в потоки в пустыне и потонули, и прочие погибли в дороге. Всадники же достигли Дары, но так растаяло войско.

Глава 2-я той же девятой книги
о войне, бывшей в пустыне Таннурин

При жизни императора Юстина, который узнал относительно Таннурина, что он может служить опорой, убежищем, [он приказал] построить в пустыне город и поместить в нем войско для охраны Ароба от арабских разбойников. Строить его был послан силентиарий Фома из Ападны. Когда он приготовил некоторое количество материала и работников, которые начали работу, ее принудили прекратить арабы и кадишеи Шигара и Тебета. Но как мы выше сообщили, так как ромеи подготовились и обложили Низибию и Тебет, то после этого вооружились и персы и устроили ров [1] в пустыне Таннурин. Когда умер дукс Тимострат, стратилаг, то после него был Велизарий. Он не был жаден к подаркам, любил крестьян и не допускал войско их обирать, так как за ним следовал Шлимон, евнух, из крепости Идрабт [ܐܕܪܒܛ], муж разумный, испытанный в мирских делах, бывший нотарием [ܢܘܛܪܝܘܣ — νωτάριος] дукса Фелициссимуса, близкий прочим начальникам и наученный в школе испытаний. Так, собралось ромейское войско, чтобы отправиться в пустыню Таннурин против персов с Велизарием, Кутсисом, братом Бутсиса, Василием, Винцентием и прочими военачальниками и с Атафаром, главой арабов. Когда об этом услыхали персы, они ухитрились сделать канавы и зарылись в свои рвы; извне они устроили кругом них треугольные деревянные полисады и оставили отверстия. Когда ромейские войска достигли [их], они не сразу поняли лукавую хитрость персов, и военачальники силой движения попали в рвы персов. Когда они упали в ямы, они были схвачены, а Кутсис убит. Конное ромейское войско повернуло и обратилось в бегство к Даре, вместе с Велизарием, пехота же не убежала и была перебита и взята в плен. Атафар, арабский царь, в бегстве был ранен вблизи и умер. Он был мужем воинственным и мудрым, хорошо осведомленный в ромейском оружии, на войне в различных местах имевший победы и прославившийся.

Глава 3-я той же девятой книги
о войне за Дару

Итак, персы возгордились, заважничали и прославились; Михран и марзбаны собрали войско, они отправились на Дару и расположились у Амудина, надеясь тотчас, как они полагали, взять город, так как ромейское войско после битвы было немногочисленно. Их конница и пехота приготовились и подходили с юга города, чтобы окружить его, обложить и засесть вокруг него. Но ромейское войско, с помощью господа, который

---

[1] ܒܪ ܟܘܦܐ — φοσσεῦσαι (Brockelmann. Lexicon, p. 580).

наказывает, но не предает окончательно насмерть, выступило. Суникс муж, бывший военачальником гунн, крестившийся, найдя убежище у ромеев, и Симос,[1] ромейский хилиарх, взяв свое оружие с двадцатью [2] мужами, отгоняли несколько раз от города все персидское войско. Они с силой проходили войско из конца в конец, рубя направо и налево. Они были весьма опытны в копье и в мече; их голоса были суровыми и устрашающими, и они показали, что павшие перед ними персы — трусы. Они поразили двух из их начальников, с немалым войском всадников. Многих «фигай» [اقنيحا], которые являются пехотой персов, они уничтожили и прогнали с востока города герулы [3] с Бутсисом. Огорчились персы, когда увидали, что много мертвых, и послали в Низибию, чтобы оттуда привели вьючных животных, сколько могут, и тотчас пришли в Дару и взяли сколько смогут добычи. А когда многие прибыли, они нагрузили их трупами своих убитых и затем удалились с позором. Прочее же войско персидское отправилось в ромейский Ароб и сожгли его огнем.

Глава 4-я

о войне, бывшей на Евфрате в девятом [году]

Так как персы поумнели от опыта и были весьма поражены ударом ромеев, когда они приблизились к городу, а те не вышли на них, они отправились в пустынные земли ромеев, расположились на Евфрате и по своему обыкновению устроили ров. Велизарий во главе ромейского войска приготовился к войне и с ним хилиархи. Прибыли они на последней неделе поста. Персы попались им на глаза малой частью. Он послал ромеям [сказать], что они почтут праздник «из-за назареев и иудеев, которые есть у меня в войске и ради вас, потому что вы христиане». Когда Велизарий, стратег, согласился на это дело, военачальники стали очень роптать и не соглашались делать отсрочку, чтобы почтить день. Когда они приготовились к бою, на восходе воскресения опресноков, день был холодный из-за встречного для ромеев ветра. Они оказались слабыми и бежали, повернув в бою с персами. Многие упали в Евфрат и потонули, другие были убиты, Велизарий же спасся. Схвачен был сын сестры Бутсиса, который находился больным в Амиде и не отправился на войну, но отправил войско с Дометсиолом в Абгаршат. Его отправили в персидские пределы, но, наконец, он вернулся, как я сообщу это в нижеследующей главе.

Глава 5-я той же девятой книги

о кадисее Гадар, военачальнике персов, как он был убит, а бывший с ним Яздегерд сын сестры Хормизда ефтахша [πιταξης], области Арзанены, был взят в плен

Когда в дни дукса Велизария, в пятый [год], ромеи, вынужденные прекратить постройку пограничного Таннурина, пожелали построить в Мелабаше город Бидоин,[4] кадисей Гадар с войском был послан Кавадом; он разбил ромеев и обратил их в бегство в битве, которую он имел с ними

---

[1] ܣܡܘܣ — Σίμμας (Procopius. De bello persico, I, 13, 21).

[2] ܥܣܪܝܢ ܘܬܪܝܢ дважды двадцать, м. б. читать двести.

[3] ܗܪܘܠ — Ἔρουλος (Procopius. De bello persico, I, 13, 19).

[4] Honigmann. Die Ostgrenze des Byzantinischen Reiches. Карта I. Мелабаш — возвышенность Μελαβάσιον ὄρος на восток от впадения Нимфия [Каллата] в Тигр. Бидоин ниже впадения Нимфия, на левом берегу Тигра.

на горе Мелабаш. Он приобрел значение [ⲙⲁⲥⲧⲓⲍ] у Кавада и был поставлен оберегать границу с востока от Мелабаша, в области Арзенайской до Майферката. Он очень гордился перед ромеями, подшучивал и, как Рабшак, посланный Санхерибом, проклинал. Он вел с собою около семисот одетых [в доспехи] всадников; за ними следовала пехота, чтобы собирать добычу. Они перешли Деклат [Тигр] в Бет Аткайе [область, принадлежащую] амидийцам. Беса был дуксом Майферката. Было летнее время этого девятого [года]. С Гадаром был Яздегерд, сын его сестры, ефтахша [πιτάξης], который как сосед знал область Аткайе. Когда об этом услыхал Беса, он выступил против него с пятьюстами всадников из Майферката, удаленного стадий на четыре; он встретил его у Бет Кельте и уничтожил его войско на Деклате [Тигре], убил Гадара, взял в плен Яздегера и увел его в Майферкат. Последнего после мира, заключенного в десятом [году], отдали за Дометиолоса, который вернулся из персидских пределов. Дукс Беса, после того как он уничтожил персидскую конницу и Гадара, оберегавших границу области Арзанены, вторгся в их землю, многое в ней разорил, взял пленных и привел их в Майферкат.

Глава 6-я этой девятой книги

сообщает нам о войне, бывшей у Майферката, и о не малом войске гуннов, перешедшем пределы ромеев

Деревни в области Арзанены государства персидского были обязаны немалой подушной податью, собираемой с живущих в них в царскую сокровищницу, и [вносили] содержание [ⲁⲝⲓⲁ, ἀξία] ефтахаше [πιτάξης], поставленного там [в качестве] епарха царя. Эту землю, как сказано выше, весьма разорил Беса дукс, который держал в плену в Майферкате сына сестры ефтахаша. Царь Кавад был весьма разгневан, когда узнал от ефтахаша о разорении земли. Этот же Хормизд каждый камень сдвинул в войске и в царском дворце против Майферката, чтобы осадить его, так как он являлся кладовой и убежищем для ромейского войска, которое нападало на Арзун. Так сказать, было выделено войско из войск персидских, и Михрагирви был послан завербовать много гуннов и привести их на помощь. Они приготовились и собрались у Майферката в начале десятого [года], сделали около него рвы, насыпь [1] и много ям, теснили их в боях настойчиво. В нем [городе] было не малое ромейское войско и Бутсис, и они в бою отбросили много персов. Епископ города Нонн умер. Велизарий же из-за того, что было уничтожено ромейское войско персами у Таннурина и на Евфрате, был признан императором виновным, затем смещен и сам отправился к императору. В Даре после него был Константин, он собрал многочисленное ромейское войско; Ситта был стратигом и с ними был арабский царь Бар Габала. Они достигли в [месяце] Тишрине десятого [года] Амида, и Иоанн отшельник из Анастас и, муж достойного образа жизни, призванный [в епископы] присоединился к ним. Когда они прибыли в Майферкат, пришла зима в эту северную землю и холод. Персам препятствовали дождь и грязь; они тяжело работали и боялись многочисленности ромейского войска. Царь их, Кавад, умер, когда они были там, и они заключили договор с ромеями, что они отойдут от города. Тогда, когда они отошли, Майферкат был открыт, а ромейское войско возвратилось, прибыли гунны, большое количество народа, завербованные персами. Они уничтожили и перебили множество крестьян земли, сожгли селения и храмы, перешли Евфрат

[1] ⲣⲁⲙⲁ — термин, известный по осаде Амида в 502 г., греческий — ὁ λόφος.

и дошли до Антиохии. И никто не выступил против них и не причинил вреда, за исключением Беса, дукса Майферката, напавшего на некоторых из них, когда они возвращались, который перебил [их] и захватил около пятисот коней и много добычи. Муж [этот] разбогател. У крепости Китариз тамошний дукс прогнал из них около четырехсот мужей и захватил их вьючных [животных].

После Кавада воцарился его сын Хосрой. Его мать при жизни своего мужа Кавада была преследуема демоном, и все маги, чародеи и заклинатели, призывавшиеся к ней Кавадом, который ее очень любил, не приносили ей никакой пользы, но, по правде говоря, прибавлялись у нее демоны к демонам.

Она была послана в четвертом [году], в дни дукса Либерия, к блаженному Моисею, жившему монахом на расстоянии около двух парасангов ниже Дары. Он был известен. Она пробыла у него немного дней, очистилась и возвратилась в свою землю. Она взяла у святого Моисея из монастыря, называемого Тармель, благословение от мощей мученика Кирика, чтобы оберечь себя и защитить, чтобы не вернулся в нее дух. Почитая его, она построила ему [мученику] тайно часовню [ܒܝܬ ܡܕܒܚܐ] в своей земле, там ему поклонялись. Так как она помнила милость, которую имела от него через этого святого Моисея из Тармеля, она помогла ромеям по случаю и по причине как об этом написано ниже.

Глава 7-я той же девятой книги

о том, как был заключен мир между ромеями и персами и длился около шести, семи лет, в дни Руфина и магистра Гермогена

Когда император Юстиниан узнал о том, что случилось в подвластной ему Месопотамии [ܒܝܬ ܢܗܪܝܢ], что войско было несколько раз уничтожено персами, а что земледельцы [ܦܠܚܐ ܕܐܪܥܐ] были перебиты и уведены в плен гуннами, а что земля с селениями сожжена, он прекратил продолжать посылать войска на войну, чтобы драться с Хосроем, воцарившимся после своего отца Кавада. Он был другом Руфина, посоветовавшего его отцу посадить его на престол после него. Это было известно царю и укрепило его и он обещал ему, что когда он увидит его в своей земле, то все, что он справедливо попросит у него, он сделает ради мира, желанного царю. Поэтому были посланы этот Руфин и магистр Гермоген в одиннадцатом году послами к Хосрою. Они имели длительные переговоры. Этот Руфин был там известен, так как его посылали несколько раз к Каваду; он был его другом и много раз одаривал знатных государства. Царица, мать Хосроя, любила его за то, что он советовал Каваду сделать царем ее сына, и была обязана благодарностью блаженному Моисею из монастыря Тармель за то, что бог исцелил ее, поэтому она настойчиво просила своего сына Хосроя. При условии, что он [Хосрой] получит золото, посланное императором Юстинианом, как ему сообщили послы Руфин и Гермоген, он заключил мир, и грамоты были составлены и к ним были приложены печати. Казалось, звезды в небе плясали от радости. Это было летом одиннадцатого года, и [мир] продолжался лет шесть, семь до третьего года.

Глава 8-я той же девятой книги

о самарянах, которые восстали и поставили себе тирана в земле Палестинской

Самаряне в Палестинской земле, живущие близ города Неаполиса, недалеко от Кесарии, когда они узнали, что персы от времени до времени

нападали и входили в пределы ромеев и предполагали, что последние слабы перед ними, то они осмелели. Так как они были рассеяны, то и из Кута, Вавилона, Авва, Хамата и Сефраваима они были посланы Салманассаром, царем Ассирийским, и поселились в земле Самарийской. Они восстали, поставили во главе тирана, вошли в Неаполис, убили Мамона, бывшего там епископом, новое установили на этой земле. Желая помочь персам, из земли которых они переселились в пределы ромеев, они сожгли много храмов святых, захватили город и собирали добычу. Когда об этом узнал император, он послал хилиарха Адриана, и вместе с местным дуксом они собрали ромейское войско и арабов из Арабайи. Они выступили против самарян, которые были уничтожены ромеями. Они убили тирана, захватили город и восстановили порядок первоначального управления. В нем поставили также епископа и войско охранять и держать в порядке местных жителей.

Книга двенадцатая

Глава 7-я

сообщает об описании вселенной, составленном усердием Птоломея Филометра, царя Египетского

Это писание о народах вселенной составлено, как написано выше, Птоломеем Филометром в тридцатом году его царствования, за 150 лет до рождения нашего спасителя, до нашего же времени до года двадцать восьмого царствования Юстиниана, сидящего царем в наши дни, года 866 Александра, 333-й олимпиады, лет 711. Сколько же городов за это время от Птоломея до наших дней построено и добавлено у всех народов во вселенной, особенно после рождения нашего спасителя. Воцарился мир между народами, племенами и языками, но они не соблюдали первоначального обычая, но восстал народ на народ в войне и бились мечами с мечом, так что исполнилось на них пророчество, гласящее: «Перекуют мечи свои на орала и копья свои на серпы».[1] Вместе с этими [упомянутыми] в географии Птоломея сарматами, скифами и сериками, в этой северной стороне есть верующие пять народов с их двадцатью четырьмя епископами. Их католикос находится в Довине, большом городе Персидской Армении; Григорием, по имени, был их католикос, муж праведный и знаменитый. Гурзан также земля в Армении, с языком, подобным греческому; у них есть царек [ܩܠܩܢ] христианский, подвластный царю Персии. Аран [ܐܪܢ] также земля, в той же земле Армении, со [своим] языком, с народом, верующим и крещеным; у них есть царь, подчиненный персидскому царю. Сисган также земля со [своим] языком и верующим народом, но живут в ней и язычники. Базгун земля со [своим] языком, которая примыкает и простирается до Каспийских ворот и моря, находящихся в пределах гуннских [ܒܝܬ ܓܒܐ ܕܒܪ ܓܒܐ]. За воротами [живут] бургары со [своим] языком, народ языческий и варварский; у них есть города и аланы [ܐܠܢ] у них пять городов. Из пределов Даду [ܕܕܘ] живут в горах, у них есть крепости. Авнагур — народ, живущий в палатках. Авгар, сабир, бургар, алан, куртаргар, авар, хасар, дирмар, сирургур, баграсик, кулас, абдел, ефталит — эти тринадцать народов живут в палатках, существуют мясом скота и рыб, дикими зверьми и оружием. Вглубь от них [живет] народ амазраты и люди-псы; на запад и на север

[1] Исаия 2_4.

от них [живут] амазонки [amazonides], женщины с одной грудью; они живут сами по себе и воюют с оружием и на конях. Мужчин среди них не находится, но если желают прижить, то они отправляются мирно к народам по соседству с их землей и общаются с ними около месяца и возвращаются в свою землю. Если они рождают мужской пол, то убивают его, если женский, то оставляют и таким образом они поддерживали свое положение. Соседний с ними народ ерос, мужчины с огромными конечностями, у которых нет оружия и которых не могут носить кони из-за их конечностей. Дальше на восток, у северных краев есть еще три черных народа.

У гуннов лет двадцать тому назад или больше вышло писание на их языке о том, как это устроено господом; я сообщу, как я слыхал от правдивых мужей Иоханана из Рейшайна, находившегося в монастыре Бет Айсхакуни, у Амида, и от Томаса кожевника [ܒܘܪܣܝܐ — βυρσεύς], уведенных в плен [при] Каваде перед тем лет за пятьдесят или больше. Они были вновь проданы и отправились из пределов персидских в гуннские, прошли за ворота и оставались в их земле больше тридцати лет, взяли жен, породили там детей. Они вернулись в настоящее время и рассказали нам живыми словами следующее. После того как вывели пленных из пределов ромеев и ввели к гуннам и они оставались в их земле тридцать четыре года,[1] явился ангел человеку, по имени Кардост, епископу земли Аран, как этот епископ сообщил, и сказал ему: «С тремя добродетельными священниками пойди в долину и прими от меня слово, посланное тебе от господина духов, потому что я распоряжаюсь этими пленными, что из ромейских пределов вошли в область языческих народов. Я представил их молитвы богу, и он сказал мне то, что я сказал тебе». Когда этот Кардост, что переводится по-гречески Теоклетос, а по-арамейски «призванный богом», с усердием отправился в долину с тремя священниками, сказал им ангел: «Пойдите, вступите в область [языческих] народов и крестите детей мертвых, поставьте им священников, дайте им таинства, подкрепите их. Вот я с вами, сделаю вас там любимыми; вы будете делать там среди [языческих] народов знаменья и вы найдете все, что требуется для вашего служения». С ними пошли четверо других и в земле, где нельзя покойного местопребывания [ܒܬܪ ܡܫܟܒܐ], находили эти семь мужей священников из вечера в вечер семь хлебов и кувшин воды. Они не вошли в ворота, но были проведены через горы. Когда они прибыли, они говорили с пленными, многих окрестили, и обучали [некоторых] из гуннов. Они оставались там семь лет [буквально: неделю годов] и выпустили там писание на гуннском языке. Случилось в то время, что был послан туда Пробос с посольством от императора, чтобы купить из них воинов [ܓܝܪ] для войны с [языческими] народами. Когда он узнал относительно гуннов от этих святых и был осведомлен относительно пленных, он весьма возревновал и пожелал повидать их. Он увидал их, был ими благословлен и очень почтил их в глазах этих народов. Когда наш император узнал от него относительно события, совершенного так господом, как выше описано, из городов под ромейской державой, расположенных поблизости, было погружено тридцать мулов, и он послал их с пшеницей, вином, маслом, льном, другими плодами и священной утварью. Мулов он дал им в подарок, так как Пробос был муж верующий, мягкий и был усерден в таких добрых делах, как это. Через четырнадцать лет он (Кардост) ушел, и там был другой армянский епископ, по имени Макар, он был

[1] Ahrens и Krüger неверно исправляют текст 3,4 года, так как дело идет о родившихся и некрещенных детях ромейских пленных. Из расчета в пятьдесят лет можно высчитать и установить, что в тексте указано 34 года.

хорошо подготовлен и вступил туда по своей воле вместе с священниками. Он построил церковь из кирпичей,[1] насадил растения, посеял различные семена, совершил знаменья и многих крестил. Когда властители [ܪܫܝܐ] этих народов увидели что-то новое, они очень удивились и обрадовались мужам, почитали их и каждый звал их в свою сторону к своему племени и просил, чтобы они были ему учителями. И вот они там до настоящего времени.

Это знак любви божией, которая печется обо всех своих повсюду и в это время, когда установлена его власть, чтобы «вошло множество народов», как говорит апостол.

Также и царь персидский, семь лет тому назад, как рассказывают те, которые это знают, воздерживается от ядения удушины и крови, от мяса нечистых зверей и птиц, с тех пор, как прибыл к нему Трибониан [2] архиатрос, посланный ему в то время светлейшим нашим императором, и Бирвай, превосходный муж, а после него Кашвай, а ныне Гавриил, низибийский христианин поставлен над его пищей. Он не принимает ее по прежнему обычаю; но ее благословляют — и тогда он есть ее. Имеет перед ним дерзновение Иосиф католикос христиан, он следует за ним в качестве врача и сидит перед ним на первом седалище после главы магов. То, что он просит из милосердия к пленным и святым, он получает.

По совету христианских врачей, окружающих его, он ныне устроил ксенодохейон [ξενοδοχεῖον], что необычно, дал 100 мулов, 50 верблюдов, снабженных продуктами [ملاّ — κελλάριον] за счет государства, и 12 врачей, и то, что еще необходимо, дается наполовину царем.

[*На этом рукопись хроники кончается.*]

[1] ܐܓܘܪܐ — πλίνθος Thesaurus Syr., t. II, cap. 1886.

[2] Трибун см. A h r e n s, стр. 384, примеч. к стр. 256.

УКАЗАТЕЛЬ

собственных имен и географических названий, упоминаемых в русском переводе сирийских источников

Абгаршат 162
Абрахам бар Кайли 157
Авва 165
Адармахан, марзбан, 124, 132, 134
Адриан, хилиарх, 165
Айсехак бар Барай 153
Акакий Архелай 118
Акба 117, 147
Акхара, селение, 154
Александр Македонский, его эра, 113, 129, 133, 165
Амид, город, 137, 142, 146, 148, 149, 150, 154, 155, 157, 158, 162, 166
Амидская область 133, 142
Амудин 155, 161
Анастасий, император, 124, 148, 149, 155, 157, 158
Анастасиополь см. Дара
Антиохия 117, 121, 124, 135, 138, 141, 159, 160, 164
Анхиалос 118
Ападна 154, 161
Апамея 117, 124, 125, 135, 145, 159
Арабайа 154, 165
Арабиссус, город, 142
Аравия 116
Аран 152, 165, 166
Ареобинд, военачальник, 153, 154
Арзам, селение, 154
Арзун, Арзанена, область, 117, 133, 142, 145, 146, 154, 159, 163
Ариадна, императрица, 148, 157
Армения 109, 110, 111, 112, 113, 117, 126, 127, 128, 129, 130, 131, 132, 138, 142, 143, 150, 165
Ароб 149, 161, 162
Асклепий бар Мельхе, епископ, 158
Астафар, шейх арабов, 161
Аулус, стратилат, 146
Ахудеме, епископ, 136

Баальбек, город, 158
Базгун 165
Бар-Габала, арабский царь, 163
Бар-Шелом 159
Белиха 159
Беса, дукс, 163, 164
Бет-Айсхакуни, монастырь, 166
Бет-Арамай, область, 114, 134
Бет-Аткайе, область, 163
Бет Кельте, местность, 163
Бетваши (Бебас), река, 141
Бидоин, город, 162
Бирвай 167
Бостра, город, 116
Бутсис, военачальник, 161, 162, 163

Вавилон 165
Вардан 130
Василий, военачальник, 161
Василиск 149
Велизарий, полководец, 161, 162, 163
Вениамин, араб-монах, 135
Винцентий, военачальник, 161
Виталиан, полководец, 148, 157

Гавриил, врач, 167
Гадар, кадисей, 162, 163
Гадона 154
Гермоген, магистр, 164
Глон, Эглон, персидский военачальник, 153, 154
Геракл, башня в Даре, 123
Горгоний, царь Армении, 130
Григорий, епарх, 132
Григорий, католикос Армении, 165
Гурзан (Грузия) 165

Дада, монах, 159
Даду, область, 165
Дайсан, река, 158
Дара город, 122, 124, 125, 126, 131, 132, 135, 136, 137, 145, 148, 155, 156, 161, 162, 163, 164
Дарийская область, 132
Деклат см. Тигр
Диодор Тарский 159
Довин, город, 109, 112, 165
Домдзолус, эконом, 143
Домециол, военачальник, 162, 163
Дунай, река, 140
Евпрас 159
Евстафий, апамейский купец, 150
Евтихиан, клирик, 156, 157
Евфимий, епископ, 148
Евфрат, река, 128, 160, 162, 163
Ефрем, комит востока, 159

Захария, врач и софист, 130, 141
Земарх, посол, 138, 139
Зенон, император, 148, 149, 157
Зеора, мар, его храм, 153

Иаков Батнский 149
Иаков мар, епископ, 136
Идрабт, крепость, 161
Иерусалим, город, 148, 155
Иллирик 160
Иов 159
Иоанн, епископ, 148
Иоанн; ипат, 130
Иоанн отшельник 163
Иоанн, сын Тимострата, стратилат, 123, 142
Иоанн Схоластик 148, 149
Иоанна Ортайского монастырь 151
Иосиф, католикос, 167
Иосиф Флавий 155
Иоханан бар Хабалаха 153
Иоханан из Решайна 166
Иоханан, клирик, 156, 157
Иоханан, отшельник, 160
Ипатий, военачальник, 148, 153, 154, 157, 159

Кабос, 119, 120
Кавад, шаханшах, 150, 151, 154, 155, 156, 158, 159, 162, 163, 164, 166
Каллат, река, 117, 146
Канарак (звание персидского марзбана, здесь ошибочно употребляется, как имя собственное) 151, 152
Каппадокия 113, 117, 126, 127, 132, 142
Кардост, епископ, 166
Картаминский монастырь 151
Карха, горы, 129
Каспийские ворота 165
Катаррский монастырь 155
Кашвай 167
Келер, магистр, 153, 155
Кесария, город, 164
Кесария Каппадокийская, город 113, 127
Кипр, остров, 133, 142, 146
Кир Адон, клирик, 156
Кир, эгемон, 151, 152, 153
Китариз, город, 132, 142, 164
Климар, крепость, 146
Константин, военачальник, 150, 163
Константин патрикий, сын Германа, 141, 142
Константинополь 113, 118, 129, 130, 148, 157
Ксенайа, Филоксен, епископ Маббугский 148
Кузьма Антиохийский, епископ, 148
Курис, стратилат, 117, 143
Кут 165
Кутрига, охотник, 151, 152
Кутсис, военачальник, 161

Лев, император, 148
Леонтий бар Паппий, сенатор, 151, 153
Либерарий, гот, 158
Либерий, дукс, 164
Ливан 158
Лимитон 159

Маврикий, комит, 114, 117, 132, 133, 134, 142, 146
Магна 114, 115, 116
Майферкат, город, 133, 146, 163, 164
Мака, женск. имя 159
Макар, епископ, 166
Македоний, епископ, 148
Мамон, епископ, 165
Марк 149
Маркиан, патрикий, 117, 118, 119, 120, 121, 122, 145
Мелабаш, возвышенность, 162, 163
Мелитена, город, 117, 128
Месопотамия 133, 149, 150, 164
Михрагирви, персидский военачальник, 163
Михран, 161
Моисей, монах, 164
Мундар бар Харит 114, 115, 116, 117, 119, 120, 121, 122, 133, 134, 159
Муриана (Бедериана) крепость 158, 160

Нааман бар Мундар 116, 122
Нарсес 117, 143, 144, 145
Неаполис, город, 164, 165
Низибия город, 122, 123, 141, 145, 154, 155, 159, 161, 162
Нонн, епископ, 163

Осроена, область, 134

Павел бар Зайнаб, казначей, 151, 153
Палестинская земля 164
Патрикий, великий стратиг, 153, 154
Пафнутий, крилик, 156
Пероз, шаханшах, 149, 150
Персия 128, 129, 136, 143, 165
Петр, воин, 152
Петр, ипат, 130
Понт, Черное море, 145
Пробос, посол византийского императора, 166
Птоломей Филометр, 165
Пум, крепость, 146

Ресафа, город, 122
Решайна, город, 134, 141, 157, 166
Решайнская область 132
Руфин 164

Салимон, крепость, 149
Салманассар, царь ассирийский, 165
Самарийская земля 165
Самария, город, 149, 155
Самуил, араб-монах, 135
Самуил, монах, 155
Саргис бар Забдони 153
Саргис бар Шафни 123
Саргис, клирик, 156
Саргис мар, его храм, 122
Самсон, библейский, 136
Себаста, город, 127
Сефраваим 165
Сидон, город, 148
Силоам, источник, 158
Симеон, пресвитер, 148
Симос, хилиарх, 162
Сирия 116, 132, 142
Сирмиум, город, 117, 140, 144, 145
Сисган 165

Ситта, стратиг, 163
Соломонов храм, 158
Софена, Софиана, область, 117, 133, 146
Суникс, гунн, военачальник, 162

Там Хосрой, марзбан, 129, 141
Таннурин, пустыня, 161, 162, 163
Тармель, монастырь, 164
Тебет, крепость, 161
Телла, город, 132, 134, 141, 154, 157
Телльская область 132
Тельбешмайская область 132
Тельбнаде 157
Тиверий, император, 114, 116, 131, 135, 137, 140, 142, 143, 144
Тигр, река, 133, 153, 163
Томас кожевник 166
Тимострат, стратилат, 160, 161
Тимофей, епископ, 148
Тир, город, 148
Траян, император, 139, 141
Трибониан, архиатрос, 167
Трипиргий, башня Амида, 151, 152

Узза, богиня арабов, 159

Фарзман, военачальник, 154, 155, 159
Федор (Мопсуетский) 159
Федор патрикий, сын Петра Магистра, 130
Фелициссимус, дукс, 156, 161
Феодосиополь, город, 111, 126, 127, 132, 142, 148, 150
Фессалоникия 141
Флавиан, епископ, 148, 158
Фома бар Абдона, эконом, 157
Фома, епископ, 154, 156, 157
Фракия 114, 140, 141

Хабор 159
Халкедон, город, 112, 140, 144
Хамат 165
Ханзит, область, 142
Харит 119
Хеварин, селение, 115
Хирта, город, 122, 134
Хормизд, дворец Хормизда, 143
Хормизд, персидский военачальник, 163
Хормизд, шаханшах, 137, 138, 143
Хосрой I, шаханшах, 110, 111, 113, 117, 135, 136, 137, 138, 143, 146, 164

Шабор, шаханшах, 110, 111
Шашкерт, крепость, 117, 146
Шемон, отшельник, 160
Шигар, гора, 161
Шлимон, евнух, 161

Юстин, комит (будущий император Юстин I) 153, 158, 159, 160, 161
Юстин II, император, 114, 118, 119, 120, 122, 130, 131, 137, 138, 139, 140
Юстиниан, император, 138, 139, 140, 159, 160, 164, 165
Юстиниан патрикий, сын Германа, 111, 121, 122, 128, 132

Эдесса, город, 134, 158
Эглон см. Глон
Эллада, 140
Эмесса, город, 159

Яздегерд, ефтахаша, 163

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Введение 5

Историко-литературная характеристика сирийских источников 9

Захария Ритор . . . . . —

Иоанн Ефесский 15

Среднеазиатские и прикаспийские области в V—VI вв. 29

Кавказ между Ираном и Византией 80

Авары и склавены 91

Сирийские источники. Русский перевод 109

История Иоанна Ефесского . . . . . —

Хроника Захарии Ритора главы относящиеся к гражданской истории) 148

Указатель 168

Редактор издательства А. М. Барабанов. Подписано к печати 14/IV 1941 г. Рисо № 1450—160.
Кол. печ. зн. в 1 печ. л. 56320. М 33377. Объем 10³/₄ печ. л. 14,02 уч.-изд. л. Тир. 2000 экз.
Цена книги 8 руб. 50 коп.

Типо-литография Изд-ва Академии Наук СССР. Ленинград, В. О., 9 линия, 12. Заказ № 2.

Цена 8 руб. 50 коп.